

Бѣлостокскій погромъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Кровавая политива.
2. Бѣлостокскій погромъ и правительство.
3. „ „ „ и Госуд. Дума.
4. Ужасы Бѣлостока (съ рисунками).
5. Бѣлостокскій погромъ, печать и Европа.
6. Вмѣсто эпилога.

ЦѢНА 50 КОП.

45782

КРОВАВАЯ ПОЛИТИКА И БѢЛОСТОКСКІЙ ПОГРОМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Кровавая политика.
2. БѢЛОСТОКСКІЙ ПОГРОМЪ и правительство.
3. " " и Госуд. Дума.
4. Ужасы БѢЛОСТОКА (съ рисунками).
5. БѢЛОСТОКСКІЙ ПОГРОМЪ, печать и Европа.
6. Вмѣсто эпилога.

Складъ изданій: Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. Ефимова (А. Д. Друтманъ).
1906.

«Погромъ устроимъ какой
угодно, угодно на 10 человѣкъ,
а угодно—на 10 тысячъ».

(Изъ рѣчи кн. Урусова въ Го-
сударств. Думѣ).

Изданіемъ настоящей книги наша цѣль—это со-
общить широкимъ народнымъ массамъ: 1) истинное
положеніе современныхъ событій, «разъяснить наро-
ду, кто, почему и для чего устраиваетъ погромы и
народныя избіенія» и 2) въ частности,—ознакомить
со всѣми ужасами и звѣрствами провокаторскаго,
Бѣлостокскаго погрома (какъ вбитіе гвоздей въ
глаза, вырѣзаніе языка у живого человѣка и т. п.

«И когда народъ узнаетъ правду, когда онъ узнаетъ,
какая опасность ему грозитъ, то онъ найдетъ и силы и
средства бороться противъ погромщиковъ». (Изъ рѣчи члена
Гос. Думы Джапаридзе).

Насколько наша цѣль достигнута предлагаемыми
бѣглыми набросками, написанными, по нашему пору-
ченію, г-номъ В. Г. . . . скимъ (корреспонд. одной
вѣнской и русской газетъ), предоставляемъ судить
самому читателю.

«Русское
Свободное Издательство».

Gefährlich ist's, den Lew zu wecken,
Und schrecklich ist des Tieger's Zahn,
Jedoch das schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn.
Schiller.

Опасно будить льва, ужасенъ зубъ
тигра, но ужаснѣе всѣхъ ужасовъ чело-
вѣкъ въ своемъ безуміи.
Шиллеръ.

I.

Кровавая политика.

Страшная, кровавая волна поднялась надъ Россіей. Горятъ помѣщичьи усадьбы, пылаютъ убогія избенки, подожженные храбрыми командирами «карательныхъ» бандъ палачей, свистятъ розги надъ тѣми, кому «изъ человѣколюбія» даруютъ жизнь мундирные убійцы, наконецъ, реветъ артиллерія. грома «кромельные» го- рода, но движеніе, которое пытаются подавить всѣми доступными обезумѣвшему человѣку мѣрами насилія, не только не утихаетъ, но съ каждымъ днемъ усиливается, растетъ и разливается все шире и шире по необъятному пространству Россіи. Народъ, который въ продолженіе многихъ вѣковъ сидѣлъ въ душномъ, темномъ казематѣ, которому старались внушить, что его глаза не приспособлены къ солнечному свѣту, что его легкія не выдержать свѣжаго, чистаго воздуха, проломалъ стѣну своего каземата. Его глаза съ восторгомъ увидѣли тотъ просторъ, ту ласкающую красоту, которая разлита тамъ, на широкой волѣ луговъ и лѣсовъ. Его мощная грудь глубоко вздохнула, чистый воздухъ живительной струей влился въ легкія, и великанъ понялъ, что его тюремщики вѣками лгали ему, что они держали его въ цѣпяхъ затѣмъ, чтобы на свободѣ раскрадывать богатства родины. И великанъ-народъ грозно повелъ очами, расправилъ свои могучіе

члены и сталъ разбрасывать кирпичи тюремной стѣны, чтобы окончательно выйти на волю.

Испугались тюремщики. Бросились на великана, колютъ его булавками, стрѣляютъ въ него, лепечутъ съ перепугу что-то совсѣмъ дикое, стараются помѣшать ему, тащатъ обломки старыхъ кирпичей и стараются всунуть ихъ въ пробитую брешь, но брешь увеличивается, кирпичи летятъ въ головы тюремщиковъ и они, безсильные, задыхающіеся отъ ярости, мечутся изъ стороны въ сторону и не знаютъ, какъ имъ остановить прозрѣвшаго великана, какъ избѣжать грознаго суда, который ждетъ ихъ, когда народъ совсѣмъ выйдетъ на волю и увидитъ, какъ подло они разграбили и загрязнили его родину...

Кучка людей, одѣтыхъ въ залитые золотомъ мундиры, испробовала всѣ средства усмирения. За послѣдніе полтора года Россія перенесла все, что когда-либо примѣнялось для борьбы съ свѣтлыми идеями, съ стремленіемъ народа къ свободѣ.

Неронъ въ Римѣ жегъ христіанъ — Дубасовъ жегъ въ Москвѣ на Прѣснѣ «революціонеровъ», Орловъ сжигалъ латышей въ Прибалтійскомъ краѣ, Слѣпцовъ въ Твери устроилъ костеръ изъ земцевъ, въ Вологдѣ ротмистръ Пышкинъ жарилъ въ народномъ домѣ ссыльных, въ Томскѣ живыми сгорѣли десятки людей, въ Бѣлостокѣ войска, подъ командой генерала Богаевского, поджигали дома, изъ которыхъ потомъ вытаскивали «обгорѣвшія кости».

Въ XIII вѣкѣ испанская инквизиція ввела утонченныя пытки. Господа: Плеве, Треповы, Ждановы, Луженовскіе и прочіе Дурново высшихъ и низшихъ ранговъ въ полицейскихъ и охранныхъ застѣнкахъ прыгали со стола на животъ допрашиваемыхъ (Варшава), подвѣшивали людей за волосы и били нагайками до потери сознанія (Рига), тушили папирсы о голое тѣло изнасилованныхъ и изувѣченныхъ дѣвушекъ (Тамбовъ), словомъ, настолько удачно слѣдовали примѣру святыхъ испанскихъ отцовъ, что въ газетахъ нерѣдко появлялись короткія, но выразительныя замѣтки:

— 7 —
«Арестованный вчера крестьянинъ А. ночью скончался послѣ полицейскаго допроса».

Въ XVI вѣкѣ жилъ еще одинъ великій учитель русскихъ сановныхъ палачей: Іоаннъ IV, «Грозный», котораго съ дѣтства развратили придворные. Іоаннъ IV создалъ опричниковъ, точный портретъ которыхъ мы теперь видимъ въ отдѣльномъ корпусѣ жандармовъ. Опричники, съ собачьими головами и метлами за сѣдлами, «выметали крамолу». Достаточно было малѣйшей личной ссоры съ опричникомъ, чтобы попасть въ лапы къ духовному предку нашихъ усмирителей, Малютѣ Скуратову, а то просто «по упрощенному (военно-карательному)»? судопроизводству на мѣстѣ отдать Богу душу.

Современные опричники собачьихъ головъ и метель не берутъ. Въ синихъ, ловко сшитыхъ мундирчикахъ, благовоспитанные и раздушенные, они лихо, гремя шпорами и потряхивая аксельбантами, отплясываютъ па-де-катрѣ, ведутъ остроумные разговоры съ дамами, а подъ утро отправляются громить чужія квартиры и «допрашивать». Попробуйте-ка, читатель, поспорить съ такимъ голубымъ опричникомъ! Я не желалъ-бы быть при этомъ въ вашей шкурѣ, какъ-бы благонамѣренны вы ни были!!

Малюта Скуратовъ любилъ «вырѣзывать языки» неприятнымъ ему людямъ. Вотъ показаніе случайно недобитаго въ Бѣлостокѣ рабочаго Рубинштейна:

— «Меня везутъ въ Варшаву. Я вѣрно умру, но я хочу вамъ сказать. Сюда привезли съ вокзала крѣпкаго, молодого человѣка съ вырѣзаннымъ языкомъ. Онъ не могъ даже кричать, онъ ревелъ, какъ медвѣдь, долго, протяжно. Я не хочу жить, этотъ вой и этотъ окровавленный, раскрытый ротъ безъ языка мнѣ не даютъ покоя ни днемъ, ни ночью. Проклятіе всѣмъ этимъ пуговицамъ, кокардамъ и убійцамъ».

Словомъ, ни одинъ изъ славныхъ историческихъ примѣровъ не оставленъ безъ вниманія и подражанія.

Но господа «умиротворители», вообще не отличающіеся образованіемъ, изучали исторію по Иловайскому, а потому вполне справедливо боятся, что мно-

гіе историческіе факты имъ неизвѣстны. Что-же тутъ дѣлать? Изучать исторію по другимъ источникамъ скучно, да и времени нѣтъ: сколько еще въ Россіи крамольниковъ не сожжено и не перевѣшано! Милліоновъ 140 наберется! И вотъ эти господа находятъ истинно гениальный исходъ. Изъ Парижа они выписываютъ «директора школы черной и бѣлой магіи», господина Папюсъ, и Дмитрій Ѳедоровичъ Треповъ начинаетъ «бесѣдовать съ загробнымъ міромъ».

Газеты ничего не сообщаютъ относительно того, кого именно изъ покойниковъ интервьюируетъ господинъ Треповъ, но онъ, несомнѣнно, побесѣдуетъ съ Калигулой, Нерономъ, Тьеромъ, Іоанномъ IV, Скуратовымъ, Плеве и родственниками ихъ. Ближайшее будущее покажетъ, какія цѣнныя свѣдѣнія дадутъ эти, такъ сказать, историческіе первоисточники, а пока займемся тѣмъ, что въ Россіи сдѣлано на основаніи примѣровъ, приведенныхъ Иловайскимъ.

Тюрьмы полны. Крестьяне исправно сѣкутся и разстрѣливаются. Городскіе крамольники сжигаются, вѣшаются и «допрашиваются». А гидра крамолы все растетъ. Мыслью не хотѣвъ понять, что безъ земли имъ много лучше и что, умирая съ голоду, они совершаютъ богоугодное дѣло, за которое имъ многіе грѣхи простятся. Дума воображаетъ себя парламентомъ, хотя самъ Петръ Николаевичъ Дурново сказалъ, что это «*шайка революціонеровъ, изъ которыхъ двѣ трети просятъ на висѣлицу.*» Желѣзнодорожники, приказчики, врачи, адвокаты, учителя, сапожники, пекаря и прочіе революціонеры, памятуя сказанныя депутатомъ отъ извозчиковъ слова «объединяйтесь и старайтесь», объединяются и стараются. О рабочихъ и говорить нечего. Они дошли до такой разнузданности, что открыто заявляютъ, что не позволяютъ «истинно — русскимъ людямъ» попользоваться какими-нибудь золотыми часами изъ еврейскаго магазина...

Покойный Вячеславъ Константиновичъ Плеве былъ великаго ума человѣкъ, и нескончайся онъ такъ стремительно, не было бы въ Таврическомъ дворцѣ крамольной Думы и все шло-бы себѣ по старому, по хо-

рошему. Господинъ Плеве умѣлъ, какъ извѣстно, устраивать такъ, что люди ссылались «неизвѣстно куда», неизвѣстно даже для всевѣдущаго департамента полиціи. Но тотъ-же господинъ Плеве помнилъ мудрое изреченіе Козьмы Прутова:

«Гляди въ корень».

Ясно, что чѣмъ согласнѣе будутъ жить русскіе подданные, тѣмъ глубже въ нихъ вкоренится крамольная идея:

«Одинъ за всѣхъ — всѣ за одного».

Что-же надо сдѣлать чтобы среди русскихъ подданныхъ этого проклятаго согласія не было? Конечно, надо ввести среди нихъ раздоры. Но какъ это сдѣлать? По своей глупости и невоспитанности, народъ продолжаетъ твердить, что «передъ Богомъ всѣ равны», и никакъ не хочетъ забыть сказанныхъ за двѣ тысячи лѣтъ тому назаль (вѣдь этакая память проклятая!) словъ: «Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя».

Господинъ Плеве долго рылся въ учебникъ Иловайскаго, но никакъ не могъ тамъ найти подходящаго историческаго примѣра. Тьеръ хорошо справился съ коммуной... но онъ просто разстрѣлялъ 20,000 человѣкъ. Это не поможетъ. Въ 48 году Бисмаркъ велъ себя молодцомъ... Но онъ все твердилъ объ сплоченіи, о силѣ объединенія... Не подходитъ. И вдругъ господина Плеве осянула богатая мысль! Оказалось, что пока онъ рылся въ Иловайскомъ, рядомъ былъ роскошный примѣръ того, какъ надо поступать въ подобныхъ случаяхъ, и этотъ мудрый примѣръ показывалъ никто иной, какъ... *турецкій султанъ!!* Въ Турціи одно время тоже наблюдалось нежелательное для сановныхъ эксплуататоровъ объединеніе народностей, осяненныхъ краснымъ флагомъ съ звѣздой и полумѣсяцемъ. Тогда въ Турціи, по крайней, мѣрѣ въ ея окраинныхъ вилайетахъ, начались... *погромы*. Съ наружной стороны все объяснялось «возстаніями». Въ 1875 году, напр., мусульманъ натравили на черногорцевъ,

осмѣлившихся просить у султана Абдула Азиса организации полиціи изъ христіанъ и уменьшенія налога на барановъ. Цѣлыя селенія были вырѣзаны. Рѣзали въ Герцеговинѣ, Босніи и турецкой Болгаріи. «Крамольники» успокоились только черезъ годъ, да и то лишь послѣ того, какъ почти всѣ были перерѣзаны. Турки-«успокоились» только послѣ убійства германскаго и французскаго консуловъ, въ концѣ 1876 года, когда, подъ давленіемъ европейскихъ державъ, для вида былъ приговоренъ къ 15 годамъ крѣпости турецкій «погромщикъ по убѣжденію и вахмистръ по воспитанію», начальникъ полиціи Селимъ-Бей.

Въ 1881 году Плеве, русскій погромщикъ и вахмистръ, занявъ мѣсто начальника русской полиціи. Его погромныя убѣжденія къ этому времени уже твердо сложились, и онъ, какъ теперь малоуважаемый Дмитрій Ѳедоровичъ Треповъ, уже зналъ, что «большой погромъ лучше маленькой конституціи».

Характерно, что до 1881 года русское законодательство даже не знало наказанія за погромы, или, какъ гласитъ законъ отъ 9 декабря 1891 года (269 см. улож. о наказ.), за «нападеніе одной части населенія на другую». Въ 1882 году, т. е. на другой годъ провокаторской дѣятельности господина Плеве, уже понадобился особый циркуляръ министерства юстиціи о томъ, что къ виновнымъ въ погромахъ, впредь до изданія новаго о томъ закона, должна во всей строгости, *по совокупности*, примѣняться ст. 38 устава о наказаніяхъ (предусматривающая «буйство въ публичныхъ мѣстахъ»), вмѣстѣ съ постановленіями о поврежденіи движимаго имущества. Законъ отъ 9 дек. 1892 года говоритъ о лицахъ, *участвующихъ въ «публичномъ скопищѣ», хотя-бы и не подготовленномъ заранее, но соединенными силами совершившемъ насилие надъ личностью, похищеніе или поврежденіе чужого имущества, вторженіе въ чужое жилище, или покушеніе на эти преступленія, подъ вліяніемъ побужденій, протекающихъ изъ вражды религіозной, племенной или сословной или изъ экономическихъ отношеній*. Новое уголовное уложеніе одно изъ тѣхъ

мертворожденій, которыми за послѣднее десятилѣтіе такъ обильно наградила бѣдную Россію погромная бюрократія, добавляетъ къ этому закону еще «или изъ нарушающихъ общественное спокойствіе слуховъ». Эта іезуитская фраза, конечно, больше всего относится къ большимъ и малымъ Дурново, шипящимъ о совершенныхъ евреями и армянами ритуальныхъ убійствахъ, разорванныхъ портретахъ государя и т. п., но пока еще рано говорить объ этихъ провокаторахъ—специалистахъ. Ниже мы посвятимъ имъ нѣсколько отдѣльныхъ страницъ.

Законъ 9 дек. 1891 года караетъ участниковъ погрома ссылкой на житіе въ Томскую или Тобольскую губернію, съ заключеніемъ на срокъ отъ 1½ до 3 лѣтъ. Для зачинщиковъ, руководителей и подстрекателей погрома наказаніе усиливается до каторжныхъ работъ.

Такъ гласитъ законъ, объ уваженіи къ которому съ такой безпримѣрной наглостью говорили въ Государственной Думѣ палачъ Павловъ и специалистъ-погромщикъ Столыпинъ. А на дѣлѣ или, вѣрнѣе, что Рачковскій, Комиссаровъ, Нейдгартъ, Слѣпцовъ, Пышкинъ, Барачъ, Владимировичъ, Назаревскій, Ерогинъ, Грингмутъ, Курловъ, Шереметевъ, Богдановичъ, и иные, имена ихъ Ты Господи вѣси, не только не на каторгѣ, а даже въ особомъ фаворѣ у «конституціоннаго» правительства, а нѣкоторые, какъ напр. черносотенный генералъ Богдановичъ, кладутъ «на черный день» въ заграничныя банки по три милліона рублей, полученныхъ, вѣроятно, за «особыя заслуги» передъ..... кѣмъ??

Итакъ, въ 1881 году г. Плеве взялъ въ свои руки нити русской политической вакханаліи, явной и тайной. Имѣя передъ собой примѣръ Селимъ Бея, памятуя о спасительности опусканія на дно Босфора зашитыхъ въ мѣшки крамольниковъ, Вячеславъ Константиновичъ особое вниманіе обратилъ на тайную полицію. При немъ, какъ оказалось послѣ его блаженной кончины, было двѣ тайныхъ полиціи: просто тайная и, такъ сказать, тайная въ квад-

ратѣ. Эта квадратно-тайная полиція была настолько тайной, что тайны ея остались погребенными под обломками кареты около Варшавскаго вокзала, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ обнаружены только безсвязные клочки этихъ тайнъ.... Но не даромъ признана аксіома, что умираютъ лишь люди, а идеи бессмертны, хотя-бы это были такія подлые идеи, какъ Селимъ-Бей Плеvesкая идея провокаціи погромовъ.

Послѣ перваго крупнаго практическаго опыта, *Кишинева*, когда христіанскій праздникъ Пасхи, праздникъ самопожертвованія за великія ученія христіанства, христіане залили кровью ни въ чемъ неповинныхъ людей огромный городъ, въ заграничныхъ газетахъ промелькнула телеграмма о томъ, что за сутки до погрома, властями въ Кишиневѣ изъ Петербурга была получена какая-то таинственная телеграмма, и что погромъ устроенъ по приказанію изъ Петербурга. Тогда на эту телеграмму никто не обратилъ вниманія, потому что выраженная въ ней мысль казалась слишкомъ дикой, чудовищной...

Но вотъ наступаютъ кровавые дни въ Баку, гдѣ власти явно, по удостовѣренію сенаторской ревизіи, раздавали оружіе татарамъ, поощряли избіеніе армянъ, сами даже помогали убійцамъ. Кровавымъ призракомъ встаетъ избіеніе дѣтей въ Курскѣ, гдѣ городовые и пожарные *топтали ногами* восьмилѣтнихъ дѣвочекъ и били головой о камни гимназистовъ перваго класса. Газеты, сообщавшія объ этихъ ужасахъ сколько-нибудь правдивыя свѣдѣнія, безжалостно конфисковались, заграничныя газеты приходили изуродованныя, но тѣмъ настойчивѣе распространялись слухи, что здѣсь дѣло не чисто, что русскій народъ не способенъ на подобныя звѣрства...

«Правительство» выпустило обычное «правительственное сообщеніе», въ которомъ восьмилѣтнія дѣти обвинялись въ истязаніи городскихъ, а безоружнымъ бакинскимъ армянамъ, которыхъ въ больницы *разгромили войска артиллерійскимъ огнемъ*, приписывались такія преступленія, отъ которыхъ могъ бы покраснѣть даже Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Словомъ,

все обстояло благополунно. Убитыхъ похоронили, «дѣятелямъ» выдали наградныя, Богдановичамъ изъ секретныхъ суммъ ассигновали нѣсколько десятковъ тысячъ на ихъ плодотворную дѣятельность, и все пошло, какъ по маслу.

Появился господинъ Гапонъ. Раздался грозный ударъ 9-го января 1905 года. Начались полицейскіе погромы рабочихъ организаций, обнаруженныхъ и сначала даже поддержанныхъ при благосклонномъ участіи господъ Витте, Матюшенскаго и присныхъ ихъ. Общество все еще не понимало, что надъ нимъ виситъ мрачная тѣнь турецкаго Селимъ-Бея.

Начались робкіе толки о народномъ представительствѣ, о конституціи... Мощная октябрьская забастовка показала правительству, что, несмотря на всѣ его старанія, въ Россіи формулу «*divide et impera*» провести труднѣе, чѣмъ оно думало раньше. А тутъ портсмутскій графъ Витте еще подsunулъ манифестъ 17-го октября, въ которомъ обѣщались такія несуразныя вещи, какъ свобода печати, собраній, совѣсти, неприкосновенность личности, и т. п. «Погромщики по убѣжденію и вахмистры по воспитанію» заволновались. Воспитанные въ пажескихъ корпусахъ, лицейхъ и другихъ учрежденіяхъ, ничего общаго съ общечеловѣческимъ образованіемъ не имѣющихъ, они отлично понимали, что даже при осуществленіи сотой доли обѣщанныхъ свободъ весь ихъ призрачный ореолъ власти и значенія разсѣется, какъ туманъ при солнцѣ. Одними бѣлыми штанами и золотымъ шитьемъ на мундирахъ трудно внушить страхъ и уваженіе народу, которому разные бумагомараки, ставшіе поперекъ горла еще гоголевскому городничему, будутъ внушать, что и штаны-то куплены на трудовыя народныя деньги, а не заработаны...

Словомъ, болото пришло въ движеніе. Извѣстно, что когда всколыхнется болото, то со дна его поднимаются зловонныя газы, потому что подъ идиллической зеленой, спокойной поверхностью непрерывно совершается процессъ разложения отжившихъ организмовъ. А на днѣ русскаго бюрократическаго болота

...ило...сь...го...или: одинъ сенатъ чего стоитъ! Вѣдь всѣ эти слабоумные, параличные старцы, которыхъ изъ кареты притаскиваютъ на засѣданія въ особыхъ креслахъ-носилкахъ, хотятъ не только *boire et manger*, но считают долгомъ и въ первомъ ряду балета поспать, и лѣтомъ, во время отпуска, въ Остенде проѣхаться, и... Господь ихъ знаетъ, чего они еще хотятъ.

И вдругъ, какой-то *le moujik*, хамъ, котораго, какія-нибудь 46 лѣтъ тому назадъ съ удобствомъ можно было выдрать на конюшнѣ, будетъ не только выбирать членовъ парламента, но, *imaginez-vous*, можетъ и самъ сдѣлаться депутатомъ!

Есть отъ чего въ отчаянье придти! И они пришли въ отчаянье...

Первымъ заговорилъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Газеты, тѣ самыя газеты, противъ которыхъ, «въ интересахъ общественной тишины и спокойствія» и во исполненіе Монаршаго манифеста о свободѣ печати, за 9 мѣсяцевъ около 400 разъ была примѣнена преступная конфискація, и болѣе 160 разъ практиковалось закрытіе, временное и окончательное, тѣ самыя газеты сообщали, что *немедленно послѣ изданія манифеста 17-го октября 1905 года* безсмертный (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ) Константинъ Петровичъ вновь сталъ принимать участіе въ вершеніи государственныхъ дѣлъ придворной партіей, а за послѣднее время, въ виду особенно «крамольнаго» поведенія Государственной Думы, даже сталъ снова выѣзжать въ Петергофъ.

Итакъ, властно прозвучалъ голосъ Монарха объ окончательномъ раскрѣпощеніи народа. Что же сдѣлали сановные «вахмистры по воспитанію, которые такъ любятъ прикрываться именемъ Государя, когда это имъ выгодно? Они нагло нарушили волю Монарха и вмѣсто обѣщанныхъ свободъ урѣзали даже тѣ жалкія пародіи законности, которыя существовали въ Россіи до 17-го октября 1905 года. Но, разумѣется, это чудовищное преступленіе надо было какъ-нибудь оправдать передъ Монархомъ и, главное, передъ евро-

пейскими банкирами, отъ которыхъ русскіе погромщики не безъ основанія ждали великихъ и богатыхъ милостей. Я говорю «не безъ основанія» и подчеркиваю эти слова, потому что западные банкиры и правительства всегда были на сторонѣ русской бюрократіи и буржуазіи, потому что русская революція для нихъ не менѣе опасна, чѣмъ для господъ Столыпинныхъ, Треповыхъ и прочихъ погромщиковъ.

Какъ бы то ни было, но прямого, явнаго оскорбленія Государя, издѣвательства надъ Его волей ни русскій народъ, ни Европа молча не допустили бы. Надо было найти лазейку, и эта лазейка скоро нашлась.

«Русскій народъ не хочетъ конституціи. Русскому народу чужды западныя формы парламентаризма. Русскій народъ не признаетъ иной формы правленія, кромѣ самодержавія. Конституція придумана жидками и ихъ главаремъ, графомъ Витте. Надо убить всѣхъ жидовъ, армянъ, поляковъ, студентовъ, земцевъ, учителей и газетчиковъ, и тогда въ Россіи будетъ тишь да гладь, да Божья благодать!»

Прокламации, въ которыхъ буквально рекомендовался этотъ способъ «спасенія» Россіи, печатались въ... департаментѣ полиціи, во время премьерства графа Витте, и очень возможно, что онѣ, какъ и благополучно до сихъ поръ печатаемыя казеннымъ способомъ погромныя прокламации, благополучно печатались бы въ департаментѣ полиціи и понынѣ, если бы ихъ авторы не оказались «*plus royalistes que le roi*» и, что называется, не переборщили, включивъ въ списокъ подлежащихъ избіенію крамольниковъ російскаго въ то время премьеръ-министра, графа Сергѣя Юльевича Витте.

4-го февраля 1906 года въ лондонской газетѣ «Times» появилась слѣдующая телеграмма изъ Петербурга:

«Графу Витте передали, что въ департаментѣ полиціи печатаются прокламации, составленныя генераломъ Богдановичемъ и Треповымъ и призывающія населеніе къ избіенію евреевъ и либераловъ. Витте въ сопровожденіи Философова и кн. Урусова отправился въ

зданіе департамента и тамъ, дѣйствительно, убѣдился въ томъ, что это — правда. По поводу этого обстоятельства между Витте и Дурново произошелъ весьма энергичный обменъ мнѣній, послѣ чего Витте немедленно отправился въ Петергофъ, но не встрѣтилъ тамъ той поддержки, которую ожидалъ. Передаютъ, что кн. Урусовъ и Философовъ собираются подать въ отставку».

Въ помѣщенной ниже исторической рѣчи князя Урусова, бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенной имъ въ Государственной Думѣ 8-го июня 1906 года, тоже упоминается о печатаніи погромныхъ воззваній господиномъ голубымъ опричникомъ Комиссаровымъ, о которомъ газеты сообщаютъ, что «извѣстный, благодаря разоблаченію князя Урусова, Н. С. Комиссаровъ прикомандированъ къ департаменту полиціи для какихъ то невѣдомыхъ темныхъ дѣлъ, получаетъ всего 15,000 руб. въ годъ, т. е. на 5,000 болѣе директора департамента. Многія лица департамента не довѣряютъ Комиссарову и избѣгаютъ подавать ему руку». А если ему избѣгаютъ подавать руку, то онъ, вѣроятно, и не особенно этимъ опечаленъ. 15,000 рублей, вѣдь, тоже не шутка!

Но воззванія къ погромамъ печатаются не только «голубыми» и не въ одномъ лишь департаментѣ полиціи.

Вотъ характерная газетная замѣтка:

«Святѣйшій правительствующій синодъ сдѣлалъ, по словамъ «XX Вѣка», секретное распоряженіе, чтобы въ монастырскихъ типографіяхъ не печатались брошюры политическаго содержанія или воззванія, угрожая въ противномъ случаѣ закрытіемъ типографій и наложеніемъ строгихъ взысканій на отцовъ-настоятелей. Въ этомъ отношеніи интереснымъ является господствующее убѣжденіе въ томъ, что очагомъ распространенія черносотенныхъ воззваній является кievская Свято-Успенская лавра, гдѣ для этой цѣли въ подпольномъ помѣщеніи имѣется печатный станокъ».

Разъ синодъ запрещаетъ печатать «истинно русскія» прокламаціи, то значитъ послѣднія печатались святыми

отцами и, конечно, святые отцы, несмотря на циркуляръ синода, и въ будущемъ не оставятъ своей погромной дѣятельности.

По телефону изъ Петербурга въ московскія газеты передаютъ, что «въ виду настоянія министра внутреннихъ дѣлъ, поддержаннаго нѣкоторыми другими членами совѣта министровъ, военное министерство принимаетъ мѣры къ прекращенію какъ печатанія прокламацій, призывающихъ къ погромамъ, въ типографіяхъ штаба военныхъ округовъ, такъ и распространенія ихъ среди солдатъ».

Какая красота! «въ виду настоянія министра внутреннихъ дѣлъ!» А если бы этого настоянія не было, то штабы русской арміи продолжали бы призывать христолубивое воинство къ погромамъ, т. е. подстрекать солдатъ къ убійству невинныхъ безоружныхъ людей, то штабы русской арміи продолжали бы совершать преступленіе, караемое, по закону отъ 9 дек. 1891 года, каторжными работами!?

Впрочемъ, это все пустяки въ сравненіи съ тѣмъ позоромъ, съ той бездной нравственнаго паденія савонныхъ погромщиковъ и части русской арміи, которую открываютъ передъ нами достовѣрныя свѣдѣнія о послѣдней «побѣдѣ» правительства въ Бѣлостокѣ. Однако, объ этой побѣдѣ мы подробно будемъ говорить дальше, пока-же вернемся къ манифесту отъ 17 октября 1905 года.

Читатели, конечно, живо помнятъ тотъ чисто дѣтскій, наивный восторгъ, который охватилъ всю Россію, когда она прочла манифестъ; никому и въ голову не могла прийти безумная мысль, чтобы кто-нибудь, хотя-бы и облеченный въ бѣлые штаны, осмѣлился нарушить «твердо выраженную» волю Монарха, „непоколебимо“ установившаго тамъ страстно желанныя народомъ свободы. Слова манифеста о неприкосновенности личности наивно были истолкованы такимъ образомъ, что, молъ, «даже и околодочный драться не посмѣетъ, потому самъ Царь-Батюшка не приказалъ»...

И первые дни какъ будто оправдывали этотъ опти-

мизмъ, эту наивную вѣру народа въ то, что „царское слово свято». Однако эти иллюзіи слишкомъ скоро были разрушены, и разрушены такимъ страшнымъ образомъ, что даже турецкія звѣрства въ Арменіи, Албаніи и Герцеговинѣ теперь намъ кажутся чуть-ли не пастушеской идилліей.

Едва-ли нужно деталью касаться октябрьскихъ погромовъ. Всѣ они начинались и кончались по одному общему шаблону, очевидно выработанному не на мѣстахъ, а въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, домъ № 16.

Вотъ этотъ шаблонъ:

Рабочіе, учащіеся, интеллигенція идутъ толпой по улицѣ, надъ ихъ головами развѣваются красные флаги. Поютъ пѣсни, обыкновенно «отречемся отъ стараго міра», или «вставай подымайся рабочій народъ». Въ нѣкоторомъ отдаленіи за толпой слѣдуетъ отрядъ драгунъ или казаковъ. «Слѣдуетъ», но бездѣйствуетъ. Навстрѣчу манифестантамъ «случайно» попадаетъ орда пьяныхъ босяковъ и дворниковъ, за которыми тоже слѣдуетъ вооруженная сила. У одного изъ этихъ «патріотовъ» въ рукахъ олеографическій портретъ Государя. Внезапно раздается револьверный выстрѣлъ. Орда бросаетъ портретъ Императора на землю и летитъ на красные флаги. Туда-же несется съ двухъ сторонъ вооруженная сила и... дальнѣйшее извѣстно. Портретъ Государя въ 9 случаяхъ изъ 10 оказывается проткнутымъ пальцемъ и истоптаннымъ ногами. Последнее неудивительно, если принять во вниманіе достойную лучшаго примѣненія быстроту, съ которой портретъ летитъ на мостовую изъ рукъ несшаго его.

Такова картина «столкновенія патріотической манифестаціи съ толпой революціонеровъ», но не всегда дѣло этимъ кончается. Не говоря уже про то, что «стрѣляющіе въ войска и мирное патріотическое шествіе» всегда оказываются убитыми и изувѣченными, а несчастныя жертвы ихъ ярости не только чудеснымъ образомъ остаются живыми, но на другой день даже жалуются, что «жулики тоже въ участкѣ-то! обѣщали вчера по цѣлковому на брата, а дали всего по пол-

тиннику!» Не говоря про эти чудеса Провидѣнія, такіа «столкновенія, вызванныя ненавистью всего народа къ преступнымъ революціоннымъ организаціямъ» въ дальнѣйшемъ принимаютъ уже совершенно неожиданный оборотъ. «Патріоты своего отечества» бросаются разбивать магазины золотыхъ вещей, а войска... стрѣляютъ въ тѣхъ, кто осмѣливается протестовать противъ такого сорта патріотизма.

Иногда, какъ напр. въ Твери, Вологдѣ, Томскѣ и др., ходъ событій разнообразится тѣмъ, что «революціонеры» ищутъ спасенія въ какомъ-либо зданіи, напр. земской управѣ, театрѣ, народномъ домѣ, и тогда «возмущенный народъ» поджигаетъ эти зданія, а полиція и войска... пристрѣвливаютъ тѣхъ враговъ отечества, которые имѣютъ дерзость высовывать головы или выпрыгивать изъ оконъ горящаго зданія.

Есть еще одна разновидность такого проявленія патріотизма «народныхъ массъ»: эти съ позволенія сказать, патріоты всей тяжестью своею водочнаго патріотизма обрушиваются на какую-нибудь особую часть населенія, напр. на армянъ или на евреевъ. Здѣсь обходятся и безъ «революціонныхъ процессій», но непременно пользуются процессіей церковной. Иконы и хоругви считаются почему-то необходимымъ аксессуаромъ погрома. Можетъ быть, здѣсь играютъ извѣстную роль разные высоко- и средне-преосвященные Антоніи, Гермогены, Владиміры, Никоны, Сергіи, Иліодоры и другіе «намѣстники Христа», которые дошли до такой степени ошалѣлости, что не только сами не признаютъ шестой заповѣди «Не убій», но даже подвергаютъ взысканію тѣхъ священниковъ, которые осмѣливаются публично напомнить о существованіи этой великой заповѣди? Какъ-бы то ни было, но послѣ Бѣлостокскаго позора сразу было отмѣнено въ Россіи не менѣе 20 религіозныхъ процессій, которыя, по свѣдѣніямъ господъ губернаторовъ, «могли-бы явиться поводомъ къ погромамъ».

Это—очень цѣнный фактъ. Не будемъ говорить о томъ, насколько оскорбительно для народа заявленіе носителей бѣлыхъ штановъ о томъ, что церковное

торжество, будто-бы, создаетъ въ душѣ православныхъ людей неудержимое стремленіе убивать, грабить и насиловать; русскій народъ скоро самъ по достоинству оцѣнитъ эту наглость. Важно то, что врачеватели земли русской нашли нужнымъ примѣнить хотя-бы симптоматическое лѣченіе и, не имѣя возможности сразу изъять изъ обращенія по турецки, съ легкой руки Плеве, воспитанныхъ исполнителей погромной политики, отмѣняютъ условленные сигналы къ погромамъ. Это — огромный шагъ впередъ, но было-бы наивно и несправедливо по отношенію къ «погромщикамъ по убѣжденію» утверждать, что эти милые господа сдѣлали эти шаги по собственной инициативѣ, сознавъ всю подлость и гнусность своего поведенія. Нѣтъ, этого побужденія у нихъ не существуетъ. Но и для нихъ есть жупель, котораго они боятся не менѣе, чѣмъ его боялась купчиха Островскаго, и этотъ жупель: общественное мнѣніе Европы и отказъ въ кредитѣ. На мнѣніе, собственно говоря, можно было бы и не обращать особаго вниманія, а вотъ безъ кредита обойтись трудно. 15,000 на отдѣлку квартиры, 200,000 на «продолженіе погромной дѣятельности П. Н. Дурново», 3,000,000 Богдановичу, 75,000 Рачковскому за перечисленіе въ чиновники особыхъ порученій», 60,000 рублей въ годъ вдовѣ г. Плеве, стоившаго правительству около 300,000 рублей въ годъ, 60,000 рублей вдовѣ г. Сипягина, поглощавшаго въ годъ до 1,000,000 рублей, 30,000 рублей Воронцову—Дашкову на переѣздъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, награды «карателямъ» и «вѣшателямъ» (50 руб. съ персоны!), преміи солдатамъ (въ Варшавѣ—50 руб. за трупъ и 100 руб. за живого революціонера), покупка пулеметовъ, блиндированныхъ автомобилей, оборудованіе карательныхъ поѣздовъ, перевозка Штакельберговъ съ ихъ коровами, и проч... Подумайте сами, читатель, какъ много на все это надо денегъ, а глупые мужички не понимаютъ своей-же пользы и не хотятъ платить повинностей! Поневолѣ приходится временно отмѣнить погромы, которые—было такъ отлично наладились. За послѣднее время газеты сообщили о полной боевой подгото-

вленности къ погромамъ въ слѣдующихъ городахъ: Гомелѣ, Гродно, Балтѣ, Одессѣ, Петровскѣ (Дагестанск. обл.), Варшавѣ, Борисовѣ, Евпаторіи, Вильнѣ, Мариуполѣ, Вязьмѣ, Сызрани, Елисаветполѣ, Симферополѣ, Иваново—Вознесенскѣ, Воронежѣ, Батумѣ, Кіевѣ, Ялтѣ, Кишиневѣ, Полтавѣ, Арзамасѣ, Борисовѣ, Проскуровѣ, Томскѣ, Черниговѣ, Петербургѣ и подъ Петербургомъ (Лѣсной, Удѣльной, Графской), Москвѣ, Екатеринославѣ, Павлоградѣ, Ромнахъ, Могилевѣ—Подольскомъ, Ростовѣ на Дону, Житомирѣ, Ярославлѣ, Саратовѣ, Севастополѣ, Юзовкѣ, Кременчугѣ, Брестѣ—Литовскѣ, Твери, Царицынѣ, Черкассахъ, Жлобинѣ, Ржевѣ, Минскѣ, Казани, Золотоношѣ (Полтавск. губ.), Двинскѣ, Орлѣ, Рязани, Владикавказѣ, Новозыбковѣ, Мелитополѣ, Винницѣ (Подольск. губ.), Кривомѣ—Рогѣ, Феодосіи, Бобруйскѣ, Лубнахъ, Харьковѣ, Новгородѣ, Аткарскѣ, Суджѣ, Смоленскѣ, Курскѣ, Бахмутѣ, Барановичахъ (Минск. губ.).

Изъ этихъ городовъ въ газеты телеграфировали за послѣднія двѣ недѣли о готовыхъ погромахъ, а изъ сколькихъ городовъ такія сообщенія не получены лишь случайно?..

Организація этихъ погромовъ со времени Плеве и Дурново нисколько не измѣнилась. Единственнымъ нововведеніемъ можно считать развѣ лишь то, что недѣли за двѣ до погрома власти начинаютъ конфисковать всѣ газеты, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», «Дня», «Вѣча», «Знамя», «Новаго Времени». Затѣмъ въ городѣ появляются темныя личности, которыя раздаютъ подонкамъ населенія прокламаціи и деньги на водку. Когда почва надлежащимъ образомъ подготовлена и достигнуто полное соглашеніе съ полиціей, назначается день погрома и устанавливается знакъ, по которому онъ долженъ начаться.

О томъ, что все сказанное не мифъ, не фантазія, говоритъ прежде всего напечатанный ниже докладъ думской комиссіи о бѣлостокскомъ погромѣ, говоритъ историческая рѣчь кн. Урусова отъ 8 іюня, и говорятъ слѣдующія двѣ, только что появившіяся на газетныхъ столбцахъ, телеграммы:

1) Парижъ, 14 (27), VI. «Извѣстный Анатолий Леруа-Болье, членъ института, въ письмѣ въ газету «Temps» заявляетъ, что, будучи въ прошломъ мѣсяцѣ въ Петербургѣ, онъ слышалъ изъ устъ видныхъ представителей камарилы, что они считают погромы прекраснымъ средствомъ, чтобы вызвать расколъ въ Думѣ, а также для борьбы съ революціей».

2) Парижъ, 17 (30), VI. «Прибывшая сюда изъ Петербурга придворная дама вчера рассказала въ большомъ обществѣ, что Треповъ и Побѣдоносцевъ на интимномъ собраніи при Дворѣ высказались въ томъ смыслѣ, что военное положеніе, смертныя казни, самовластіе администраціи на мѣстахъ, вообще весь нынѣшній правительственный терроръ—должно сохранить до тѣхъ поръ, пока не удастся отколоть отъ «кадетской» партіи извѣстную группу, которая соглашается на компромиссъ съ бюрократіей. Вотъ почему не proposed вопросъ объ амнистіи, вотъ почему систематически подвергаютъ obstructiонъ и стараются парализовать всѣ начинанія Думы».

И вотъ, подготовивъ погромы въ десяткахъ городовъ, истративъ послѣднія крохи народныхъ и позорно занятыхъ денегъ на жалованье и на разъѣзды провокаторовъ, «погромщики по убѣжденію» вдругъ должны были сказать «стопъ машина», должны были, такъ сказать, убить свое собственное дѣтище!

И все это—благодаря разнымъ корреспондентамъ, которые суютъ свой носъ всюду, гдѣ ихъ совѣмъ не спрашиваютъ, благодаря все той же крамольной Думѣ, которая послала въ Бѣлостокъ особую слѣдственную комиссію, какъ будто одного шталмейстера Фриша не хватило бы!

Узнали теперь въ Европѣ всѣ пружины, которые до сихъ поръ такъ хорошо работали и такъ далеко были скрыты за толстыми стѣнами дома № 16 на Фонтанкѣ, и—«пожалуйте бриться!» Всѣ европейскія газеты, даже тѣ, которымъ хорошо заплачено, ровно сговорились и въ одинъ голосъ ругаются. Англійскій флотъ, кажется, не придетъ въ Кронштадтъ, а если и придетъ, то какой въ немъ толкъ, если онъ съ са-

новниками шампанское пить не хочетъ, а крамольниковъ изъ думцевъ къ себѣ въ гости звать собирается. Но это все бы еще ничего себѣ. Флотъ пусть себѣ не идетъ, это даже какъ будто и лучше: Цусима не будетъ вспоминаться. И газеты пусть себѣ ругаются: собаку лаеетъ—вѣтеръ носить! А вотъ то, что денегъ не даютъ, да то, что пронеслись слухи объ активномъ иностранномъ вмѣшательствѣ, это, дѣйствительно, неприятно...

Приблизительно такъ, вѣроятно, разсуждали русскіе «погромщики по убѣжденію и вахмистры по воспитанію», и наконецъ рѣшили оскорбить тѣнь Вячеслава Константиновича Плеве и временно, скрѣпя сердце, отмѣнить погромы сразу въ 70-ти городахъ. Но, конечно, только временно. Какъ только Дмитрій Ѳедоровичъ Треповъ закончитъ свое интервью покойниковъ, или когда удастся вымолить еще денегъ у Мендельсона (неужели же ему даромъ въ Петергофѣ парадныя комнаты на вокзалѣ открывали?!), тогда, разумѣется, возобновится и погромная тактика, тѣмъ болѣе, что провокаторамъ и «истинно-русскимъ людямъ» содержаніе все равно платить надо, слѣдовательно, «боевая готовность» погромщиковъ за время перемирія съ русскими подданными не ослабнетъ...

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ разбору обстоятельствъ, сопровождавшихъ послѣднюю славную побѣду русскаго «правительства» въ Бѣлостокѣ, мы постараемся, на основаніи точныхъ свѣдѣній, изобразить картину изготовленія погромовъ въ центральной погромной лабораторіи (за болѣе точными свѣдѣніями просятъ обращаться къ завѣдующему лабораторіей, штабъ-ротмистру Михаилу Степановичу Комиссарову, С.-Петербургъ, Фонтанка, 16, или къ почетному директору лабораторіи, генераль-майору Дмитрію Ѳедоровичу Трепову, Петергофъ).

Въ концѣ октября 1905 года г. Львовъ въ «Нашей жизни» сообщилъ интересные факты. Онъ указалъ, что въ домѣ генераль-лейтенанта Е. В. Богдановича, Петербургъ, Морская, № 51, были «изготовлены всѣ октябрьскіе погромы». Г. Львовъ не называетъ масте-

ровъ, работавшихъ подъ опытнымъ руководствомъ Богдановича, но изъ погромщиковъ, примѣнившихъ продукты петербургской лабораторіи на мѣстахъ, онъ совершенно вѣрно указываетъ на братьевъ Нейдгардтъ, Богдановича-сына, Столыпина (тогда еще саратовскаго губернатора), Клейгельса, бар. Медемъ, Пиларъ-фонъ-Пильхау, Азанчевскаго, Лопухина, Роговича, Ширинкина и мног. другихъ.

Выше мы уже говорили о томъ, что весь ходъ октябрьскихъ погромовъ неоспоримо подтверждаетъ ихъ происхождение изъ одного общаго центра. Теперь мы знаемъ этотъ центръ.

Добавимъ еще, что благодуществующій нынѣ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ господиномъ Дурново, г. Богдановичъ, внесшій недавно въ заграничныя банки на свое имя 3,000,000 рублей, нажитыхъ «честнымъ трудомъ», богато взысканъ всевозможными милостями. Онъ, кромѣ чиновъ, орденовъ до Бѣлаго Орла включительно, имѣетъ 7 медалей, кромѣ того, 14 иностранныхъ орденовъ, 26 разъ получалъ высочайшую благодарность и благоволеніе; 6 разъ выраженіе Высочайшей признательности, украшенъ брилліантовыми портретами; получаетъ аренду, кромѣ содержанія по должности члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

О боевыхъ заслугахъ браваго «вахмистра по воспитанію» что-то ничего неизвѣстно...

Но господинъ Богдановичъ теперь назначается начальникомъ русской тайной полиціи за-границей. Его лабораторно-погромная работа кончена. Онъ блестяще доказалъ, что «русскому народу совсѣмъ не нужна свобода, выдуманная студентами, жидами и поляками, что русскій народъ всѣми силами рвется поколотить тѣхъ, кто такъ или иначе причастенъ къ этой ненавистой свободѣ».

Теперь нужно нѣчто иное. Теперь нужно въ широкихъ размѣрахъ натравить одну часть населенія на другую, а армію толкнуть на всѣ части населенія вообще. Задача почтенная, но очень трудная, а потому за нее взялся «самъ» Дмитрій Ѳедоровичъ, пользуясь любезнымъ сотрудничествомъ господина П. А. Столыпина,

изучившаго погромное дѣло на мѣстѣ, въ Саратовѣ, и даже сдавшего небольшой экзаменъ въ Балашовѣ. Надежные работники нашлись: Комиссаровъ, Вуичъ, Рачковскій, Мануйловъ, Пятницкій, Тимофеевъ и др. Новая, богато оборудованная, центральная лабораторія, по свидѣтельству кн. Урусова и Львова, находится въ помѣщеніи Департамента Полиціи. Главнымъ директоромъ состоитъ Треповъ, который, по словамъ тѣхъ же лицъ, на рукописяхъ погромныхъ воззваній собственноручно помѣчаетъ:

«Печатать. Треповъ».

И печатаютъ, и рассылаютъ, и распространяютъ. Но этого, конечно, недостаточно для полной организациі основательныхъ погромовъ, хотя, опять-таки по словамъ бывшего товарища министра внутреннихъ дѣлъ, князя Урусова, г. Комиссаровъ въ февралѣ 1906 года сказалъ, что

«Погромъ устроимъ какой угодно, угодно на 10 человекъ, а угодно на 10 тысячъ».

Конечно, необходимо подготовленіе погромовъ и на мѣстахъ тѣмъ болѣе, что одна центральная лабораторія не въ состояніи убогаторить всю Россію. Она можетъ только изготовлять рецепты и образцы.

И работа на мѣстахъ кипитъ, кипитъ настолько, что даже сановные «погромщики по убѣжденію» начинаютъ конфузиться и просятъ: «господа, нельзя-ли полегче».

Такъ, къ знаменитому Карлу-Амаліи Грингмуту прокурорскимъ надзоромъ предъявлено обвиненіе, маленькое, а все-таки обвиненіе.

Господина Владиміровича, старающагося на пользу петербургской лабораторіи въ своемъ «Вѣче», вызвалъ для объясненій московскій градоначальникъ и тоже просилъ «полегче». Это могло бы быть отраднымъ явленіемъ, если бы мы не знали, что теперь только «антрактъ» между погромами, да и то по настоячивому требованію европейской публики. Согласитесь сами, читатель, что всякій режиссеръ остановитъ рабочаго, который во время антракта будетъ кричать изъ-подъ

опущеннаго занавѣса публикѣ о томъ, что на сценѣ переставляютъ декорации...

Въ Саратовѣ погромный епископъ Гермогенъ приостановилъ изданіе своего «Братскаго (!) листка», бывшаго филиальнымъ отдѣленіемъ петербургской лабораторіи. Положимъ приостановилъ онъ изданіе потому, что... ни одна типографія не хочетъ его печатать. Надо думать, что центральная лабораторія выручить своего саратовскаго сотрудника и пошлетъ ему одну изъ тѣхъ типографій, которыя за послѣднее время арестованы у крамольниковъ.

Распространяются прокламаціи погромовъ, конечно, не только безпрепятственно, но и при рьяномъ содѣйствіи явныхъ и тайныхъ чиновъ всѣхъ ранговъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу циркуляръ Минскаго губернатора, изданный *послѣ Вѣлостокскаго поргома*;

М. В. Д.

Минскій Губернаторъ.

По

губернскому управленію.

Отдѣленіе 1.

Столъ 1.

Іюня 6 дня 1906 года,
№ 3819.

г. Минскъ.

Циркулярно.

Всѣмъ по губерніи уѣзднымъ исправникамъ, станновымъ приставамъ, волостнымъ правленіямъ и мѣщанскимъ управамъ и управленіямъ.

Вслѣдствіе отношенія пинскаго *отдѣла союза русскаго народа* отъ 25 мая 1906 года за № 176, предпринимаю уѣзднымъ исправникамъ, станновымъ приставамъ, волостнымъ правленіямъ и мѣщанскимъ управамъ и управленіямъ не чинить препятствій къ распространенію членами и предсѣдателями волостныхъ и сельскихъ подъотдѣловъ союза среди населенія идей такового, зиждущихся на непоколебимыхъ ос-

новахъ служенія законными средствами Вѣрѣ Православной, Царю и Отечеству Русскому, изложенныхъ въ брошюрахъ и листкахъ, издаваемыхъ центральнымъ совѣтомъ и печатаемыхъ отдѣломъ выдержекъ изъ патріотическихъ газетъ.

И. д. губернатора П. Курловъ.

За вице-губернатора старшій совѣтникъ Юзефовичъ.

Вы, конечно, знаете, читатель, что въ этомъ циркулярѣ идетъ рѣчь о томъ самомъ «союзѣ», одинъ пріѣздъ члена котораго въ какой-либо городъ вызываетъ панику среди населенія и заставляетъ срочно телеграфировать Государственной Думѣ о «готовящемся погромѣ».

Этотъ-же «союзъ», не попавшій, разумѣется, въ Думу, шлетъ Государю телеграммы, услужливо печатаемая «Правительственнымъ Вѣстникомъ». Недавно эту, съ позволенія сказать, газету, публично уличили въ томъ, что воспроизводимыя въ ней вѣрноподданническія телеграммы слово въ слово написаны и съ юга, и съ сѣвера Россіи, послѣ чего текстъ телеграммъ сталъ разнообразнѣе.

А теперь опять скандалъ. Въ № 103, отъ 9 мая, и въ № 118, отъ 28 мая 1906 года, въ «Прав. Вѣстн.» напечатаны «союзныя» телеграммы изъ Рѣчицы и Астрахани:

Изъ Рѣчицы:

„Прости, Государь, что мы беспокоимъ Тебя, но кому-же, какъ не Тебѣ, выскажемъ мы, что насъ волнуетъ.“

Впервые мы присутствовали на выборахъ; впервые мы увидѣли все, что лежитъ въ основѣ выбораго начала. Не сильный побѣждаетъ здѣсь, а тотъ, кто хитрѣе и беззастѣн-

Изъ Астрахани:

„Прости, Государь, что мы беспокоимъ Тебя, но кому-же, какъ не Тебѣ, выскажемъ мы, что насъ волнуетъ. Впервые мы присутствовали на выборахъ; впервые мы увидѣли всю ту ложь, которая лежитъ въ основѣ выбораго начала. Не сильный побѣждаетъ здѣсь, а тотъ, кто хитрѣе.“

чивѣ. У насъ въ Рѣчицѣ
явилось на выборы много по-
стороннихъ неизвѣстныхъ
людей, болшею частью ев-
реевъ, а часть русскихъ пра-
вославныхъ мѣщанъ, имѣю-
щихъ право участвовать на
выборахъ, не получила при-
ласительныхъ записокъ, по-
чему побѣда осталась на
сторонѣ евреевъ. Если-бы,
Государь, и мы одолѣли
при такихъ условіяхъ, то
все-таки, какъ честные лю-
ди, сказали-бы Тебѣ, что
посылаемый нами въ Думу
человѣкъ не есть предста-
витель народа, а только
представитель нашей пар-
тіи и т. д.

Здѣсь, очевидно, примѣняется рецептъ центральной
погромной лабораторіи, въ виду чего минскій губер-
наторскій циркуляръ получаетъ особенно зловѣщее
значеніе. Итакъ, центръ организаціи погромовъ можно
считать установленнымъ неоспоримо, что бы ни кри-
чали сами погромщики въ своихъ анонимныхъ и до-
смѣшного глупыхъ «правительственныхъ сообще-
ніяхъ».

Мы уже видѣли, какъ пользуются рецептами цен-
тра на мѣстахъ, и теперь, для полноты картины, намъ
остается только бросить взглядъ на активную работу
агентовъ погромнаго правительства.

Изъ подавляющей массы фактовъ, которыми за
послѣднее время переполнены газеты, мы, чтобы не
утомлять вниманіе читателя, возьмемъ лишь нѣсколько:

Въ Ковнѣ арестованъ письмоводитель 3-го участка,
у котораго найдена бомба. Установлено, что имъ пи-
сались подложныя, отъ имени «бунда», угрожающія
письма полицеймейстеру.

У насъ въ Астрахани
пришло на выборы 9,200
человѣкъ, а побѣдили ка-
деты, подавъ 3,600 запи-
сокъ, соединившись съ евре-
ями, армянами и тата-
рами, а остальные 5,600
русскихъ людей и часть та-
таръ, не сумѣвъ сплотить-
ся—остались не при чемъ.

Если-бы, Государь, и мы
одолѣли при такихъ усло-
віяхъ, то все-таки, какъ
честные люди, сказали-бы
Тебѣ, что посылаемый на-
ми въ Думу человѣкъ не
есть представитель народа,
а только представитель на-
шей партіи и т. д.

Членъ Государственной Думы Винаверъ на засѣда-
ніи отъ 26 іюня сообщилъ слѣдующее показаніе П.
Тама изъ Бѣлостока:

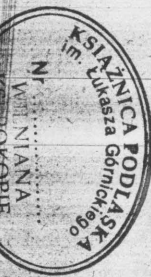
«Въ четвергъ, 1 іюня, въ 1 часу пополудни я сто-
ялъ на балконѣ и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго:

Городовой № 30, который мнѣ лично хорошо зна-
комъ, былъ переодѣтъ въ штатское платье. Онъ дер-
жалъ въ рукѣ револьверъ. Онъ остановился на углу
Новаго Свѣта и Липовой улицы возлѣ конторы Цель-
никера, выстрѣлилъ, спряталъ револьверъ и закричалъ:
«Жида стрѣляютъ со всѣхъ сторонъ! Бей жидовъ!»
Затѣмъ, онъ направился по Липовой улицѣ къ собору
и возлѣ конторы Хвата опять выстрѣлилъ и снова
закричалъ: «Жида стрѣляютъ, бей жидовъ!» Потомъ
пошелъ дальше внизъ по Липовой улицѣ. Это можетъ
засвидѣтельствовать прислуга доктора Иссерсона. Обо
всемъ этомъ я разсказалъ приставу 4 участка, но онъ
протокола объ этомъ не составилъ».

Царицынскій полицеймейсеръ Благовѣщенскій и
его помощникъ привлечены къ уголовной отвѣтствен-
ности за подстрекательство и попустительство къ по-
грому.

Въ Бѣлостокѣ городской стрѣлялъ изъ револьвера
недалеко отъ дома генераль-губернатора, а прибѣжав-
шему офицеру заявилъ, что стрѣляли евреи, а затѣмъ
характерно, что городской, арестованный офице-
ромъ въ Бѣлостокѣ за полицейскую провокацію, былъ
вскорѣ выпущенъ и въ субботу, 17 іюня, опять по-
явился на улицѣ близъ дома бѣлостокскаго генераль-
губернатора.

Выше мы уже упоминали о томъ, что одной изъ
излюбленныхъ начальныхъ причинъ начала погромовъ
выставляется «поврежденіе портрета государя» или
«оскорбленіе религіознаго чувства православныхъ»,
причемъ виновниками, въ большинствѣ случаевъ, яв-
ляются евреи. Прочтите любое «правительственное со-
общеніе», и вы увидите, съ какимъ наслажденіемъ
вдохновители погромовъ смакуютъ эту ложь. А что
это, дѣйствительно, наглая ложь, видно хотя-бы изъ

слѣдующихъ краткихъ, но выразительныхъ замѣтокъ:
 Въ Вильнѣ, на Кіевской улицѣ арестованъ прово-
 каторъ въ формѣ тюремнаго надзирателя, стрѣлявшій
 изъ кустовъ въ толпу и затѣмъ кричавшій: «Стрѣля-
 ютъ жида».

Въ Кіевѣ извѣстный провокаторъ, порвавшій 18
 ноября въ городской думѣ портретъ Государя, Василій
 Григорьевъ приговоренъ окружнымъ судомъ къ девяти
 годамъ каторжныхъ работъ за убійство дворника,
 который отказался ему указать квартиры евреевъ. Гри-
 горьевъ сынъ купца. Судился 8 разъ по дѣламъ о кра-
 жахъ, грабежахъ и изнасилованіи.

Около Граева арестованъ «батюшка», который во-
 зилъ съ собою петарды и прокламаціи съ призывомъ
 къ избіеніямъ евреевъ.

Въ Юзовкѣ полиція объявляетъ населенію, что над-
 ругательства надъ иконами совершены православными,
 которые скрылись, желая, чтобы возмущенный народъ
 билъ евреевъ за кошунство.

Въ Екатеринославѣ недавно судился профессиональ-
 ный провокаторъ Алексѣевъ, который сознался въ цѣ-
 ломъ рядѣ покушеній на должностныхъ лицъ съ цѣлью
 свалить потомъ эти преступленія на революціонеровъ
 и евреевъ и тѣмъ вызвать погромы и насилія. На судѣ
 Алексѣевъ держалъ себя крайне нагло и громогласно
 заявлялъ, что не боится наказанія, такъ какъ въ Пе-
 тербургѣ-де у него имѣется «лицо», которое его осво-
 бодитъ.

Затѣмъ слѣдуютъ покушенія на должностныхъ лицъ
 и стрѣльба въ мирную толпу. Виновниками, конечно,
 тоже оказываются «революціонеры и евреи». Но, кромѣ
 ковенскаго полицейскаго письмоводителя, бѣлосток-
 скаго городского и граевского „батюшки“, мы чита-
 емъ, что въ Вильнѣ 3 іюня, во время проѣзда губер-
 натора по Николаевской улицѣ, изъ гостиницы Вик-
 торія раздали выстрѣлы. Оказалось, что стрѣлялъ
 офицеръ владимірскаго полка Миллеръ. Чѣмъ вызваны
 были выстрѣлы, неизвѣстно. Выстрѣломъ Миллера была
 тяжело ранена дочь частнаго повѣреннаго Рубанов-

скаго. Объ этомъ случаѣ было тутъ же доведено до
 свѣдѣнія губернатора, а въ мѣстечкѣ Заблудовѣ, близъ
 Бѣлостока, задержанъ крестьянинъ, виновникъ бѣло-
 стоцкихъ провокаторскихъ выстрѣловъ въ процессіи.
 Задержанный сознался, что стрѣлялъ въ процессію за
 приличное денежное вознагражденіе. Въ Заблудово онъ
 пріѣхалъ съ той же провокаторской цѣлью, но здѣсь
 продѣлка не удалась, и онъ былъ задержанъ.

Изъ Бѣлостока же сообщаютъ, что въ Бѣльскѣ за-
 держанъ убійца Дергачева, бывшій городовою.

Въ Петербургѣ-же 22 іюня, въ 3 часу утра на Су-
 воровскомъ проспектѣ около 7-й Рождественской
 улицы раздали послѣдовательно два револьверныхъ
 выстрѣла. Околодочный надзиратель Перовъ съ посто-
 вымъ городовымъ Манякинымъ бросились по направ-
 ленію выстрѣловъ, раздавшихся съ извозчичьей про-
 летки, на которой ѣхало два чина жандармскаго ди-
 визіона и т. д...

Прослѣдите внимательно газеты хотя бы за одну
 недѣлю, и вы соберете богатый добавочный матеріалъ
 въ этомъ направленіи.

Кромѣ мундирныхъ провокаторовъ, на службѣ у
 погромщиковъ есть цѣлая шайка провокаторовъ не
 мундирныхъ, но находящихся подъ непосредственнымъ
 покровительствомъ мундировъ. Иногда ихъ „для вида“
 арестовываютъ, какъ напр. въ Екатеринославѣ, гдѣ
 9-го іюня по настоянію публики молодой человекъ,
 усердно распространявшій въ городскомъ саду погро-
 мные листки день и вечеръ, былъ отведенъ въ уча-
 стокъ. Полицейскій чинъ отказался, однако, соста-
 вить протоколъ и отпустилъ арестованнаго.

Иногда полиція, по неразумѣнію, идетъ даже даль-
 ше и откровенничаетъ съ населеніемъ, какъ напр. въ
 Бахмутѣ, гдѣ 13-го іюня полиція опубликовала доз-
 наніе по поводу провокаторской продѣлки двухъ ху-
 лигановъ Мануиленко и Тарасенко, разбившихъ въ
 Юзовкѣ въ Преображенской церкви икону съ цѣлью
 вызвать еврейскій погромъ. Полиція объявляетъ что
 надруганіе надъ святыней совершено не евреями, какъ
 утверждалъ распространившійся слухъ, а русскими ко-

торые будутъ преданы суду, но полиціи за это, конечно, будетъ сдѣлано строгое внушеніе, а господа Мануиленко, Гарасенко, Григорьевы, Алексѣевы и др. отлично знаютъ, что у нихъ въ Петербургѣ есть рука, и что если картонный судъ и приговорить ихъ къ наказанію, то „рука“ сумѣетъ наградить и спасти ихъ, хотя бы устроивъ ихъ «побѣгъ», какъ это было еще недавно въ Кіевѣ.

Провокаторы настолько увѣрены въ своей безопасности, что доходятъ до геркулесовыхъ столбовъ наглости. Вотъ примѣръ:

Въ Петербургѣ, 23-го іюня, на улицѣ Гоголя, около 12 час. ночи, въ ресторанъ гостиницы «Hotel de France» явился какой-то господинъ, одѣтый въ форму гражданскаго инженера, выпившій; онъ обратился къ одному изъ официантовъ и съ самодовольнымъ видомъ спросилъ его:

— «Ну, какъ вы думаете, кто я?»

— Вы инженеръ, — отвѣтилъ официантъ.

— «То-то, инженеръ; сейчасъ я инженеръ, а завтра я пройду мимо гостиницы въ казацкой формѣ, — такъ и не узнаешь».

Послѣ этого, неизвѣстный окончательно развязалъ свой языкъ и пустился на откровенности. Онъ разсказалъ, что только что пріѣхалъ изъ Бѣлостока, гдѣ хорошо поработали: сотню жидовъ убили и сотню искалѣчили. За Царя и отечество, — продолжалъ онъ, — «наши» ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не останавливаются, въ Петербургѣ тоже «устроимъ дѣло».

— Пусть знаютъ насъ, — горячился «инженеръ», — мы никого не боимся, у насъ есть защита».

Узнавъ отъ официанта, что рядомъ сидятъ корреспонденты (за сосѣднимъ столомъ дѣйствительно находились четверо иностранныхъ корреспондентовъ), онъ разразился ругательствами по адресу «писателей».

«Намъ наплевать, что насъ называютъ хулиганами и погромщиками, мы и имъ покажемъ», закончилъ неизвѣстный.

Это все факты, и сановные погромщики настолько хорошо сознаютъ ихъ правдивость, что не могутъ

начать дѣло о «сообщеніи ложныхъ свѣдѣній», какъ-бы имъ этого ни желалось.

Только что появились въ печати свѣдѣнія о мелкомъ погромныхъ дѣлѣ мастерѣ, петербургскомъ представѣ 4-го участка московской части, который заявилъ арестованнымъ журналистамъ. «Что Бѣлостокъ? Здѣсь въ Петербургѣ скоро погромъ получше будетъ, а у меня въ участкѣ такую рѣзню устроимъ, что ни одинъ жидъ въ живыхъ не останется!»

А въ одномъ изъ московскихъ участковъ околоточный надзиратель сказалъ иностранному корреспонденту, пришедшему за справкой, буквально слѣдующее:

«Давно бы васъ, дьяволовъ, переколотить или въ вашу Англію проклятую выбросить надо было! Тогда и спокойно было бы. Да вотъ полождите, скоро мы расправимся со всей этой сволочью!»

Такъ вотъ гдѣ таятся причины «взрыва народнаго негодованія», о которомъ говоритъ всякое послѣ-погромное правительственное сообщеніе. Мы видимъ, что подготовка такихъ «взрывовъ» стоитъ много труда, денегъ и остроумія, и если «взрывы» пока не послѣдовали въ перечисленныхъ городахъ, то лишь потому, что временно въ погромномъ котлѣ остановили топку.

Теперь возникаетъ еще одинъ вопросъ. Разъ вообще организація погромовъ возможна, то, слѣдовательно, среди русскаго народа все-таки есть почва, благоприятная для такой архигнусной организаціи? Вѣдь одни полонки городского населенія, которые можно купить по рублю съ человѣка, а разсчитать въ участкѣ по полтиннику не въ состояніи устроить погромъ, хотя-бы и при трогательномъ единодушіи хоругвеносцевъ, полиціи и шайки истинно-русскихъ людей! Вѣдь мы отлично знаемъ, что весь этотъ сбродъ, такъ-же какъ и полицейскіе, храбрые въ своихъ застѣнкахъ по отношенію къ избиваемымъ людямъ, которыхъ низшіе Держиморды держатъ за руки и за ноги, весь этотъ сбродъ сломя голову удираетъ при первомъ залпѣ револьверовъ. Мы знаемъ, что въ Бѣ-

лостокъ ни полиція, ни иные громилы не рѣшались идти на Суражскую улицу, гдѣ, по ихъ свѣдѣніямъ, находились вооруженные люди. Они вопили объ артиллеріи, которой, къ счастью, тогда въ злополучномъ городѣ не было. Мы знаемъ, что полиція удираетъ отъ крестьянъ, вооруженныхъ вилами. Мы помнимъ, какъ удачно копировала полиція косоглазыхъ зайцевъ въ Москвѣ, гдѣ въ кровавые декабрьскіе дни полицейскіе безъ Дубасовской артиллеріи не смѣли показываться на улицу. Въ декабрьскіе дни мы, кромѣ гнуснаго убійства прив.-доц. Воробьева, а въ дни октябрьскіе—кромѣ провокаторскаго выстрѣла въ Баумана, ничего не слышали о достохвальной дѣятельности разныхъ «парцій порядка», «обществъ активной борьбы съ революціей» и иныхъ провокаторскихъ бандъ. Вся эта челядь трусливо попряталась по своимъ берлогамъ передъ двумя—тремя десятками революверовъ, и проявила свой патріотизмъ только въ томъ, что натравила казаковъ на мирную, безоружную толпу учащейся молодежи, которая такъ храбро была разстрѣляна изъ засады около манежа, въ злополучную ночь послѣ похоронъ Баумана. Во время этихъ грандіозныхъ похоронъ, въ которыхъ приняла участіе стотысячная толпа, ни одинъ изъ этихъ шакаловъ не посмѣлъ даже словомъ нарушить торжественнаго спокойствія «революционеровъ и жидовъ», ибо было извѣстно, что по бокамъ процессіи идетъ «боевая дружина», т. е. подростки, вооруженные революверами или «спринцовками», по удачному выраженію одного московскаго адвоката. Эти «бульдоги», «Смитъ-Вессоны» и даже «Браунинги» едва-ли были опасны въ рукахъ молодежи, едва умѣющей стрѣлять, что вполне ясно и обнаружилось при сраженіи съ казаками у манежа, гдѣ пало много мирныхъ людей и гдѣ, несмотря на присутствіе «боевой дружины», ни одинъ «истинно-русскій человѣкъ» и ни одинъ храбрый изъ-за угла сынъ Дона даже не былъ оцарапанъ.

Одного слова «боевая дружина» было достаточно, чтобы заставить наемныхъ убійцъ стушеваться, а мун-

дирныхъ профессиональныхъ убійцъ — дѣлать свое гнусное дѣло изъ засады. И вдругъ въ Бѣлостокѣ, который, по словамъ правительственнаго сообщенія,

«въ послѣдніе годы сдѣлался центромъ революціоннаго движенія»,

гдѣ, по словамъ того-же сообщенія, революціонеры въ цѣлые кварталы

«не допускали ни полиціи, ни воинскихъ командъ»,
гдѣ *«насильственные дѣйствія повергли население въ состояніе паники,*

вдругъ во всемъ архи-революціонномъ городѣ «находящееся въ состояніи паники» население переживаетъ «взрывъ негодованія». О такихъ взрывахъ выше мы уже сказали достаточно. Въ Бѣлостокѣ взрывъ оказался настолько удачнымъ, что, несмотря на усилія полиціи прекратить погромъ (?!), онъ

*«разсудку вопреки,
наперекоръ стихіямъ»*

длился три дня и три ночи, ровно столько, сколько понадобилось на разграбленіе ювелирныхъ магазиновъ, въ которомъ, какъ выяснено, принимали трогательно согласное участіе хоругвеносцы, босяки, военные, полицейскіе и... чиновники государственнаго банка. О послѣднемъ, во истину удивительномъ, обстоятельстве мы узнаемъ изъ Петербурга (XX вѣкъ) слѣдующее:

«Служащіе государственнаго банка намѣрены потребовать отъ управляющаго банка *увольненія чиновниковъ бѣлостокскаго отдѣленія*, участвовавшихъ въ грабежѣ во время погрома и въ случаѣ отпора рѣшили коллективно *выйти въ отставку*».

Tableau!!

Вотъ вамъ и взрывъ патріотическаго негодованія! И вся эта орава грабителей дѣйствовала противъ «непріятеля» почти безъ урона. (Прав. сообщ. вскользь упоминаетъ о раненыхъ трехъ нижнихъ чинахъ), не-

смотря на то, что военные дѣйствія производились въ «центрѣ революціоннаго движенія», гдѣ «населеніе находилось въ состояніи паники».

Очевидно, что исключительный успѣхъ Бѣлостокскаго погрома, такъ же, какъ успѣхъ всякаго погрома вообще, зависитъ не только отъ силы «взрыва патріотическаго негодованія», но и отъ другого фактора, еще болѣе могущественнаго, и этотъ факторъ — *участіе въ погромахъ войскъ*.

Тяжело бросать въ лицо арміи это ужасное обвиненіе. Тяжело причислять къ грабителямъ и наемнымъ убійцамъ русскихъ солдатъ, которые на поляхъ Манчжуріи такъ мучительно искупали пошлость и бездарность бюрократическаго правительства, но факты слишкомъ краснорѣчивы, слишкомъ ярки и краснорѣчивы для того, чтобы ихъ замалчивать. Къ тому же упрекъ всей своей тяжестью падаетъ не на солдатъ, затравленныхъ, развращенныхъ офицерами и шпионами, такъ же, какъ упрекъ въ разгромѣ помѣстій падаетъ не на крестьянъ, учиняющихъ эти разгромы...

Темные, невѣжественные люди, которыхъ старательно оберегаютъ отъ сторонняго вліянія, люди, которыхъ систематически унижаютъ, лишаютъ человеческого достоинства, которымъ внушаютъ, что убійство не только дозволено, но даже похвально... Чего же можно ждать отъ нихъ? Здѣсь надо оговориться, что несмотря на китайскую стѣну, которой стараются окружить армію, солдатъ начинаетъ просыпаться и сознательно относиться къ окружающему. Можно привести огромную массу фактовъ, которые отчасти искупаютъ вину Бѣлостокскихъ, Московскихъ, Сибирскихъ и Прибалтійскихъ событій. И среди мартиролога Бѣлостокской бойни мы встрѣтимъ двѣ-три свѣтлыя точки, но въ общемъ нельзя не присоединиться къ мнѣнію одного изъ членовъ Думы, производившаго разслѣдованіе на мѣстѣ и сказавшаго, что

«если бы въ Бѣлостокѣ не было войскъ, то не было бы и погрома».

Разбираясь въ томъ матеріалѣ, который даетъ намъ хотя бы одинъ бѣлостокскій погромъ, мы приходимъ

къ неоспоримому выводу, что и принимавшія участіе въ погромѣ войска были подготовлены къ «взрыву негодованія» по рецептамъ и образцамъ центральной погромной лабораторіи.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о генералѣ-отъ-погromовъ Богдановичѣ. Мы знаемъ, сколько онъ увезъ за границу народныхъ денегъ. Мы слышали, что онъ служилъ въ должности своего рода «странствующаго приказчика» (Commis-voyageur) при погромной фабрикѣ. Плоды его странствованій на-лицо. Снова сбываются безсмертныя слова французскаго поэта:

«Calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose».
(клеветайте, клеветайте, отъ клеветы всегда что-нибудь да останется).

Теперь мы видимъ плоды дѣятельности превосходительнаго погромнаго приказчика.

Изъ массы матеріала мы возьмемъ замѣтку г. Климова, напечатанную въ «Рѣчи», газетѣ, которую ни съ какой стороны нельзя назвать революціонной; г. Климовъ пишетъ изъ Бѣлостока:

«Въ мѣстныхъ—углицкомъ, казанскомъ, владимірскомъ—полкахъ допускались къ чтенію изъ газетъ, напримѣръ: «Новое Время», «Знамя», «День» и другія изданія извѣстнаго «направленія». Но вотъ начальство замѣчаетъ, что слишкомъ откровенныя воззванія «Дня» и т. п. листовъ потеряли свой авторитетъ надъ массами, инстинктомъ почуявшими нахальную ложь. Тогда на сцену выступили прокламаціи, составленныя не безъ искусства мастерами этого дѣла.

Изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи подлинныхъ образцовъ прокламацій, которыми усиленно питался бѣлостокскій гарнизонъ, приведу наиболѣе характерныя выдержки. При этомъ замѣчу, что воззванія эти носятъ офиціальныя характеръ (а это такъ дѣйствуетъ на темныя массы), такъ какъ подъ прокламаціями напечатано: «Дозволено цензурою. Одесса, 14-го января 1906 г. Типографія штаба од. воен. округа».

Вотъ какъ поучали въ Бѣлостокѣ солдатъ:

«Уже они, братцы, и знамя свое выбросили у насъ

на Руси, зная красное, и собираютъ подъ нимъ разный темный сбродъ; кого подкупомъ, или обманомъ, или другими посулами, и пруть противъ нашего Батюшки-Царя, чтобы сломить въ немъ силу русскую, а затѣмъ объявить на Руси своего царя жидовскаго или сіонскаго. А потомъ, братцы, они и вѣру нашу христіанскую порушаютъ, какъ порушили и убили Христа»...

Далѣе авторъ воззванія, во имя челоуѣконенавистничества и убійства, приводитъ въ примѣръ... Христа!

«...Нѣтъ, братцы, не сдавайте Руси врагу лютому! Плюньте на всѣ посулы царства жидовскаго; діаволь предлагалъ голодному въ пустынѣ Христу всѣ блага міра, но Христось сказалъ: «отойди отъ меня, сатана!» — Идите, братцы, по стопамъ Христа! Мощною грудью крикните, однимъ духомъ: «прочь жидовское царство! Долой сіонизмъ! Долой, красныя знамена! Долой, красная, жидовская свобода! Долой красное жидовское равенство и братство»...

Заканчивается это воззваніе призывомъ:

«Прочь! Долой всю вражью, жидовскую новизну! Русский солдатъ! На врага! Впередъ! Впередъ! Впередъ! Идетъ! Идетъ! Идетъ!»

Здѣсь неподражаемо положительно все, и вмѣстѣ съ тѣмъ до тонкостей выдержанъ стиль лабораторіи изъ дома № 16, на Фонтанкѣ.

А вотъ, для полноты картины, въ полной неприкосновенности еще одна замѣтка, относящаяся къ Бѣлостокской трагедіи:

«За два дня до погрома фельдфебеля передавали солдатамъ, что въ четвергъ состоится религіозная процессія, послѣ которой произойдетъ погромъ, такъ какъ начальство получило приказъ убивать и рѣзать жидовъ въ теченіе трехъ дней. Военное начальство взяло все дальнѣйшее въ свои руки. Планъ погрома былъ детально выработанъ *начальникомъ дивизіи генералъ-адъютантомъ Богаевскимъ*. Дѣятельное участіе въ приготовленіи къ погрому и выработкѣ плана приняли: полковникъ владимірскаго полка *Обручевъ*, батальонный командиръ того-же полка *Дуковский*, ба-

тальонный командиръ казанскаго полка *Войцеховскій* и полковой командиръ казанскаго полка *Гернерось*.

Въ среду утромъ во время занятій ротный командиръ 5 роты казанскаго полка, *Дуневичъ*, обратился къ подпоручику Попову со слѣдующими словами: «знаете ли вы, какія занятія должны быть завтра по таблицѣ?» На этотъ вопросъ Поповъ отвѣтилъ: «таблица на завтра—погромъ.»

Въ пятницу утромъ, когда 7 и 8 рота казанскаго полка должны были итти въ городъ, молодой офицеръ *Ивановъ 2-ой* обратился къ солдатамъ съ такою рѣчью: «братцы, вы должны знать, что мы идемъ въ городъ убивать, рѣзать и грабить жидовъ; кто хочетъ больше заслугъ предъ Царемъ и отечествомъ, пускай убиваетъ побольше жидовъ и никого не щадить. Побольше крови. Правда, кровь будетъ проливаться, но это не челоуѣческая кровь, а жидовская.»

Красота! «не челоуѣческая кровь, а жидовская?» Это говорилъ молодой офицеръ, *христіанинъ*, слышавшій, вѣроятно, о томъ, что когда-то были сказаны слова о любви къ ближнему, была дана заповѣдь «не убій», говорилось, что «блаженъ яко и скоты милуетъ», вообще, не смотря на корпусно-погромное эшафотное воспитаніе, хоть стороною слышавшій о томъ, что когда-то говорилъ Христось...

Дѣйствительно, не знаешь, чему удивляться. Тому-ли, что русскій солдатъ звѣрствовалъ на погромахъ, или тому, что русскій солдатъ, несмотря на ежедневное общеніе съ русскими офицерами, еще не окончательно утратилъ образъ и подобіе Божіе, что до сихъ поръ среди русскихъ солдатъ не только остались люди, но что среди нихъ съ каждымъ днемъ дѣлается людей все больше и больше. Впрочемъ офицеры въ этомъ не повинны. Они съ спокойной совѣстью могутъ сказать:

«feci quod potui, faciant meliora potentes».

Не офицеры учили солдатъ требовать отмѣны смертной казни, не офицеры заставляли солдатъ заявлять, что они не допустятъ погрома, не они опускали ору-

жіе передъ мирной, безоружной толпой. Нѣтъ, офицеры дружно пѣли и поютъ классическія строки изъ «Фауста на изгнѣнну»:

«Мы не моргнемъ въ пылу сраженья глазомъ,
Воюя... съ мужичьемъ;
На одного втроемъ ударимъ разомъ,
И побѣдивши, пьемъ, пьемъ, пьемъ...»

«И пожираемъ жалованныхъ солдатамъ осетровъ», добавлю я отъ себя.

Если сейчасъ солдатъ просыпается, то лишь благодаря тому, что въ немъ слишкомъ живучъ здравый смыслъ могучаго народа, котораго не могли доканать цѣлые вѣка гнета носителей бѣлыхъ штановъ, и я, вѣроятно, вмѣстѣ съ читателемъ, непоколебимо вѣрю въ то, что близокъ моментъ, когда *всѣ* штыки русской арміи опустятся передъ народомъ и обратятся въ сторону бѣлыхъ штановъ...

Этотъ моментъ близокъ, но онъ еще не наступилъ, а потому вернемся къ нашей грустной темѣ и бросимъ взглядъ на ту позорную роль, которую отдѣльныя части русской арміи играли и продолжаютъ играть въ погромахъ.

Существуетъ, на горе русской арміи, нѣкій генераль Бадеръ.

Этотъ господинъ, послѣ Бѣлостокской побѣды, послалъ военному министру слѣдующій «рапортъ», очень родственныя традиціоннымъ «правительственнымъ сообщеніямъ»:

«10 іюня 1906 года, № 143. 1-го іюня въ 12 часовъ дня, по Александровской улицѣ, шла православная процессія. Когда она поворачивала на Институтскую улицу, то изъ дома Янкеля Рахитиса, находящагося на углу, неизвѣстные евреи бросили бомбу и начали стрѣлять изъ револьверовъ. Бомбою убитъ одинъ христіанинъ, ранено двое. Пулями убито 3 и ранено 3. Сейчасъ-же прибыла рота, которая находилась въ полицейскомъ управленіи, и начала обстрѣливать домъ. Процессія продолжала идти дальше. Послѣ этого было брошено еще 2 бомбы на Липовой улицѣ, на пути

слѣдованія католической процессіи, и все время евреи продолжали стрѣлять изъ оконъ и балконовъ. Послѣ чего христіане начали громить лавки и избивать евреевъ. Были вызваны еще войска. Всего — болѣе двухъ полковъ пѣхоты и вся кавалерія. Евреи стрѣляли по христіанамъ, на что отвѣчали войска. 2-го іюня были только отдѣльные случаи погромовъ, но тоже цѣлый день продолжалась стрѣльба. Евреи на окраинахъ города и въ близъ лежащихъ деревняхъ напали на христіанъ. Ночью со 2-го на 3-е іюня и особенно съ 3-го на 4-е іюня происходила усиленная стрѣльба. Злоумышленники обстрѣливали преимущественно правительственныя учрежденія, какъ-то: Государственный банкъ, почту, казначейство, штабъ 4-й кавалерійской дивизіи, полицейское управленіе и полицейскій участокъ № 3-й. 5 и 6-е іюня прошли спокойно, благодаря тому, что сады и фабрики, откуда прежде стрѣляли злоумышленники, были заняты войсками. Въ общемъ, съ 1-го по 6-е іюня убито евреевъ 78, а ранено 84; нижнихъ чиновъ ранено — 4. Во время погрома, если и бывали случаи, что одиночные люди и мелкія команды безъ офицеровъ недостаточно противодѣйствовали громиламъ, то въ общемъ войска дѣйствовали правильно, и только благодаря ихъ самоотверженной работѣ, а также тому, что они не допустили въ городъ жителей окрестныхъ селеній, порядокъ былъ восстановленъ сравнительно быстро. Чтобы препятствовать наплыву крестьянъ и рабочихъ загородныхъ фабрикъ, я направилъ кавалерійскія части для занятія дорогъ. Генераль-лейтенантъ фонъ-Бадеръ».

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ, одна изъ московскихъ газетъ напечатала слѣдующее обращеніе къ побѣдителю:

«Когда генераль-лейтенантъ Его Императорскаго Величества обращается официальнымъ рапортомъ къ военному министру, то лгать въ этомъ рапортѣ, казалось бы, неприлично.

Мы спрашиваемъ генераль-лейтенанта фонъ-Бадера.

1) Если бомбу въ процессію бросили, какъ онъ за-

является, «неизвѣстные», то откуда ему извѣстно, что эти «неизвѣстные» — евреи?

2) Если евреи все время стрѣляли въ войска и въ христіанъ, то почему по его же показанію ранено нижнихъ чиновъ 4, христіанъ ранено двое, убитъ одинъ, а евреевъ въ то же время, по его-же словамъ, убито 78 и ранено 84?

3) Почему между убитыми и ранеными нѣтъ ни одного громилы, ни одного убійцы и грабителя, а есть много женщинъ, дѣтей, стариковъ и старухъ? Въ кого же стрѣляли войска?

4) «Евреи на окраинахъ города и въ близъ-лежащихъ деревняхъ нападали на христіанъ».

Не укажетъ ли генераль фонъ-Бадеръ гдѣ, на кого именно нападали евреи и кто отъ этихъ нападеній пострадалъ?

Ваше превосходительство, вы ошиблись, — Бѣлостокъ не Манчжурія, и ваша реляція можетъ быть провѣрена и уже провѣрена. Прилично ли, ваше превосходительство, въ официальномъ рапортѣ такъ лгать?»

Бѣлостокскій побѣдитель не отвѣтилъ на это обращеніе (перепечатанное, кстати сказать, всѣми русскими «не патріотическими» газетами, и, благодаря проницательности иностранныхъ корреспондентовъ, пронырливости западно-европейскую печать) ни одного звука, хотя я имѣю серьезныя данныя для утвержденія, что генераль *знаетъ* о немъ. Можно, конечно, игнорировать «бумагомаракъ», но когда человека во *всей Европѣ обвиняютъ въ наглой лжи*, а этотъ человекъ молчитъ, то онъ не смѣетъ *отвѣчать*, потому что онъ *действительно безчестный лжецъ*.

Солдаты, находившіеся подъ командой лжецовъ и провокаторовъ, лишенные возможности читать что-либо, кромѣ прокламаций Трепова и «истинно-русскихъ людей», солдаты, находящіеся въ полной власти всѣхъ этихъ отбросовъ человечества, къ стыду русской арміи поддались на самую подлую провокацію и надолго запятнали солдатскій мундиръ. При этомъ въ значительной степени, конечно, проявился свойственный всѣмъ людямъ инстинктъ стадности. Напр., г. Влади-

мировъ въ «XX вѣкѣ» приводитъ слѣдующій характерный случай:

Рѣчь идетъ о вполне сознательномъ солдатѣ, разумно и честно оцѣнивавшемъ всѣ событія.

«Онъ находился подъ ружьемъ на улицѣ во время погрома съ другимъ солдатомъ, своимъ товарищемъ, и бесѣдовалъ съ нимъ на ту тему, что стрѣлять въ жидовъ не надо: «Жиды ни въ чемъ не виноваты! — пояснялъ онъ, — худого ничего не сдѣлали; а если что написано про нихъ худое, такъ это выдумка, изобрѣтенная нарочно, чтобы проливать невинную кровь, чтобы легче было давить свободу!»

Солдатъ слушалъ внимательно и съ каждымъ новымъ доказательствомъ сознательнаго солдата одобрительно соглашался съ нимъ и даже дополнялъ доводы своими замѣчаніями.

Вдругъ, во время разговора, невдалекѣ раздались ружейные выстрѣлы: стрѣляли солдаты.

Собесѣдникъ не вытерпѣлъ, заволновался и въ порывѣ непонятныхъ чувствъ, непонятныхъ соображеній, схватилъ за рукавъ сознательнаго солдата и потащилъ его со словами: «Слышишь, стрѣляютъ въ жидовъ! пойдемъ скорѣе! пострѣляемъ!!!»

Французы говорятъ, что

«tout comprendre, c'est tout pardonner»,

т.-е. все понять значитъ все простить.

Читатель понимаетъ, что солдаты, убивавшіе, грабившіе и насилувавшіе мирныхъ людей въ Бѣлостокѣ и иныхъ городахъ, находились подъ проклятымъ вліяніемъ внушенія и примѣра провокаторовъ, плечи которыхъ украшены золотыми эполетами; читатель понимаетъ, что подъ вліяніемъ стаднаго чувства бѣдный, темный, доведенный до изступленія русскій солдатъ могъ совершить навязанныя ему преступленія безсознательно, „подъ вліяніемъ аффекта“, какъ говоритъ судебная медицина, и читатель проститъ ему его невольныя прегрѣшенія. Другое дѣло, конечно, простятъ ли ему эти прегрѣшенія глубоко несчастные, случайно уцѣлѣвшіе родные тѣхъ жертвъ, которыхъ унесли эти прегрѣшенія...

Что солдаты не сочувствовали погрому, что они (или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ) участвовали въ немъ именно почти безсознательно, мы видимъ, кромѣ приведенной выдержки изъ фельетона г. Владимірова, еще изъ слѣдующей замѣтки:

Многіе солдаты, державшіе свои вещи у мѣстныхъ жителей евреевъ, въ среду приходили за ними и, забирая, уговаривали покинуть Бѣлостокъ.

Такъ, одинъ солдатикъ казанскаго полка плакалъ, прощаясь съ 1-мъ изъ своихъ знакомыхъ: „Ой, ой, что въ четвергъ будетъ! Намъ командиръ полка рѣчь держалъ: какое, молъ, мы время переживаемъ!.. За то, что охраняемъ Государя и отечество, насъ евреи убиваютъ!.. Вотъ поймали еврейскаго революціонера, у него нашли письмо, въ немъ говорится, что они не могутъ воевать съ нами, такъ рѣшили между собой вырѣзать нашего брата по одиночкѣ... Смотрите-вотъ, зарѣзали двухъ солдатъ у проститутокъ, а сколько перестрѣляли... Такъ знайте же, братцы, что отъ вышшаго начальства вышло вамъ разрѣшеніе до 8-го числа дѣлать все, что хотите“.

Въ описаніи специально Бѣлостокскаго погрома читатель найдетъ нѣсколько фактовъ, ясно говорящихъ въ пользу солдатъ, принимавшихъ по-неволѣ участіе въ позорномъ дѣлѣ. И эти солдатики, вѣроятно, кромѣ признательности ничего не чувствуютъ къ «бумагомаракамъ», огласившимъ ихъ человѣколюбивые поступки.

А вотъ, господа офицеры очень обижаются, когда ихъ уличаютъ въ честности, которая въ «конституціонномъ» русскомъ правительствѣ считается качествомъ крайне предосудительнымъ.

Въ газетѣ «Дума» было напечатано, что «свѣтлымъ фактомъ» среди бѣлостокскихъ ужасовъ было поведеніе подполковника Невзорова, который укрылъ въ казармѣ избиваемыхъ евреевъ. Г. Невзоровъ необычайно обиженъ тѣмъ, что ему приписанъ «свѣтлый фактъ»; никакихъ «гостей-иновѣрцевъ» у него въ казармѣ не было, «знакомыхъ евреевъ» у него нѣтъ.

Удивленъ, — добавляетъ раздраженный слухомъ о

«свѣтлыхъ фактахъ» подполковникъ, — что газета «Военный Голосъ» занимается перепечатываніемъ разныхъ «газетныхъ утокъ»; мнѣ кажется, чтобы газета хоть сколько-нибудь уважалась, нужно перепечатывать съ разборомъ. — провѣривши факты, а не съ плеча — все, что попало...»

Хочется вѣрить, что подполковникомъ Невзоровымъ въ данномъ случаѣ руководило чувство скромности, но скромность можно признать добродѣтелью лишь тогда, когда она вызывается не только опасеніемъ прозвѣвать очередную Анну на шею...

Или г. Невзоровъ писалъ подъ диктовку генерала Бадера, имѣвшаго полное основаніе видѣть въ укрываніи безоружныхъ людей отъ людей вооруженныхъ фактъ, противорѣчащій принципамъ «самоотверженной работы» войскъ, о которой онъ сообщалъ военному министру?

Приведемъ еще одинъ изъ свѣтлыхъ фактовъ, столь непріятныхъ господамъ Бадерамъ и духовнымъ братьямъ ихъ, имѣвшій мѣсто въ Барановичахъ (Минской губ.).

«Въ настоящее время опасенія мѣстныхъ жителей за возможность погрома значительно улеглись. Населеніе обрѣло себѣ защитниковъ въ лицѣ нижнихъ чиновъ 2-го желѣзнодорожнаго батальона.

«Дѣло было такъ: на-дняхъ во время базара, когда въ мѣстечко съѣхалось много крестьянъ, раздались провокаторскіе возгласы: «Жида кидаютъ бомбы». Началась новообразимая паника. Всѣ въ ужасѣ бросились бѣжать.

«Узнавъ о творящемся въ мѣстечкѣ, расположенные неподалеку въ лагеряхъ солдаты желѣзнодорожнаго батальона выбѣжали изъ палатокъ съ ружьями въ рукахъ и выстроились по ротамъ, пославъ предварительно гонцовъ сказать жителямъ, что они идутъ на ихъ защиту. Нижніе чины были весьма возбуждены и все время кричали: «Долой провокаторовъ и хулигановъ, мы не допустимъ повторенія Бѣлостока». Когда вышли офицеры, солдаты обратились къ нимъ съ просьбой выдать патроны, что и было исполнено.

«Но не успѣли солдаты еще дойти до Барановичей, какъ оттуда дали знать, что уже все успокоилось. Солдаты отрядили отъ себя особые патрули, которые, обходя мѣстечко, увѣряли жителей, что покуда они здѣсь, погромъ ни въ коемъ случаѣ допущенъ не будетъ».

Такова жизнь. Въ Бѣлостокѣ не было бы погрома, если бы тамъ не было войскъ, а въ Барановичахъ былъ бы погромъ, если бы тамъ не было войскъ.

Изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ тоже получаютъ свѣдѣнія о томъ, что солдаты рѣшительно хотятъ противодействовать погромамъ, и это только даетъ намъ право сказать, что позорное для русской арміи поведеніе солдатъ въ Бѣлостокѣ оскорбляетъ подавляющее большинство русскихъ солдатъ, и что такой позоръ едва ли повторится...

Но все-таки:

«Если бы въ Бѣлостокѣ не было войска, то не было бы и погрома».

Отъ самихъ солдатъ зависитъ смыть это черное пятно съ ихъ мундира.

Теперь, когда читатель, вѣроятно, вполне ясно представляетъ себѣ весь механизмъ погромо-дѣлательной машины, своевременно будетъ перейти къ событіямъ въ Бѣлостокѣ.

II.

Бѣлостокскій погромъ и правительство.

2 іюня въ газетахъ была напечатана телеграмма петербургскаго агентства: *Официально*. «Въ Бѣлостокѣ 1-го іюня евреи бросили въ религиозную процессію двѣ бомбы, взрывомъ которыхъ разорванъ католическій ксендзъ, оторвана нога у православнаго священника, ранено много паломниковъ. Во время паники затоптаны дѣти, несшія иконы».

3 іюня появилась слѣдующая телеграмма:

«Петербургъ. *Официально*. Телеграмма изъ Гродно отъ 2 іюня, въ которой сообщается, будто въ Бѣлостокѣ евреи бросили въ паломниковъ бомбы, будто во время паники въ процессіи затоптаны дѣти, разорванъ ксендзъ, а православному священнику оторвало ногу, прислана не официально, а частнымъ корреспондентомъ Стукалевичемъ, начальникомъ отдѣленія казенной палаты, который собралъ неточныя свѣдѣнія и многія подробности передалъ по ложнымъ слухамъ».

Слѣдовательно, *официальное* петербургское агентство печатаетъ *официальныя* телеграммы, даже не зная, отъ кого они получены. «Опроверженіе», очевидно, появилось потому, что въ Бѣлостокѣ должна была выѣхать слѣдственная комиссія изъ членовъ Государственной Думы, которая неминуемо должна была выяснить ложь первой «официальной» телеграммы. Это чуть-ли не первый случай, когда официальное Петербургское агентство само себя уличило во лжи, а такъ какъ вызвано это самосѣченіе далеко не раскаяніемъ, то оно имѣетъ огромное значеніе для оцѣнки «официальныхъ» телеграммъ вообще, и печатаемыхъ ниже—въ частности.

«Официально» о Бѣлостокскомъ погромѣ появились слѣдующія Петербургскаго агентства телеграммы:

«Петербургъ. *Официально.* 1-го іюня, въ 1-мъ часу дня, въ Бѣлостокѣ во время хода православной процессіи на углу Александровской и Институтской улицъ изъ третьяго этажа домовъ Рахитича и Матковскаго сдѣлано было въ процессію нѣсколько выстрѣловъ, причемъ три женщины и двое дѣтей убиты, а нѣсколько человѣкъ ранены. Кромѣ того произведены отдѣльные выстрѣлы на Тыкоцкой улицѣ въ католическую процессію, не причинившіе никому вреда. На Базарной площади брошены двѣ бомбы, но отъ взрыва никто не пострадалъ. Послѣ того въ городѣ возникли беспорядки, которые продолжались въ теченіе всего дня. Во многихъ мѣстахъ произошли кровавыя столкновенія между евреями и христіанами; толпа начала громить еврейскія лавки. Для содѣйствія полиціи были вызваны войска, и ихъ стали обстрѣливать съ чердаковъ, верхнихъ этажей и крышъ. Войска съ своей стороны отвѣчали выстрѣлами. Къ 7-ми часамъ вечера былъ водворенъ относительный порядокъ, хотя и послѣ того слышались выстрѣлы и имѣли мѣсто отдѣльные случаи насильственныхъ дѣйствій. 2-го іюня беспорядки и столкновенія между евреями и христіанами возобновились. Въ полицейское управленіе произведены были выстрѣлы лицами, забравшимися на чердакъ противоположнаго дома. Пострадавшихъ не было. Такъ же, какъ и наканунѣ, была стрѣльба въ войска. Погромъ еврейскихъ лавокъ прекращенъ, порядокъ восстанавливается. Число пострадавшихъ до настоящаго времени точно не определено, но во всякомъ случаѣ ихъ предполагается нѣсколько десятковъ человѣкъ.»

Петербургъ. *Официально.* Происходившіе въ Бѣлостокѣ погромы 2-го іюня, къ вечеру, совершенно прекратились. Въ теченіе ночи революционеры обстрѣливали полицейскій участокъ и полицейское управленіе, засѣвъ въ противоположныхъ домахъ, но были прогнаны выстрѣлами войскъ, при чемъ подожгли означенныя зданія. Дѣйствіе пожарной команды было затруднено безпрестанными взрывами боевыхъ патроновъ, находившихся въ одномъ изъ горѣвшихъ зда-

ній. Изъ состава войскъ въ ту ночь никто не пострадалъ. На слѣдующій день, 3-го іюня, гродненскій губернаторъ объѣхалъ городъ и посѣтилъ городскія больницы, какъ христіанскую, такъ и еврейскую, причемъ оказалось въ общей сложности 60 раненыхъ, убитыхъ же насчитывается около 70-ти. Губернаторомъ издано объявленіе жителямъ о томъ, что всякое насиліе будетъ подавляться самыми суровыми и рѣшительными мѣрами. Имъ же даны соотвѣтственные личные указанія собравшимся представителямъ еврейскаго общества. Организована раздача нуждающимся сѣстныхъ припасовъ, привезенныхъ по распоряженію губернатора изъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ настоящее время въ городѣ наступило полное успокоеніе. Въ виду введенія военного положенія городъ Бѣлостокъ съ уѣздомъ переданы 4-го іюня, утромъ въ вѣдѣніе временнаго генераль-губернатора — генераль-лейтенанта Бадера.»

Вильна. 2-го іюня. *Официально.* Въ виду напряженнаго настроенія въ Бѣлостокѣ и особенно послѣ убійства полицеймейстера, губернаторъ, имѣя основанія ожидать беспорядковъ во время религіозныхъ процессій 1-го іюня, принялъ по соглашенію съ военнымъ начальствомъ всѣ мѣры къ поддержанію спокойствія. Были высланы войска въ количествѣ полтора баталіоновъ пѣхоты и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи. Во время шествія процессіи, въ которой принимали участіе громадныя толпы народа изъ окрестностей города, по улицамъ, въ нихъ изъ домовъ произведены были выстрѣлы. Число убитыхъ и раненыхъ невозможно пока установить. Убиты, между прочимъ, двое дѣтей, несшихъ иконы, и три женщины на базарной площади. Въ 50 шагахъ отъ одной процессіи брошены были двѣ бомбы, не причинившія вреда. Злодѣянія дали оскорбленнымъ въ религіозныхъ чувствахъ христіанскимъ рабочимъ и крестьянамъ поводъ къ немедленной расправѣ съ нѣкоторыми лицами, выбѣжавшими изъ домовъ, изъ которыхъ произведены были выстрѣлы а затѣмъ къ нападению на другіе еврейскіе дома. Вмѣшательствомъ

войскъ и губернатора погромъ былъ ограниченъ сравнительно незначительнымъ размѣромъ. По полученію сегодня донесенію губернатора безпорядки, прекратившіеся вечеромъ, утромъ возобновились съ новой силой. Брошено нѣсколько бомбъ. Полицейское управление обстрѣливалось толпой, войска отвѣчали выстрѣлами».

Гродно. (*Официально*), 2—VI. Вчера въ Бѣлостокѣ крестьянами разгромлена главная улица города — Липовая. Товаръ истреблялся безъ грабежа. По всему городу стрѣльба. Евреи стрѣляютъ изъ оконъ, солдаты отстрѣливаются, крестьяне дерутся палками. Войска оцѣпили городъ и не пускаютъ въ него крестьянъ изъ деревень. Прибывшая сегодня кавалерія разгоняетъ громилъ. Раненыхъ много. Число убитыхъ сравнительно невелико. Точныхъ подробностей пока нѣтъ».

Въ этихъ телеграммахъ характерно все, начиная съ повторенія провокаторской лжи объ убитыхъ евреяхъ дѣтяхъ и женщинахъ, на тѣлѣ которыхъ, какъ мы знаемъ со словъ членовъ думской комиссіи, найдены штыковые раны и обнаружены раны отъ солдатскихъ пуль. Хороша фраза: «Число убитыхъ сравнительно невелико» (по далеко не полнымъ свѣдѣніямъ генерала Бадера, убитыхъ 81, раненыхъ 91). Сравнительно съ чѣмъ? Съ тѣмъ, чего бы хотѣлось погромному агентству?

Генераль Бадеръ телеграфировалъ военному министру 9-го іюня:

«Вашему превосходительству доношу: 1-го іюня христіане, озлобленные бомбами и выстрѣлами (!) въ православную и католическую процессіи, начали громить еврейскія лавки и нѣкоторыя квартиры. Благодаря заранѣе принятымъ мѣрамъ и немедленному вызову войскъ гарнизона, погромъ скоро прекращенъ. 2-го іюня были только отдѣльные случаи погромовъ. Христіанъ убито 3, ранено—7; евреевъ убито 78, ранено—84. Ночью 3-го іюня и особенно 4-го іюня анархисты и бундисты обстрѣливали разные правительственные дома и вокзалъ желѣзной дороги. Вслѣдствіе надлежа-

щаго отпора, эти агрессивныя дѣйствія евреевъ (!) прекратились. Поведеніе войскъ примѣрное, благодаря чему удалось такъ скоро (!!) прекратить погромъ: нареканія въ газетахъ—ложь. Жители успокаиваются. Много имущества возвращено. Положеніе пока серьезное. Раненыхъ солдатъ трое. Генераль Бадеръ».

И доносилъ рапортомъ отъ 10 іюня:

Петербургъ. (*Официально*). Рапортъ военному министру временнаго генераль-губернатора города Бѣлостока и Бѣлостокскаго уѣзда отъ 10-го іюня: «Въ 2 часа дня 1-го іюня на Александровской ул. шла православная процессія. Когда она поворачивала на Институтскую улицу, у дома Янкеля Рахитиса, находящіеся на углу неизвѣстные евреи бросили бомбу и начали стрѣлять изъ револьверовъ. Бомбою убитъ одинъ христіанинъ, ранено двое. Пулями убито 3 и ранено 3. Сейчасъ же прибыла рота, которая находилась въ полицейскомъ управленіи, и начала обстрѣливать домъ. Процессія продолжала идти дальше. Послѣ этого были брошены двѣ бомбы на Липовой улицѣ, по пути слѣдованія католической процессіи, и все время евреи продолжали стрѣлять изъ оконъ и балконовъ, послѣ чего христіане начали громить лавки и избивать евреевъ. Были вызваны еще войска. Всего—болѣе двухъ полковъ пѣхоты и вся кавалерія. Евреи стрѣляли по христіанамъ, на что отвѣчали войска. 2-го іюня были только отдѣльные случаи погромовъ, но тоже цѣлый день продолжалась стрѣльба. Евреи на окраинахъ города и въ близъ лежащихъ деревняхъ нападали на христіанъ. Ночью со 2-го на 3-е іюня и особенно съ 3-го на 4-е іюня происходила усиленная стрѣльба. Злоумышленники обстрѣливали преимущественно правительственныя учрежденія, какъ-то: Государственный банкъ, почту, казначейство, штабъ 4-й кавалерійской дивизіи, полицейское правленіе и полицейскій участокъ. 5-е и 6-е іюня прошли спокойно, благодаря тому, что сады и фабрики, откуда прежде стрѣляли злоумышленники, были заняты войсками. Въ общемъ, съ 1-го по 5-е іюня убито евреевъ 78, а ранено—84. Нижнихъ чиновъ ранено 4. Во время погрома, если и бывали

случаи, что одиночные люди и мелкія команды безъ офицеровъ недостаточно энергично противоѣствовали громиламъ, то въ общемъ войска дѣйствовали правильно, и только благодаря ихъ самоотверженной работѣ, а также тому, что они не допустили въ городъ жителей окрестныхъ селеній, порядокъ былъ возстановленъ сравнительно быстро. Чтобы препятствовать наплыву крестьянъ и рабочихъ загородныхъ фабрикъ, я направилъ кавалерійскія части для занятія дорогъ. Генералъ-лейтенантъ фонъ-Бадеръ».

Петербургское агентство видѣло стрѣлявшихъ евреевъ на третьемъ этажѣ, а господинъ Бадеръ поставилъ ихъ прямо на землю, гдѣ ихъ легче разстрѣлять.

«Бундисты и анархисты», которые, по словамъ печатаемаго ниже погромно—правительственного сообщения, «привели население въ состояніе паники», по утвержденію Бадера, два дня и двѣ ночи обстрѣливали христіанъ, правительственные учрежденія, войска и полицію, и тотъ-же Бадеръ сообщаетъ, что христіанъ убито три, ранено семь, а нижнихъ чиновъ ранено четыре. Евреи понесли уронъ въ числѣ 162 человекъ. Очевидно, что войска на самомъ дѣлѣ дѣйствовали «примѣрно», а грозные «анархисты»—очень плохіе стрѣлки, и непонятно, какъ это не могли съ ними справиться раньше.

Теперь мы переходимъ къ самому характерному литературному произведенію «погромщиковъ по убѣжденію и вахмистровъ по воспитанію», къ «*правительственному сообщенію*», спѣшно опубликованному наканунѣ доклада слѣдственной комиссіи въ Государственной Думѣ. Вотъ этотъ историческій документъ во всемъ его великолѣпіи.

Правительственное сообщеніе.

«1-го іюня въ городѣ Бѣлостокѣ произошли печальныя безпорядки, имѣвшіе слѣдствіемъ причиненіе смерти 82 лицамъ, въ томъ числѣ 7 христіанамъ и 75 евреямъ, пораненія 78 лицъ, въ томъ числѣ 18 хри-

стіанъ и 60 евреевъ, разгромъ 169 квартиръ и лавокъ еврейскаго населенія, съ причиненіемъ убытковъ приблизительно около 200.000 руб.

Въ видахъ скорѣйшаго полученія точныхъ свѣдѣній о причинахъ безпорядковъ министръ внутреннихъ дѣлъ командировалъ въ Бѣлостокъ члена совѣта, шталмейстера двора Фриша. На основаніи собранныхъ этимъ путемъ и другихъ имѣющихся въ распоряженіи правительства данныхъ, событія 1-го іюня, въ связи съ ихъ причинами, предоставляются въ слѣдующемъ видѣ: *городъ Бѣлостокъ въ послѣдніе годы сдѣлался главнымъ центромъ революціоннаго движенія въ Западномъ краѣ.* Въ мѣстномъ населеніи, среди котораго евреевъ до 70%, сложились многочисленныя революціонныя организаціи, въ томъ числѣ крайнія анархическія, которыя, не считаясь съ интересами мирныхъ жителей, настойчиво стремятся къ достиженію цѣли путемъ самовооруженія и посягательствъ противъ полиціи и воинскихъ командъ, охраняющихъ порядокъ. Члены организаціи усвоили даже нѣкоторыя внѣшнія отличія одежды и сосредоточились на одной улицѣ города—Суражской, *не допуская туда ни полиціи, ни воинскихъ командъ.* Преступная дѣятельность особенно усилилась съ 1905 года, выразившись въ рядѣ убійствъ и покушеній, начиная съ покушенія на убійство полицеймейстера Метленко. Сюда относятся убійства 21 февраля уѣзднаго исправника Ельчина, пораненія 8 іюня полицеймейстера Пеленкина, 22 іюля помощника полицеймейстера Гурскаго и пристава Жулкевича, 24 августа пристава Самсонова; убійство городскихъ: Мозгера, Мошенко, Баранцовича и пораненіе околотоčnýchъ Савицкаго, Костицкаго и городскихъ. Ослабѣвъ съ введеніемъ въ сентябрѣ военнаго положенія, террористическія дѣйствія возобновились съ новой силой съ отмѣной 1-го марта въ Бѣлостокѣ этого положенія. Кромѣ стрѣльбы по воинскимъ патрулямъ и разбѣдамъ, съ этого момента начинается новый рядъ убійствъ и покушеній. 4-го марта раненъ приставъ Райскій и убитъ помощникъ пристава Кульчицкій, 18-го марта убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ Рыбанскій и вах-

мистеръ Сыролевичъ. 29-го апрѣля совершено покушеніе на убійство городского Давыдова. Въ маѣ ранены городовые Веневичъ и Алексѣйчукъ, убитъ Шейманъ, ранено 3 городскихъ и убитъ казакъ. 28-го мая на Суражской улицѣ выстрѣлами изъ толпы убитъ полицеймейстеръ Деркачевъ. 29-го мая убитъ городской Арсентьевъ. Въ это же время совершено 6 террористическихъ нападеній на фабрикантовъ и банкирскую контору съ бросаніемъ бомбъ. Всего съ 1-го сего марта по 1-е іюня возбуждено въ Бѣлостокѣ 45 слѣдственныхъ производствъ по преступленіямъ террористическаго свойства. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ виновники остались не обнаруженными. Очевидцы, опасаясь мести террористовъ, уклоняются отъ дачи показаній. Посягательства и насильственные дѣйствія повергли население Бѣлостока въ состояніе паники.

Совершенное 28-го мая убійство Деркачева; пользовавшагося общимъ уваженіемъ мирнаго населенія какъ христіанъ, такъ и евреевъ, довело панику до озлобленія противъ нарушителей порядка и крайняго напряженія. Въ городѣ стали распространяться слухи, что террористы намѣрены истребить всѣхъ должностныхъ лицъ и одновременно возникли толки о предстоящемъ погромѣ еврейскаго населенія, изъ среды котораго и исходили, по общему убѣжденію, эти посягательства. Между тѣмъ, на ряду съ развитіемъ тревоги шло разстройство полиціи, которая съ каждымъ днемъ ухудшалась въ личномъ своемъ составѣ. Лучшіе люди были убиты, ранены, изувѣчены или оставили службу, опасаясь за свою жизнь. На ихъ мѣсто приходилось назначать лицъ, нерѣдко не подготовленныхъ и притомъ постоянно мѣнявшихся. Отъ 2 іюня минувшаго года въ должности бѣлостокскаго полицеймейстера смѣнилось 7 лицъ, въ должности помощника—5 лицъ.

Равнымъ образомъ смѣнялся составъ приставовъ и помощниковъ; на исправленіе должностей, занять которыхъ не было желающихъ, приходилось командировать на время изъ разныхъ частей губерніи. Эти обстоятельства породили состояніе угнетенности и

апатіи, въ которое пришла бѣлостокская полиція, нерѣшавшаяся даже показываться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и преимущественно на Суражской улицѣ, гдѣ сосредоточивались революціонныя организаціи. Пришлось снять всѣ полицейскіе посты, такъ какъ стоявшіе здѣсь чины полиціи неизбежно дѣлались жертвами посягательствъ.

Такимъ образомъ, создалась обстановка, при которой всякаго рода беспорядки могли вспыхнуть при малѣйшемъ къ этому поводѣ. 1 іюня новое дерзкое посягательство враговъ общественнаго порядка дало толчокъ для взрыва негодованія всего христіанскаго населенія. Въ этотъ день въ Бѣлостокѣ обычно совершается православный крестный ходъ въ память воссоединенія униатовъ, и католическая церковная процессія по случаю праздника Тѣла Божьяго. Не взирая на всѣ мѣры охраны крестнаго хода и процессіи, въ слѣдовавшую за ними толпу брошены были въ двухъ-трехъ мѣстахъ разрывные снаряды, и одновременно было произведено обстрѣливаніе процессіи и толпы изъ револьверовъ. Отъ разрыва брошенныхъ снарядовъ пострадали находящіеся нынѣ на излѣченіи въ мѣстной больницѣ сторожъ городского училища Станиславъ Милюскій и 3 женщины, изъ коихъ двѣ жены городскихъ: Анна Демидюкъ, Александра Миньковская и Марія Конисарюкъ. Фактъ пораненія Милюскаго и Миньковской, именно осколками разрывного снаряда, установленъ показаніями потерпѣвшихъ и удостовѣренъ актомъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія врачами Ждановымъ, Грановскимъ, Розенталемъ и ординаторомъ еврейской больницы Эпштейномъ.

Дерзкія и кощунственные преступленія вызвали прибытіе воинскихъ частей для обстрѣливанія ими домовъ, изъ которыхъ, предполагалось, произведены были выстрѣлы въ процессію. Почти одновременно вспыхнулъ со стихійной силой погромъ христіанскимъ населеніемъ евреевъ, безъ разбора праваго и виноватаго. Мѣстами нападеніе громилъ вызывало вооруженный отпоръ, что еще болѣе усилило ярость. Про-

слѣдить самый ходъ погрома, различить заявленія пострадавшихъ лицъ,—истину отъ вольныхъ и невольныхъ измышлений,—можетъ, конечно, лишь судебное слѣдствіе.

Признавая до окончанія слѣдствія всякія утвержденія по этому предмету *преждевременными*, правительство, что погромъ производился отдѣльными кучками громилъ изъ среды городского и сельскаго населенія, *нападавшими на еврейскіе дома и магазины въ тѣхъ преимущественно мѣстахъ, гдѣ не имѣлось войскъ*. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ разгромы прекращались своевременно *прибывшими войсками*. Къ 6 часамъ вечера городъ былъ очищенъ отъ погромщиковъ, въ главнѣйшихъ выѣздахъ выставлены войнскіе патрули для недопущенія жителей селеній, устремившихся въ городъ, какъ только разнеслась вѣсть о погромѣ. Стихнувшій къ вечеру погромъ вновь вспыхнулъ на слѣдующій день, выразившись въ попыткахъ разграбленія лавокъ и *неожиданномъ нападении на евреевъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, гдѣ за сосредоточеніемъ войскъ въ центрѣ города оставался ничтожный караулъ*.

Съ половины этого дня возникли *нападенія на войска мѣстныхъ революціонныхъ организацій*, закончившія ночью на 4 іюня. Нападенія выражались въ обстрѣливаніи патрулей и зданій участковъ и штабнаго банка, при чемъ *ранено 3 нижнихъ чина*. Въ отвѣтъ войска обстрѣливали дома, при чемъ конечно, жертвами стрѣльбы могли дѣлаться не только нападавшіе, но и мирные жители. Всѣ полученные путемъ разслѣдованія данныя приняты въ основаніе мѣръ, направленныхъ къ возстановленію нормальной дѣятельности мѣстныхъ властей. *Лицъ виновныхъ въ учиненіи самаго погрома, пособниковъ ихъ и подстрекателей привлекутъ къ отвѣтственности судебныя учрежденія, безъ сомнѣнія воспользовавшись всей полнотою предоставленной имъ власти, при чемъ со стороны правительства будетъ оказано всякое содѣй-*

ствіе, чтобы ни одно лицо, виновное въ событіяхъ въ Бѣлостокѣ, не избѣгло суда и наказанія.

Отвергая съ глубокимъ негодованіемъ распространяемые въ обществѣ слухи, что будто еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ подготовленъ при участіи мѣстной администраціи и войскъ, правительство долгомъ считаетъ выразить убѣжденіе, что причины печальнаго событія слѣдуетъ искать въ дѣятельности мѣстныхъ революціонныхъ организацій, *доведшихъ непрерывнымъ рядомъ посягательствъ мирное населеніе до крайняго озлобленія и разстроившихъ полицію, не могшую поэтому предупредить и остановить безпорядки*».

Курсивомъ мы отмѣтили наиболѣе характерныя мѣста этого любопытнаго произведенія, въ которомъ правительство выдаетъ себя съ головой и блестяще подтверждаетъ, что именно оно, и только оно—дѣйствительный и единственный виновникъ погрома Бѣлостокскихъ ужасовъ.

Правительство, слѣное, бездарное и жалкое, несмотря на всю его озлобленность, все еще не хочетъ понять, что прошли тѣ недоброй памяти времена, когда его словамъ придавали хоть какое-нибудь значеніе. Оно не понимаетъ, что всѣ его потуги оказываютъ теперь какъ разъ обратное дѣйствіе, и что общество разсуждаетъ такъ: разъ правительство говоритъ, что такой-то фактъ былъ, то значить, что его не было.

Есть нѣмецкая пословица:

«Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht,
Ja wenn er auch die Wahrheit spricht»

(Кто разъ солгалъ, тому не вѣрятъ; хотя-бы онъ и говорилъ правду).

а вѣдь русское правительство лгало не разъ и не два, оно лгало вѣками, оно все свое существованіе основывало на самой наглой лжи, оно до мозга костей пропиталось ложью и клеветой, и ему, конечно, никто не вѣритъ. Но только что приведенный образецъ правительственной лжи по своей наглости превосходитъ все, что человѣкъ можетъ измыслить въ этомъ направленіи.

Перечисливъ всѣ преступленія евреевъ, „сообщеніе“ говоритъ объ убійствѣ полицеймейстера Деркачева. Деркачева въ Бѣлостокѣ любили всѣ, и христіане и евреи, и его убійство за три дня до погрома всѣ истолковали, какъ одну изъ мѣръ подготовленія къ погрому.

Въ „Vossische Zeitung“ напечатано письмо одного бѣлостокскаго купца-нѣмца, который, между прочимъ, пишетъ:

„За четыре дня до убійства полицеймейстера Деркачева одинъ полицейскій сказалъ, что готовится большой погромъ; а когда свидѣтель возразилъ на это, что полицеймейстеръ не допуститъ погрома, то полицейскій сказалъ: „Къ тому времени Деркачева убьютъ“.

И несчастнаго Деркачева „убрали“.

Черезъ недѣлю послѣ погрома у предводителя дворянства было засѣданіе генераль-губернатора, губернатора, генерала Богаевского и предсѣдателя еврейскаго общества, въ которомъ этотъ представитель еврейскаго общества открыто заявилъ, что убійство полицеймейстера Деркачева и погромъ—дѣло рукъ властей. Полицейскіе агенты не могли представить никакого оправданія.

И мы даже знаемъ, кто руководилъ убійствомъ Деркачева: бѣлостокскій приставъ Шереметьевъ. Шереметьевъ представляетъ собою полную противоположность покойному полицеймейстеру. Послѣдній отличался качествами, которыхъ русскому полицейскому по штату не полагается; былъ вѣжливъ, справедливъ, никого не билъ и не увѣчилъ, не любилъ воровъ, и т. д... Шереметьевъ большой другъ воровъ (свой своему по-неволѣ братъ), любитъ сокрушать скулы и правому и виноватому, а „справедливость“ его выражается въ томъ, что онъ открыто грозитъ евреямъ погромомъ. За 2 дня до погрома, на похоронахъ Деркачева, Шереметьевъ не допустилъ, чтобы еврейская депутация возложила вѣнокъ на гробъ полицеймейстера, когда-же одинъ врачъ, членъ депутаціи, погрозилъ жаловаться губернатору, то Шереметьевъ сказалъ: „Лучше

не ѣздите къ губернатору, вы пожалѣете объ этомъ черезъ два дня“.

Губернаторъ, г. Кистеръ, былъ alter ego Шереметьева. Мы уже знаемъ, что этотъ анекдотическій губернаторъ за время погрома только разъ, да и то на четверть часа, рѣшился заглянуть въ Бѣлостокъ. Убѣдившись въ томъ, что самоотверженная работа войскъ и громилъ идетъ успѣшно, отвернувшись на вокзалъ отъ молившихъ его о спасеніи, господинъ губернаторъ торжественно, съ экстреннымъ поѣздомъ изволилъ отбыть въ Гродно, и въ Бѣлостокъ до полного успокоенія ихъ превосходительство уже не показывались.

Послѣ провокаторскаго, явно организованнаго мѣстными властями, убійства Деркачева, единственнаго честнаго человѣка, стоявшаго на дорогѣ мундирныхъ разбойниковъ, Бѣлостокъ оказался во власти атамана и вдохновителя этой шайки, пристава Шереметева.

Онъ всюду говорилъ, что евреи кровопійцы и злодѣи и что надо ихъ съ корнемъ уничтожить. Дошло до того, что еврейская депутація была принуждена обратиться къ губернатору съ просьбой убрать Шереметьева изъ города. На это губернаторъ отвѣтилъ, что послѣ убійства полицеймейстера Шереметьевъ наблюдаетъ за порядкомъ въ городѣ и потому онъ не можетъ его убрать. „Увѣряю васъ“, сказалъ онъ на прощаніе, „что никакого погрома не будетъ“.

Черезъ день послѣ этого губернаторскаго „увѣренія“ погромъ разразился...

Мы здѣсь не будемъ говорить о „самоотверженной работѣ“ и о „примѣрномъ поведеніи“ Бѣлостокскаго гарнизона. Нарисованные нами въ главѣ „Ужасы Бѣлостока“ отдѣльные эпизоды этой бойни говорятъ сами за себя, и мы неминуемо должны были-бы повторяться.

Роль полиціи, старшей и младшей, тоже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но сановные погромщики, разумѣется, не могутъ сознаться въ томъ, что дѣйствія ихъ мѣстныхъ агентовъ, „самоотверженно“ выполнявшихъ ихъ же при-

казанія, преступны. Это значило-бы высѣчь самихъ себя, потому что кому-нибудь изъ наказанныхъ исполнителей вдругъ можетъ придти въ голову шалая мысль огласить закулисную сторону побѣды! Правда, такого непріятнаго человѣка можно убрать, по примѣру Деркачева и многихъ другихъ, но... „худой миръ лучше доброй ссоры“, а преступники особенно избѣгаютъ ссоръ между собою.

Что-же сдѣлало правительство послѣ Бѣлостокскаго погрома?

Прежде всего оно напечатало нѣсколько „официальныхъ“ телеграммъ, изъ которыхъ первая-же, о разорванномъ бомбой ксендзѣ и т. д., оказалась настолько неудачной, что на другой день ее пришлось опровергать. Немного удачнѣе вышли и всѣ послѣдующія телеграммы, вплоть до „правительственного сообщения“, въ которомъ тоже фигурируютъ бомбы.

Бѣлостокскій исправникъ г. Радецкій, немедленно послѣ погрома былъ вызванъ въ Петербургъ, куда онъ прибылъ инкогнито; въ столицѣ г. Радецкій пробылъ болѣе недѣли и имѣлъ нѣсколько бесѣдъ со Столыпинымъ и Стишинскимъ, которые преподали Радецкому инструкціи дальнѣйшихъ дѣйствій по Бѣлостокскому уѣзду. Радецкій посѣтилъ также, какъ сообщаетъ „XX вѣкъ“, департаментъ полиціи, который весьма интересовался всѣми стадіями погрома.

Результатомъ полученныхъ въ Петербургѣ инструкцій явился слѣдующій циркуляръ, за № 278, который разосланъ всѣмъ православнымъ священникамъ Гродненской губерніи:

„Ваше Высокопреподобіе
О. Н.

Бывшій на этихъ дняхъ погромъ въ гор. Бѣлостокѣ и неправильное освѣщеніе обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ погромъ: распространились свѣдѣнія, что *будто-бы евреями была брошена бомба въ христіанскую процессію съ крестнымъ ходомъ, чего въ дѣйствительности не было*, создало среди христіанскаго населенія враждебное къ евреямъ отношеніе. — Погромъ въ Бѣлостокѣ благодаря неправильному освѣщенію

этихъ обстоятельствъ обострилъ національную ненависть христіанскаго населенія къ еврейскому, что и привело къ частичнымъ погромамъ, произведеннымъ будто бы въ окрестныхъ мѣстностяхъ этого города — Лапахъ и Старосельцахъ. Погромы эти унесли не мало жизней, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Нравственный долгъ каждаго повелѣваетъ всѣми средствами предотвращать народныя бѣдствія, безъ различія племенъ, влекушія за собою разореніе матеріальной обезпеченности, а въ данномъ случаѣ — и кровопролитіе. Насколько извѣстно изъ вполне достовѣрнаго источника, антиеврейское броженіе уже проникло и въ среду крестьянскаго населенія Гродненскаго уѣзда, особенно подъ влияніемъ указанныхъ событій въ Бѣлостокѣ. А потому, принимая мѣры предотвращенія столь нежелательнаго явленія, я позволяю себѣ обратиться въ данномъ случаѣ къ Вашему Высокопреподобію и покорнѣйше просить воздѣйствовать своимъ авторитетомъ на прихожанъ, въ смыслѣ устраненія особенно обострившагося среди нихъ антиеврейскаго населенія и, какъ путемъ проповѣдей, такъ и частныхъ собесѣдованій, при случайномъ посѣщеніи населенныхъ мѣстностей прихода, предотвратитъ могущія послѣдовать печальныя послѣдствія этого броженія, умиротворитъ взаимныя отношенія вашихъ прихожанъ изъ среды крестьянъ къ евреямъ и такимъ образомъ оказать и мнѣ въ семъ дѣлѣ ваше компетентное содѣйствіе. Поручая себя молитвамъ вашимъ, прошу принять мое искреннѣйшее почтеніе и уваженіе къ вамъ“.

Слѣдовательно, бомбы *не было*, и правительство и по этому пункту сообщило *завѣдомую ложь*.

«Глубокое негодованіе», съ которымъ правительство въ своемъ сообщеніи отвергаетъ «слухи» о подготовленности бѣлостокскаго погрома и объ участіи въ немъ мѣстной администраціи и войскъ — просто пошлая фраза. Отклики этого *негодованія* мы видимъ:

1) въ устраненіи отъ должности бѣлостокскаго городского головы Малиновскаго, дерзнувшаго созвать экстренное думское засѣданіе съ цѣлью провѣрить

факты погрома и опровергнуть ложь донесения генерала Бадера;

2) въ выдачѣ пособия приставу Шереметьеву и увольнении его въ мѣсячный отпускъ;

3) въ служебномъ повышении бѣлостокскихъ мелкихъ мундирныхъ громилъ, которые исподволь получаютъ тепленькія мѣстечки. Мацевичу, напимѣръ, дано мѣсто исправника въ Брестѣ, Бондаруку—такое же мѣсто въ Бѣлостокѣ, Байбакъ, собственноручно застрѣлившій нѣсколько душъ, назначенъ въ Брестъ.

4) въ явномъ покровительствѣ громиламъ не-мундирнымъ, о чемъ м. п. въ газетахъ появились слѣдующія телеграммы:

«Бѣлостокъ. Одиннадцать фабрикантовъ, отказавшихся посылать товаръ для обдѣлки въ апретурное заведение Вельтнера, вслѣдствіе его участія въ погромѣ, были приглашены въ полицейское управленіе, гдѣ, въ присутствіи начальниковъ районовъ города, фабричнаго инспектора Ратковского и самого Вельтнера, имъ было категорически заявлено, что въ случаѣ дальнѣйшаго бойкотирования Вельтнера они будутъ высланы въ 24 часа. Фабриканты подписали предложенное имъ обязательство.»

«Бѣлостокъ. Крупному фабриканту Триллингу приказано принять вновь уволенныхъ двухъ рабочихъ, бывшихъ въ числѣ громилъ во время погрома, подъ опасеніемъ принятія репрессивныхъ мѣръ. Трилингъ уѣхалъ за границу и отдалъ распоряженіе закрыть фабрику; всѣмъ 400 рабочимъ данъ двухнедѣльный срокъ.»

Это наиболѣе характерные случаи, когда полиція не стѣсняется явно и даже документально заявлять о полной своей солидарности съ громиллами, а сколько разъ она проявляетъ эту солидарность не столь явно, напр. въ видѣ принятія на полицейскую службу кондукторовъ трамвая, уволенныхъ съ послѣдняго за... участіе въ погромѣ!

Епископъ Роопъ, отличающійся въ общемъ большою благонамѣренностью, на засѣданіи Государственной Думы отъ 26 іюня сказалъ между прочимъ:

—«Въ Бѣлостокскомъ погромѣ случилось нѣчто

удивительное, и настолько, что все въ немъ надо признать предусмотрѣннымъ. На этотъ разъ я могу привести нѣкоторые случаи въ видѣ доказательства. Въ Бѣлостокѣ одинъ магазинъ разграбленъ, а другой нѣтъ. Собственникъ послѣдняго утверждаетъ, что онъ за три дня передъ погромомъ обезпечилъ себя довольно большой суммой денегъ отъ того, чтобы его магазинъ не былъ разгромленъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что они дали куда слѣдуетъ, и только такимъ образомъ оградили себя отъ погрома».

«Куда слѣдуетъ» надо, очевидно, понимать не въ томъ смыслѣ, что купцы подкупили «взрывъ народного негодованія»?!

О «племенной враждѣ» въ Государственной Думѣ 27-го іюня говорилъ депутатъ г. Острогорскій.

—Я представитель Гродненской губерніи и утверждаю, что непріязненныхъ отношеній между евреями и мѣстными крестьянами не существуетъ, иначе я не былъ бы избранъ. Крестьяне, провожая меня, говорили: «Вы обездолены и мы обездолены, добудьте намъ волю и землю». Гдѣ же здѣсь вражда?

Другой депутатъ Жуковский на ту-же тему сказалъ на засѣданіи 2-го іюня:

«Господа представители народа, г. Бѣлостокъ, въ которомъ начались погромы, мнѣ извѣстенъ. Я жилецъ этого уѣзда, всего верстъ не болѣе 12 отъ города. Относительно жизни между крестьянами и горожанами, между католиками, православными и евреями я скажу, что всѣ они живутъ дружно: всѣ одинаково угнетены. Тамъ устраивается ежегодно крестный ходъ католическимъ духовѣнствомъ въ память чудеснаго избавленія отъ холеры. Процессіи ходятъ по городу и евреи украшаютъ свои зданія цвѣтами, вывѣшиваютъ ковры, выставляютъ всевозможныя украшенія и сами выходятъ навстрѣчу процессіи. Такъ бывало когда-то. Послѣ польскаго возстанія, католическія процессіи были запрещены нашимъ милымъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ католическія процессіи не ходили до прошлаго года. Теперь эти процессіи снова ходятъ. Всегда бываетъ спокойно и торжественно,

и теперь украшаютъ еврейскіе дома. Публика заполняетъ не только балконы, но и крыши домовъ. Последняя процессія окончилась погромомъ. Были произведены выстрѣлы. Это дѣло рукъ нѣсколькихъ черносотенцевъ, которые такъ дѣйствовали и въ другихъ мѣстностяхъ. Евреи здѣсь не при чемъ. Они народъ ученый. Они знаютъ, какъ относиться къ населенію, которое имъ никакого вреда не приноситъ».

Полагаю, что членамъ Государственной Думы мы можемъ вѣрить больше, чѣмъ забрызганнымъ кровью авторамъ «правительственнаго сообщенія».

Покончивъ съ этимъ «сообщеніемъ», посмотримъ, что-же еще сдѣлало правительство послѣ бѣлостокскаго погрома.

Оно осталось вѣрнымъ себѣ и, помимо уже упомянутыхъ награжденій чиновныхъ погромщиковъ и приказа «о благодарности за беззавѣтную и честную службу», даннаго по бѣлостокскому гарнизону, ограничилось посылкой въ разгромленный городъ нѣсколькихъ разномысленныхъ чиновниковъ, во главѣ съ членомъ совѣта министровъ внутреннихъ дѣлъ Фришемъ, «для разслѣдованія причинъ погрома», хотя эти причины надо-бы искать въ Петербургѣ.

Послѣ того, какъ Фришъ прислалъ въ Петербургъ первую шифрованную телеграмму о результатахъ своего разслѣдованія, ему по телефону же было предложено «не смущаться параллельнымъ разслѣдованіемъ парламентской комиссіи». На простомъ русскомъ языкѣ это значитъ:

«Не обращайтесь вниманія на то, что дѣлаютъ члены Государственной Думы; ихъ мнѣнія и выводы насъ не интересуютъ. Вы знаете, какъ надо вести разслѣдованіе, и какія намъ нужны данныя».

И мы видимъ, что господинъ Фришъ отлично выполнилъ свою миссію и собралъ для «правительственного сообщенія» богатый и... и правдивый матеріалъ.

Несмотря на «глубокое негодованіе» правительства, газеты сообщаютъ, что въ настоящее время въ Бѣлостокѣ гоститъ начальникъ штаба 6-го армейскаго корпуса, въ вѣдѣніи котораго находятся войска бѣлосток-

скаго гарнизона, генералъ Валуевъ. Цѣль его пріѣзда — произвести дознаніе о поведеніи войскъ во время прекращенія еврейскаго погрома.

Впрочемъ, и въ этомъ направленіи можно быть увѣреннымъ, что все окажется благополучнымъ, ибо, по газетнымъ свѣдѣніямъ, опрашиваетъ генералъ пока официальныя сферы, въ глазахъ которыхъ поведеніе офицеровъ и солдатъ, понятно, выше похвалы. Нужно думать, что въ этомъ же духѣ было сообщено и военному министру, по инициативѣ котораго наряжено дознаніе.

Вотъ и все, что сдѣлало правительство по поводу бѣлостокскаго погрома. Впрочемъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ въ бесѣдѣ съ однимъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ заявилъ, что правительство рѣшило принять самыя рѣшительныя мѣры противъ виновниковъ погрома и не остановится даже передъ тѣмъ, чтобы посадить на скамью подсудимыхъ высшихъ чиновъ.

Но надо думать, что эти слова господинъ Столыпинъ сказалъ «въ состояніи запальчивости и раздраженія», потому что не можетъ же, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ посадить на скамью подсудимыхъ... министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина!!

За то относительно другихъ погромовъ, временно пріостановленныхъ, корреспондентъ «Русскаго слова», вообще отличающійся большой освѣдомленностью, телеграфируетъ изъ Парижа:

«Парижъ, 28, VI—II, VII. Не имѣя ни возможности, ни права огласить источникъ моихъ свѣдѣній, но ручаясь за достовѣрность, могу сообщить, что погромная партія дѣятельно готовится къ грандіозной Вароломеевской ночи въ тотъ моментъ, когда будетъ составленъ думскій кабинетъ. Погромная партія, въ виду сильнаго «дружескаго» давленія нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ, желаетъ доказать Европѣ, что всякій такой шагъ, какъ октябрьскій манифестъ или составленіе думскаго кабинета, вызываетъ взрывъ патріотическаго негодованія привержен-

цевъ стараго режима. Могу еще сообщить, что даже изъ-за границы выѣхали уже опытные агенты и провокаторы, получившіе щедрыя прогонныя».

Поживемъ—увидимъ, удастся-ли правительству его новая затѣя...

Закончимъ эту главу нелишенными пикантностями свѣдѣніями о новомъ шагѣ по пути „сверхъестественныхъ мѣръ“, къ которымъ прибѣгаетъ придворная камарилья, совсѣмъ потерявшая голову.

Оказывается, что за послѣдніе дни въ Петергофѣ придаютъ большое значеніе пребывающему тамъ для таинственныхъ цѣлей *Митя—Прозорливцу*. «Митя прозорливый, извѣстный на своей родинѣ подъ именемъ Митяя Калябы, т. е. дурачка,—крестьянинъ Казацкой слободы гор. Козельска, Калужской губерніи. Г. Козельскъ и прилегающая къ нему Оптина Пустынь славятся, какъ весьма плодородныя мѣстности по части старцевъ, прозорливыхъ и т. д. Митяй Каляба прежде жилъ бѣдно, но, когда началъ заниматься «прозорливствомъ», дѣла его поправились, появились деньжонки. «Прозорливство» Мити зиждется исключительно на суетвѣри и невѣжествѣ русскаго обывателя. Оно очень незамысловато: «спускаетъ водицу съ креста», «выгоняетъ чертей изъ подъ колесъ на мельницахъ» и т. п. Занимается Митя и пророчествами.

Зимой Митяй Каляба ѣздилъ въ Петербургъ, имѣлъ аудіенцію при Дворѣ, о чемъ долгое время рассказывалъ сподвижникъ и истолкователь Митяя Калябы извѣстный въ Козельскѣ Михаилъ Васильевичъ Кананыкинъ. Митя плохо говоритъ—отрывистыми, безсвязными фразами, которыя М. В. Кананыкинъ развиваетъ, т. е. даетъ объясненія «пророчествамъ» Мити. Говорятъ, что при Дворѣ Митя пророчествовалъ побѣду надъ японцами.

Пророчество относительно японцевъ не оправдалось, но это, очевидно, нисколько не поколебало авторитетъ «Прозорливца», и теперь, надо думать, онъ вѣщаетъ о грядущей побѣдѣ надъ крамольниками и о спасительности погромной политики....

Sancta Simplicitas!

III.

Бѣлостокскій погромъ и Государственная Дума.

Государственная Дума, какъ то и слѣдовало ожидать, энергично и быстро откликнулась на бѣлостокскіе ужасы, но тактика ея была нѣсколько иная, чѣмъ тактика правительства.

Прежде всего, Дума начала дѣйствовать *во время погрома*, а не черезъ недѣлю послѣ него, а кромѣ того Дума содѣйствовала *выясненію* истины въ противовѣсъ правительственному замазыванію ея.

Уже засѣданіе 2-го іюня было посвящено въ Государственной Думѣ Бѣлостоку, и въ результатѣ рѣшено было сдѣлать министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующій срочный запросъ:

«1) Принимаются ли въ настоящее время надлежащія мѣры къ защитѣ еврейскаго населенія г. Бѣлостока?

2) Что намѣренъ г. министръ предпринять для предупрежденія убійствъ, грабежей и насилій надъ еврейскимъ населеніемъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи?»

Но, дѣлая этотъ запросъ, Государственная Дума отлично знала, что «вахмистры по воспитанію» или ничего не отвѣтятъ, или же отдѣлаются какой-либо глупой пошлостью. Дума поэтому рѣшила не полагаться на «правительство» и дѣйствовать самостоятельно.

Въ тотъ же день, 2-го іюня, изъ членовъ Думы были выбраны депутаты для разслѣдованія бѣлостокскихъ событій. Выбранными оказались проф. *Щепкинъ*, прокуроръ *Араканцевъ* и г. *Якобсонъ* (еврей). При выборѣ депутатовъ имѣлось въ виду, чтобы среди избранныхъ депутатовъ было предоставлено и еврейское населеніе имперіи и чтобы каждый обыватель могъ на своемъ родномъ языкѣ русскомъ или еврейскомъ передать уполномоченнымъ Думою депутатамъ всѣ сокро-

веннѣйшія стороны бѣлостокскаго погрома. Въ 10 часовъ 30 минутъ вечера 2-го же іюня выбранные депутаты уже выѣхали въ Бѣлостокъ.

Въ Бѣлостокѣ пріѣздъ Думской депутаціи сразу вызвалъ успокоеніе. Войска, полиція и хулиганы сразу умѣрили свое рвеніе по «возстановленію порядка», и къ депутатамъ потянулся длинный, скорбный рядъ свидѣтелей-очевидцевъ и случайно уцѣлѣвшихъ пострадавшихъ.

4-го іюня депутатъ Якобсонъ телеграфировалъ въ Петербургъ, члену Государственной Думы Винаверу:

«Пріѣздъ депутатовъ въ субботу успокоилъ городъ и пріободрилъ населеніе. Вчера цѣлый день хоронили убитыхъ 78 евреевъ и 6 христіанъ. Преобладали убитые пулями и штыками. Общее число убитыхъ и сожженныхъ еще не установлено. Вчера опять застрѣленъ казакомъ случайно проходившій еврей. Вчерашнее засѣданіе бѣлостокской Думы единогласно установило *отсутствіе національной вражды, чью то провокацію и содѣйствіе погрому со стороны полиціи и войскъ. Всѣ сообщенія объ обстрѣливаніи домовъ и учреждений революціонерами и евреями, о нападеніи евреевъ на христіанъ вымышлены.* Населеніе терроризовано».

Эта телеграмма ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждается и можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ разныхъ «правительственныхъ сообщеній».

Собравъ на мѣстѣ обширный, цѣнный и *неопровержимый* матеріалъ, Думскіе депутаты вернулись въ Петербургъ и составили ниже приводимый докладъ, который представляетъ собою очень сдержанное, корректное изложеніе бѣлостокскихъ событій.

4-го іюня депутаты въ Бѣлостокѣ, среди еще не высохшихъ лужъ крови замученныхъ людей, пришли къ твердому убѣжденію, что погромъ устроенъ провокаторами, полиціей и войсками, а 8-го іюня князь Урусовъ, *бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ*, сказалъ свою историческую рѣчь о томъ, какъ въ Россіи организуются погромы. Мы такъ часто ссылались на эту рѣчь, что считаемъ необходимымъ привести ее здѣсь полностью:

Рѣчь князя Урусова, произнесенная на засѣданіи Государственной Думы, 8-го іюня 1906 года.

«Я просилъ слова, господа народные представители, чтобы представить вашему вниманію нѣкоторыя соображенія свои по поводу запроса Государственной Думы министерству и только что выслушанному нами отвѣту на этотъ запросъ. Я полагаю, что извѣстіе о скрывавшейся въ тайникахъ департамента полиціи бостонкѣ, печатавшей воззванія къ народу, съ призывомъ его къ междоусобной войнѣ, мы разсматриваемъ не столько въ видѣ факта прошлаго, интересующаго насъ въ отношеніи отвѣтственности виновныхъ, сколько въ видѣ тревожнаго вопроса о возможности дальнѣйшаго участія правительственныхъ чиновниковъ въ подготовленіи тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыми за послѣднее время мы печально прославились и которыя, какъ показали событія послѣдняго времени, продолжаютъ разыгрываться, возбуждая негодованіе всѣхъ, кому дорога человѣческая жизнь и кому дорого достоинство русскаго государства. При этомъ оговорюсь: я ни минуты не сомнѣваюсь въ искренности заявленія министра внутреннихъ дѣлъ и не противъ министерства направлены тѣ слова, которыя я хочу вамъ сказать. Напротивъ, все значеніе, весь интересъ, вся важность разсматриваемаго нами вопроса именно въ томъ и заключается, что погромы и междоусобная рѣзня по обстоятельствамъ, имѣющимъ и теперь мѣсто и находящимся въ сферѣ правительственнаго воздѣйствія, продолжаютъ внѣ зависимости отъ отношенія къ нимъ того или другого министерства. Заявленіе министра въ этомъ отношеніи представляется мнѣ недостаточно убѣдительнымъ, и я сейчасъ постараюсь объяснить, почему я такъ думаю. Съ этою цѣлью мнѣ придется коснуться вопроса о погромахъ и попутно выяснить ту роль, которую играла при этомъ заинтересованная насъ типографія.

Внимательное изученіе такъ называемыхъ погромовъ

ставить ихъ изслѣдователя лицомъ къ лицу съ опредѣленными, всегда одинаковыми явленіями. Впервыхъ, погрому всегда предшествуютъ слухи о его подготовленіи, сопровождаемые распространеніемъ возбуждающихъ населеніе воззваній, однородныхъ по стилю и содержанію и появленіемъ своего рода буревѣстниковъ въ лицѣ мало кому извѣстныхъ представителей подонковъ населенія. Затѣмъ, официально указываемый при возникновеніи погрома поводъ его всегда впослѣдствіи оказывается ложнымъ. Далѣе въ дѣйствіяхъ погромщиковъ усматривается извѣстная планомѣрность, лишаящая эти дѣйствія характера случайнаго, стихійнаго явленія. Погромщики дѣйствуютъ въ сознаніи какого-то права, въ сознаніи безнаказанности и дѣйствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это сознаніе не будетъ въ нихъ поколеблено, послѣ чего погромъ прекращается быстро и легко. Еще далѣе—въ дѣйствіяхъ полиціи никогда не бываетъ единства, и въ то время, какъ нѣкоторые полицейскіе участки подвергаются сплошному разгрому, при наличности значительныхъ полицейскихъ силъ, другіе участки остаются почти нетронутыми вслѣдствіе охраны ихъ полицейскими чинами, исполнявшими свой долгъ увѣренно и энергично. Наконецъ, погромъ прекращенъ, произведены аресты и посѣщающее арестантовъ начальство не можетъ избѣгнуть впечатлѣнія, что предъ нимъ стоятъ не столько преступники, сколько обманутые кѣмъ-то темные люди.

Итакъ, чувствуется какая-то организація, однородная и широко задуманная. Ошибаются тѣ, которые, назвавъ ее правительственной, думаютъ, что вопросъ рѣшенъ и дѣло ясно, но ошибаются не вполнѣ, и событія прошедшей зимы, послужившія поводомъ къ нашему запросу, помогутъ намъ отчасти разобраться въ туманѣ, окутывающемъ эти безъ того темныя дѣла.

Въ январѣ 1906 года къ одному изъ лицъ, занимавшему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ второе-степенное положеніе, но извѣстному въ качествѣ противника погромной политики, я говорю не о себѣ, стали поступать въ большемъ количествѣ образцы воззваній, чистой работы, широко распространяемыхъ

въ главныхъ центрахъ юга и запада Россіи, а также тревожныя жалобы съ указаніемъ на подготовленіе погромовъ въ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и другихъ городахъ. Гомельскій январскій погромъ подтвердилъ основательность высказываемыхъ опасеній и побудилъ упомянутое лицо употребить всѣ средства къ предупрежденію остальныхъ погромовъ, что и удалось сдѣлать благодаря распоряженіямъ предсѣдателя совѣта министровъ, постепенно ознакомляемаго съ ходомъ негласнаго дознанія. При этомъ отчасти выяснилась, хотя и въ нѣкоторомъ туманѣ, слѣдующая картина дѣятельности «мастеровъ погромныхъ дѣлъ».

Группа лицъ, составляющихъ какъ бы боевую дружину одного изъ нашихъ «патріотическихъ» собраній въ единеніи съ лицами, близко стоящими къ редакціи одной не петербургской газеты, предприняла борьбу съ революціей. Будучи «патріотами» въ томъ смыслѣ, какой недавно придалъ здѣсь этому слову представитель Тверской губерніи и людьми «истинно-русскими», они причину смуты усматривали въ инородцахъ, жителяхъ окраинъ и черты еврейской осѣдлости; русское населеніе, а также особенно русскіе солдаты призывались къ расправѣ съ крамольниками въ десяткахъ тысячъ воззваній самаго возмутительнаго содержанія. Воззванія эти отвозились членами общества на мѣста и вручались вѣрнымъ мѣстнымъ сочленамъ и союзникамъ, которые, въ свою очередь, распространяли эти воззванія осмотрительно и съ толкомъ. Получались оригинальныя, съ точки зрѣнія охраненія единства власти, послѣдствія: помощникъ полицеймейстера (говорю для примѣра) распространяетъ воззванія безъ вѣдома своего начальника—полицеймейстера. Или наоборотъ: приставъ, скажемъ 1-го участка, былъ удостоенъ довѣрія, котораго приставъ 2-го участка былъ лишень. У кого-нибудь изъ служащихъ въ жандармскомъ управленіи или въ охранномъ отдѣленіи появлялись какія-то особыя суммы, къ нимъ начинали ходить какіе-то темные люди, въ городѣ ходили слухи о какихъ-то приговореніяхъ; къ губернатору ѣзди-

ли напуганные люди, губернаторъ ихъ успокаивалъ, чувствуя, однако, что далеко не все спокойно. Изъ министерства летѣли телеграммы о принятіи мѣръ къ охранѣ спокойствія, и мѣры часто принимались, но распоряженіямъ, дѣлаемымъ въ этомъ смыслѣ, далеко не всѣ довѣряли. Случалось, что чины полиціи совершенно добросовѣстно полагали, что мѣры принимаются такъ, для вида, для приличія, но что имъ извѣстна настоящая цѣль правительства; они читали между строкъ и слушали, поверхъ губернаторскаго приказа, какой-то голосъ издалика, которому болѣе вѣрили. Словомъ, шла невѣроятная путаница, полная дезорганизация и полная деморализация власти.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ еще осенью 1905 года (и кажется, до вступленія въ должность октябрьскаго министерства) въ домѣ № 16 на Фонтанкѣ, заработалъ въ какой-то отдаленной комнатѣ департамента полиціи печатный станокъ, приобретенный на средства департамента, на казенныя суммы. Къ станку былъ приставленъ жандармскій офицеръ въ штатскомъ платьѣ Коммисаровъ, который съ нѣсколькими помощниками усердно готовилъ ранѣе упомянутыя воззванія. Тайна существованія этой подпольной типографіи была такъ хорошо соблюдена и дѣйствія ея организаторовъ были столь конспиративны, что не только въ министерствѣ, но и въ самомъ департаментѣ полиціи мало кто о ней зналъ. Между тѣмъ, работа общества, органомъ котораго служила типографія, очевидно, шла успѣшно, такъ какъ на вопросъ лица, случайно напавшаго на слѣдъ организации о ходѣ дѣла, Коммисаровъ отвѣчалъ: «Погромъ устроимъ какой угодно, угодно на 10 человѣкъ, а угодно на 10 тысячъ». Господа, эта фраза историческая (въ залѣ среди депутатовъ большое движеніе). Къ свѣдѣнію депутатовъ кіевлянъ добавлю, что въ Кіевѣ на 3 февраля былъ назначенъ погромъ на «10 тысячъ», но его удалось предотвратить (большое движеніе).

Предсѣдатель совѣта министровъ испыталъ, какъ говорятъ, сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда ему сообщены были рассказанные сейчасъ факты.

Онъ вызвалъ къ себѣ Коммисарова, который доложилъ ему о своихъ дѣйствіяхъ и своихъ полномочіяхъ, а черезъ нѣсколько часовъ въ департаментѣ не было болѣе ни станка, ни воззваній, ни оригинала—осталась пустая комната. И вотъ почему никто, въ томъ числѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не будетъ имѣть возможности удовлетворить законное желаніе Думы узнать имена тѣхъ лицъ, которыя объединили дѣйствія организациі, обезпечили ей безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ и даже дали возможность добиваться повышенія и наградъ для тѣхъ изъ нихъ, которые оказались наиболѣе дѣятельными. Примѣровъ такихъ награжденій я не могу привести на память такъ же, какъ и другихъ подробностей всего этого дѣла. Теперь мнѣ приходится говорить безъ справокъ и безъ подготовки, я многое невольно пропускаю, кромѣ того я утомилъ уже ваше вниманіе (многочисленные возгласы: „продолжайте“, „просимъ“). Пора перейти къ выводамъ изъ всего мною сказаннаго.

Первый выводъ заключается въ томъ, что объясненіе министра внутреннихъ дѣлъ не даетъ намъ серьезныхъ гарантій относительно прекращенія дѣятельности организациі, занимающихся подготовленіемъ массовыхъ избіеній и привлекающихъ къ участию въ этой дѣятельности правительственныхъ чиновниковъ. Да оно и понятно: главные организаторы и вдохновители находятся внѣ сферы воздѣйствія министерства, и для ихъ дѣла, собственно говоря, безразлично, будетъ ли министръ внутреннихъ дѣлъ, сохранять по отношенію къ нимъ благожелательный нейтралитетъ, или выступить съ заявленіемъ, осуждающимъ ихъ дѣйствія. Болѣе того, я утверждаю, что никакое министерство, даже взятое изъ состава Думы, не сможетъ водворить въ странѣ порядка, пока какіе-то неизвѣстные намъ люди, стоящіе въ сторонѣ, за недостигаемой оградой, будутъ грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма, изощряя свое политическое невѣжество

опытами надъ живыми организмами, заниматься какой-то политической вивисекціей (шумъ одобренія). Второй выводъ еще печальнѣе: онъ касается самой Государственной Думы.

Господа народные представители! Мы принесли сюда, со всѣхъ концовъ Россіи не только негодованіе и жалобы, но и горячую жажду дѣятельности, самоотверженія и истинный, чистый патріотизмъ. Здѣсь среди насъ много лицъ, живущихъ доходами съ имѣній, а слышали вы отъ нихъ хотя одно возраженіе, направленное противъ плана принудительнаго отчужденія земли въ интересахъ трудового земледѣльца? Насъ много здѣсь, принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, а много ли раздалось съ нашей стороны словъ противъ уничтоженія привилегій, противъ идеи гражданскаго равенства и противъ реформъ въ широкомъ, народномъ, демократическомъ духѣ? И не эта ли «революціонная» Дума съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣднихъ дней старается бережно поднять царскую корону, поставить ее выше политическихъ дразгъ, выше нашихъ ошибокъ и оберечь отъ отвѣтственности за эти ошибки? Казалось бы, какой еще нужно Думы въ то время, когда настала пора неотложныхъ и неизбѣжныхъ реформъ, какъ не такой, въ составѣ которой частные интересы и классовая борьба уступили торжеству единого народнаго и государственнаго блага (шумные продолжительные аплодисменты).

И все же мы чувствуемъ, что тѣ же темныя силы вооружаются противъ насъ, ограждаютъ отъ насъ верховную власть подрываютъ къ намъ ея довѣріе. Нашей работѣ не даютъ протекать въ томъ единеніи съ этой властью, которое по закону, утверждавшему нашъ новый строй, является необходимымъ условіемъ успѣха и залогомъ мирнаго развитія нашей государственной жизни. Здѣсь скрывается большая опасность, и она не исчезнетъ, пока на дѣла управленія и на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди, — *по воспитанію вахмистры и городовые, а по убѣжденіямъ — погромщики*“.

Первая часть рѣчи Урусова относится къ только-что передъ тѣмъ состоявшимся «объясненіямъ» Столыпина по погромному вопросу. Мы не приводимъ этого объясненія потому, что оно представляетъ собою типичнѣйшее «правительственное сообщеніе», со всей его ложью, пошлостью и глупостью. Столыпинъ говорилъ о погромахъ въ Царицынѣ, Вологдѣ и проч., и по его словамъ, конечно, всюду полиція вела себя образцово, а громилъ народъ, выведенный изъ терпѣнія наглостью «революціонеровъ». Читатель, конечно, не посѣтуетъ на насъ за то, что мы лишаемъ его сомнительнаго удовольствія читать Столыпинское вранье.

За то рѣчь Урусова произвела сенсацію и въ Россіи и за-границей, тѣмъ болѣе, что еще до произнесенія этой обвинительной рѣчи командированные въ Бѣлостокъ депутаты установили, что Бѣлостокскій погромъ былъ разыгранъ по нотамъ, и не знали только, гдѣ эти ноты писались. Послѣ 8-го іюня всѣ уже знали, что погромныя ноты писались въ Петербургѣ, и репримандъ получился для погромнаго правительства настолько непріятный и неожиданный, что оно спѣшно пріостановило почти совсѣмъ уже законченныя подготовленія къ погромамъ и погромчикамъ („хотите — на 10 человѣкъ, хотите — на 10,000“) въ десяткахъ русскихъ городовъ.

Наконецъ, 20-го іюня 1906 года бывшіе въ Бѣлостокѣ члены Государственной Думы представили свой докладъ о погромѣ, и этотъ докладъ является новымъ и никакими „правительственными сообщеніями“ неопровержимымъ обвинительнымъ актомъ противъ преступнаго, самозваннаго, лишеннаго довѣрія страны, русскаго „правительства“.

Вотъ этотъ историческій докладъ, дѣйствительно, а не фиктивно, имѣющій всѣ основанія называться *правительственнымъ сообщеніемъ*.

Докладъ парламентской комиссіи по изслѣдованію незаконномѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ о Бѣлостокскомъ погромѣ.

I.

Общія свѣдѣнія и начало погрома.

О предполагавшемся погромѣ въ Бѣлостокѣ ходили слухи еще за нѣсколько дней до перваго іюня. Предстоящій погромъ связывали съ смертью убитаго 28-го мая бѣлостокскаго полицеймейстера Деркачева. Убіиство послѣдняго чрезвычайно загадочно: Деркачевъ пользовался большимъ расположеніемъ со стороны евреевъ, его называли даже еврейскимъ полицеймейстеромъ, онъ былъ противникомъ всякихъ насилій и погромовъ. Такъ, 21-го мая генераль Богаевскій приказалъ Деркачеву отправиться на Суражскую улицу, гдѣ будто солдаты завели съ жителями драку; когда Деркачевъ появился туда, то очень быстро успокоилъ всѣхъ, при чемъ у него произошло довольно серьезное столкновеніе съ приставомъ Шереметевымъ, который представлялъ полную противоположность Деркачеву. Послѣдній не только просилъ самъ губернатора объ удаленіи Шереметева, но даже обращался за содѣйствіемъ къ уважаемымъ въ обществѣ лицамъ. Населеніе не любило Шереметева и относилось къ нему подозрительно. Предыдущія убійства чиновъ полиціи въ Бѣлостокѣ послужили ближайшими причинами раздраженія полиціи противъ еврейскаго населенія, которое они обвиняли въ убійствѣ. Независимо отъ этого организація «истинно-русскихъ людей» проповѣдывала, что евреи—враги русскаго государства, что все зло, вся смута и неурядицы исходятъ отъ евреевъ или обязаны ихъ агитаціи, поэтому борьба съ еврействомъ—это борьба съ крамолой, терзающей родину; побѣда надъ еврействомъ, побѣда надъ крамолой, а затѣмъ наступятъ миръ и спокойствіе. Эти взгляды находили

прежде всего откликъ въ полицейскихъ чинахъ, а потомъ въ темныхъ массахъ, которыми руководить полиція.

Незадолго до погрома образовалось два лагеря: въ одномъ полиція и примыкающая къ ней черная сотня, въ другомъ—еврейство и лица, принадлежащія къ свободному движенію. Послѣднія считаются общими врагами Россіи и существующаго строя и одинаково не пользовались расположеніемъ властей съ ея агентами. Существованіе Бунда и анархистской фракціи въ Бѣлостокѣ (Суражская ул. особенно нелюбима полиціей, куда она боялась показываться) не было тайной для полиціи, которая приписывала существованіе ихъ еврейству. Мирное существованіе такого положенія вещей не могло долго продолжаться; нужны были активныя дѣйствія. Далѣе, расположенныя въ Бѣлостокѣ войска тоже не были оставлены въ покоѣ. Черносотенная агитація обратила и на нихъ свое вниманіе. Среди солдатъ появились прокламаціи, въ которыхъ говорилось, чтобы убивали крамольниковъ, что Государственная Дума,—жидовская, что революціонеры идутъ противъ царя (образцы прокламацій прилагаются при этомъ).

Еще 30 мая въ одной изъ полковыхъ канцелярій приказано было фельдфебелямъ сообщить солдатамъ, что 1 іюня будутъ православная и католическая процессіи, что евреи бросятъ бомбу, и будетъ погромъ. Когда же наряжали отряды войска въ городъ, то солдаты-евреи не попали въ нихъ, а были оставлены въ лагеряхъ. Очень упорно утверждаютъ многія лица, что еще до погрома была выработана дислокація войскъ, а городъ былъ раздѣленъ на сѣверную и южную части, и назначены командующіе каждой части. Такимъ образомъ, все было приготовлено и предусмотрено.

Ясно отсюда, что возникновеніе погрома—не случайное дѣло, а организованное. Надо при этомъ замѣтить, что городъ Бѣлостокъ въ военномъ отношеніи подчиненъ варшавскому военному округу. Евреи и крамольники были синонимами и обобщены въ одномъ терминѣ—революціонеры. Съ революціонерами нужно было бороться, ихъ нужно было истребить. Для это-

го-то и приготавливался боевой материалъ въ лицѣ войскъ. Въмѣстѣ съ этимъ городовые распространили по городу свѣдѣнія о предстоящемъ погромѣ, объ этомъ говорила прислуга, объ этомъ знало бѣло-стокское населеніе. Нѣкоторые были настолько увѣрены, что выслали свои семьи изъ города.

Какъ полиція смотрѣла на евреевъ, можно видѣть изъ разговора пристава Шереметева съ представителями еврейскаго общества, ведшими съ ними переговоры по поводу возложенія вѣнка на гробъ Деркачева: «что, вѣнокъ отъ евреевъ? Никогда, мы — христіане, а не еврей-кровопійцы, вы кровь проливаете, а затѣмъ вѣнки возлагаете. Нѣтъ, этому не быть, я этого не допущу». Шереметевъ говорилъ о протестѣ полиціи, когда же представители добивались, въ чемъ выразился протестъ, то онъ сказалъ, что «если вы все-таки возложите вѣнокъ на гробъ, то будете черезъ два дня жалѣть объ этомъ, все еврейское населеніе будетъ жалѣть объ этомъ». Не лучше говорилъ представителямъ еврейскаго общества и губернаторъ Кистеръ, къ которому встревоженное еврейское общество послало особую депутацію. Онъ указывалъ на ненависть полиціи къ евреямъ, которые стрѣляютъ въ полицію, что убійцы, несомнѣнно, евреи, и они, какъ евреи г. Бѣлостока, члены еврейскаго общества. «Мнѣ ежедневно, продолжалъ губернаторъ, приходится разсматривать политическія дѣла, и все это дѣла евреевъ; что евреи и въ солдатъ стрѣляютъ и злоба въ войскахъ растетъ, и можетъ наступить моментъ, когда съ разросшейся въ войскѣ злобой нельзя будетъ справиться»; что если бы онъ самъ былъ на похоронахъ Деркачева, и раздался бы выстрѣлъ, то онъ отдалъ бы приказъ стрѣлять по городу; что за четвергъ, 1-го іюня, онъ ручается, но за будущее — нѣтъ, что при военномъ положеніи должны дѣйствовать военные суды. Мѣстный генералъ фонъ-Бадеръ также былъ убѣжденъ, что еврейское общество повинно въ метаніи бомбъ. Такимъ образомъ, и губернаторъ зналъ о готовящемся погромѣ, и зналъ не отъ зависимыхъ отъ него мѣстныхъ властей, а отъ

представителей общества, которые не скрывали отъ него истиннаго положенія вещей. Но арміи были готовы, нуженъ сигналъ къ нападенію.

Наступилъ четвергъ, 1-ое іюня. Въ городъ пришли православныя церковныя процессіи изъ окрестныхъ селъ и образовали одну огромную процессію, которая предприняла шествіе отъ собора по Николаевской и Александровской улицамъ. Въ этотъ же день назначена была католическая процессія отъ костела до кладбища Св. Роха. Стеченіе народа было большое. Когда православная процессія съ Александровской улицы начала поворачивать на Институтскую, то изъ уголовного дома Рахитеса или сосѣднихъ домовъ Фальмана и Маковского раздались выстрѣлы, а затѣмъ нѣкоторые видѣли, что было что-то брошено, которое шипѣло. Произошла паника, многіе побросали на землю иконы, хоругви. Оказалось, что здѣсь были ранены: Миньковская и Демидюкъ. Немедленно здѣсь появились войска, которыя, повидимому, находились по сосѣдству, въ отдѣленіи государственнаго банка, и начали обстрѣливать означенные дома и даже находящееся по сосѣдству казначейство. Войска появились настолько быстро и открыли пальбу, что толпа еще не успѣла разбѣжаться отъ смятенія. Относительно Миньковской всѣ врачи удостовѣрили, что она ранена бомбой. Когда православная процессія была на Базарной площади, то была еще брошена бомба на Суражской улицѣ, недалеко отъ православной процессіи. Она была брошена, вѣроятно, потому, чтобы удержать направившихся туда хулигановъ, которые, дѣйствительно, отъ взрыва разбѣжались, не пошли на эту улицу городовые и солдаты, а лишь послѣдніе обстрѣливали ее съ Базарной площади. Тотчасъ же послѣ выстрѣловъ толпа хулигановъ напала на аптеку въ домѣ Рахитеса и разгромила ее. Какъ отъ электрической кнопки быстро возникъ погромъ во многихъ мѣстахъ. Наблюдались, какъ обычное, такія явленія: хулиганы вмѣстѣ съ городовыми громили лавки и расхищали товаръ, а солдаты шли позади и обстрѣливали улицы, дабы на нихъ не по-

явился какой-либо еврей, хулиганы же оставались не-
вредимыми и продолжали свое дѣло. Грабили не
только хулиганы и городовые, но нерѣдко и солдаты.
Напримѣръ, былъ такой случай, когда одинъ солдатъ
набралъ столько различныхъ вещей, что просилъ дру-
гого солдата подпоясать его шинель, чтобы не вы-
пали вещи, что тотъ охотно и исполнилъ. Начиная
съ четверга и до субботы по улицамъ шла положи-
тельно канонада по невидимому непріятелю. Въ этой
стрѣльбѣ мишенью служили исключительно евреи;
если проходилъ христіанинъ по улицѣ, по немъ не
стрѣляли, но лишь только показывался еврей, какъ
въ него летѣли пули. Въ городѣ масса разстрѣлян-
ныхъ домовъ. Стрѣльба шла безпорядочно и куда
попало. Это не были двѣ воюющія стороны, это бы-
ла охота вооруженныхъ людей за безоружными.
Стоило кому-нибудь выстрѣлить, какъ на выстрѣлъ
прибѣгали солдаты и принимались стрѣлять по улицѣ
и въ дома. Въ пятницу уже активнымъ дѣятелемъ по
истребленію революціонеровъ выступаетъ полиція.
Она начинаетъ разыскивать тѣ дома, гдѣ собра-
лись евреи. Эти дома по указанію городского или
околоточнаго сначала обстрѣливались, а потомъ
солдаты проникали въ домъ, выгоняли оттуда насе-
леніе и разстрѣливали мужчинъ. Всякій молодой че-
ловѣкъ былъ по преимуществу революціонеръ. Воен-
ные патрули ходили по улицамъ подъ командой го-
родовыхъ, послѣдніе и распоряжались стрѣльбою. Ча-
сто и солдаты были инициаторами разстрѣловъ. Кличка
«революціонеръ» была совершенно достаточна для по-
становленія смертнаго приговора, совершенно безраз-
лично, кто произносилъ эту кличку—городовой, сол-
датъ или хулиганъ. Въ этотъ день провокаторскіе
выстрѣлы служили предлогомъ обстрѣла дома и раз-
стрѣла людей. Были случаи, что такіе выстрѣлы про-
изводили городовые, а потомъ призывали солдатъ.
Затѣмъ кличка «революціонеръ» была оставлена и ее
замѣнила—«жидъ». Стоитъ хулигану закричать: «жидъ!
жидъ!» и показать солдатамъ бѣгущаго спастись или
спрятавшагося еврея, какъ солдатъ немедленно же

стрѣлялъ. Въ эти дни погромъ и разграбленіе имуще-
ства отошли на второй планъ, дѣятельность направ-
лена была на людей, которыхъ старались возможно
больше истребить. Нижеописанные случаи послужатъ
иллюстраціей сказанному. Убивали солдаты, хулиганы
и городовые, т. е. именно та армія, которая подгото-
влена была, на которую оказано было воздѣйствіе, къ
которой обращалась человѣконенавистническая агита-
ція. Арміи нужно создать было поводъ, основаніе, и
это было сдѣлано. Съ необыкновенной быстротой рас-
пространились сказанія о томъ, что убиты православ-
ный священникъ и католическій ксендзъ, что евреи
стрѣляли въ иконы, что убита была ими женщина и
тому подобные ужасы. Нашелся къ услугамъ и лите-
раторъ, гродненскій чиновникъ Стукаличъ, который
официально телеграфировалъ всему міру о творимыхъ
евреями злодѣяніяхъ. Но Стукаличъ нуженъ, какъ и
Пышкины, безъ нихъ обойтись нельзя. Нелѣпымъ свѣ-
дѣніямъ повѣрили и многіе офицеры, которые грозили
потрепать евреевъ. Между офицерами и хулиганами
въ эти дни не было той пропасти, которая должна
была ихъ отдѣлять. Такъ, когда толпа хулигановъ
шла по Базарной улицѣ, два офицера подозвали ее
къ себѣ и о чемъ то добродушно бесѣдовали съ ней;
затѣмъ толпа направилась было на Липовую улицу,
но одинъ изъ офицеровъ махнулъ рукою на Нико-
лаевскую улицу, куда толпа и двинулась. Понимавшій
по движенію руки городской, отставшій отъ ушедшей
толпы, уже самъ направлялся на Николаевскую улицу,
а спустя немного времени выведена была рота, кото-
рая начала обстрѣливать Николаевскую улицу, гдѣ ра-
ботали хулиганы, вполне увѣренные, что выстрѣлы
предназначены не для нихъ.

II.

Событія на вокзалѣ.

Лишь только начался погромъ, 1-го іюня въ го-
родѣ Бѣлостокѣ, какъ часть хулигановъ сосредото-
чилась на вокзалѣ въ ожиданіи появленія здѣсь

евреевъ, бѣгущихъ изъ города или прибывающихъ съ поѣздами въ городъ. Съ первыхъ же моментовъ погрома въ городѣ и на вокзалѣ появились войска — пѣхота и драгуны; на вокзалѣ находился комендантъ, нѣсколько жандармскихъ офицеровъ; въ буфетѣ были офицеры сосредоточенныхъ въ городѣ полковъ: Углицкаго, Казанскаго и Владимірскаго. 1-го іюня въ Бѣлостокъ прибылъ гродненскій губернаторъ, довольно долго оставался на вокзалѣ, на короткое время ѣздилъ въ городъ и уѣхалъ обратно съ экстреннымъ поѣздомъ въ Гродну. Не смотря на пребываніе на вокзалѣ губернатора, войскъ, жандармовъ — хулиганы свободно себя чувствовали и не были никѣмъ стѣсняемы въ своей «работѣ», а напротивъ, встрѣчали сочувствіе. Лишь только прибылъ поѣздъ и евреи показывались на платформѣ, какъ хулиганы съ крикомъ «жиды! бей жидовъ!» набрасывались на нихъ и избивали ихъ палками. Тѣ изъ евреевъ, которымъ удавалось проскочить чрезъ толпу хулигановъ и добѣжать до мостика, ведущаго черезъ рельсы въ городъ, должны были возвращаться на платформу, такъ какъ стоявшіе на мостикѣ солдаты почему-то не пускали ихъ. Кто изъ евреевъ успѣвалъ выбѣжать на поѣздъ, тотъ попадалъ опять же въ руки хулигановъ, которые стояли у подѣзда и ожидали. Хулиганы не ограничивались этимъ, они врывались въ залъ 1-го класса и или избивали тамъ же скрывшихся туда евреевъ или вытаскивали ихъ на подѣздъ и тамъ ихъ добивали. Все это происходило на глазахъ массы солдатъ, жандармовъ, коменданта, офицеровъ. Весь этотъ ужасъ, котораго они были свидѣтелями, не вызвалъ у нихъ чувства сожалѣнія, наоборотъ, они «посмѣивались» и «одобряли» хулигановъ. Были случаи, когда хулиганы не обращали вниманія на проѣзжавшихъ офицеровъ и несмотря на заступничество ихъ, все же избивали евреевъ. Это была какая-то дикая оргія, охота людей на людей. Одинъ еврей, вырвавшись отъ хулигановъ на платформѣ, попалъ на поѣздъ; лицо его было окровавлено, глазъ разбитъ, хулиганы встрѣтили его здѣсь и снова принялись бить палками;

молодого еврея хулиганы схватили за ноги и били о камни, о дальнѣйшей судьбѣ его рассказчикъ Ц. не знаетъ, такъ какъ самъ долженъ былъ скрываться. На глазахъ этого свидѣтеля жестоко было избито до 8 евреевъ. Избитый хулиганами еврей Моловита рассказываетъ, что на евреевъ напали хулиганы въ залѣ 1-го класса; ему удалось скрыться въ поварскую въ верхнемъ этажѣ; однако, хулиганы и туда добрались и били Моловита палками, пока онъ сбѣгалъ по лѣстницѣ, при чемъ нанесли ему 5 ранъ на головѣ (Моловита показывалъ свои раны). Бывшій съ нимъ Абрамскій, не будучи въ состояніи сбѣжать по лѣстницѣ, бросился изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Моловита добѣжалъ до подѣзда, но тамъ его встрѣтили хулиганы и снова били палками и камнями. Это побоище происходило тогда, когда губернаторъ былъ на вокзалѣ. Избіенію евреевъ на вокзалѣ покровительствовала власть, что можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ четвергъ на платформѣ жандармскій офицеръ Грибоѣдовъ, собравъ вокругъ себя хулигановъ, сказалъ имъ, что на вокзалѣ приходится бить бѣдноту, а нужно итти въ городъ и тамъ разбивать магазины и избивать жидовъ; стоящій здѣсь ротмистръ пограничной стражи Жеромскій добавилъ, что носящихъ черныя рубахи нужно убивать на смерть. Послѣ этого благословенія часть хулигановъ ушла въ городъ, часть же осталась здѣсь. Въ пятницу, 2-го іюня, избіеніе евреевъ на вокзалѣ приняло болѣе интенсивный характеръ. По словамъ заслуженнаго георгіевскаго кавалера (2 креста Георгія) Куректа, съ нимъ вмѣстѣ пріѣхало нѣсколько евреевъ. Когда они взошли на платформу, то на нихъ напали хулиганы и принялись бить палками. Куректа кто-то изъ военныхъ укрылъ, и ему удалось пробраться на крышу вокзала, остальныхъ евреевъ били на платформѣ, въ залѣ 3-го класса и избитыхъ выбрасывали изъ вокзала на мостовую, тамъ ихъ добивали.

Въ этотъ разъ были убиты: Гебель, Ишмонъ, фамилію не знаетъ, Залманъ изъ м. Тростьянцы, Мордко Левъ и Брянскій; уже убитыхъ хулиганы въ присут

ствіи жандармовъ избивали камнями. Съ поѣздовъ изъ м. Гоніондза прибыло 7 евреевъ каменщиковъ, которые, узнавъ о погромѣ, явились спасать свои семьи. Хулиганы схватили ихъ на платформѣ, вытащили на подѣздъ и тамъ начали бить; убито было 5 человекъ, а двоихъ, Перельштейна и Ватника, спасъ какой-то военный, и они успѣли уѣхать въ Гродно, гдѣ и были допрошены. Рассказывавшаго объ этомъ свидѣтеля Гурвича спасъ подпоручикъ Осовецкой крѣпости, артиллеристъ, Сергѣй Михайловичъ Ластовченко. Свидѣтель очевидецъ Аркинъ показалъ, что съ поѣздомъ, на которомъ онъ пріѣхалъ 2 іюня въ Бѣлостокъ, было много евреевъ, изъ нихъ онъ зналъ лишь М. И. Гурвича изъ м. Тростяницы. Когда поѣздъ остановился у платформы, хулиганы окружили его и принялись избивать евреевъ. Гурвичъ укрывался за спину коменданта гор. Бѣлостока, умоляя о спасеніи, но онъ оттолкнулъ его отъ себя и Гурвичъ былъ убитъ палками на платформѣ, а трупъ его былъ отнесенъ въ залу 3-го класса; другого убили также на платформѣ; 5—6 евреевъ успѣли добѣжать до подѣзда вокзала, гдѣ и были убиты хулиганами. Когда одна женщина зарыдала отъ видѣнныхъ ужасовъ, то прогуливавшійся въ вокзалѣ по залу 1-го класса офицеръ въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ успокоивалъ ее тѣмъ, что не слѣдуетъ огорчаться, а мы должны быть довольны такимъ зрѣлищемъ, ибо они еще больше заслужили; разъ евреи осмѣлились бросать бомбы въ крестный ходъ и убивать нашихъ священниковъ, то слѣдуетъ ихъ стереть съ лица земли. Когда подошелъ поѣздъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, изъ вагона вышли около 10 евреевъ, и 8 изъ нихъ были убиты хулиганами на подѣздѣ вокзала. Спасшійся отъ погрома Кроненбергъ также былъ свидѣтелемъ, какъ хулиганы убили, истязуя 5—6 евреевъ. Это происходило на глазахъ массы солдатъ, нѣсколькихъ офицеровъ, жандармовъ; въ буфетѣ находились фабричный инспекторъ Рудковский и товарищъ прокурора г. Бѣлостока, они подходили къ тѣмъ окнамъ, передъ которыми производи-

лось избіеніе. Когда же часовъ въ 6 вечера Кроненбергъ явился въ Гродну къ губернатору, гдѣ встрѣтилъ и бѣлостокскаго товарища прокурора и рассказалъ ему объ избіеніи, то губернаторъ ничего другого не могъ ему сказать, какъ «евреи сами вызвали погромъ своей стрѣльбою и бомбами». По словамъ Бибило съ поѣздомъ пріѣхало 9 евреевъ и 1 еврейка; въ вагонахъ они находились подъ охраною жандармовъ и солдатъ, которые и ввели ихъ въ вокзалъ; когда же евреи вышли на подѣздъ, то хулиганы заперли дверь вокзала, дабы они не могли туда скрыться, и принялись избивать; здѣсь было убито 6 евреевъ. Никто изъ властей не оказалъ помощи убиваемымъ и избиваемымъ и не разогналъ убійцъ. Лишь одинъ пассажиръ невооруженный и не въ мундирѣ заступился за несчастныхъ, но и онъ былъ убитъ хулиганами (по словамъ инженера Ефимова, нач. уч., живущаго въ Старосельцахъ, убитъ какой-то студентъ). Когда умирающему оставалось сдѣлать послѣдній вздохъ, то и тутъ хулиганы не оставляли въ покоѣ, а добивали камнями. Били кулаками, желѣзными и деревянными палками, камнями, били о мостовую, били всѣмъ, что только попадалось подъ руку и били съ необыкновенной жестокостью и звѣрствомъ.

Отдѣльные случаи убійствъ.

1. Въ пятницу Лейба Гинзбургъ находился въ своей квартирѣ, въ домѣ Бронекера, на Загородной улицѣ, боясь выходить; къ нему въ квартиру кто-то постучалъ, онъ двери не открылъ, тогда она была сломана; въ квартиру ворвался околоточный 4 участка Байбакъ съ солдатами и приказалъ солдатамъ стрѣлять въ находившихся тамъ евреевъ. Солдатъ выстрѣлилъ и убилъ жену Гинзбурга Хану Бинему, тѣмъ же выстрѣломъ ранена была сестра Ханы Рохля Анна Луи. Послѣдняя была при допросѣ съ прострѣленной рукой. Этого мало. Байбакъ вывелъ изъ квартиры Гинзбурга

еврейку Кустину Инду Лею, у которой на рукахъ былъ 3-лѣтній ребенокъ и приказалъ солдату стрѣлять; тотъ выстрѣлилъ, но не попалъ въ Кустину, а убилъ ребенка. Въ домѣ тотъ же Байбакъ произвелъ обыскъ, но ничего не нашелъ, тѣмъ не менѣе онъ повелъ съ собою брата Вота, Юсея Вота, и еще молодого человека Нахима (онъ въ больницѣ). Приведя этихъ лицъ къ строящемуся дому, Байбакъ сказалъ солдатамъ, что это революціонеры, и ихъ нужно застрѣлить. Воту прострѣлена была шея, а Нахимъ упалъ на колѣни и умолялъ о пощадѣ, но солдатъ прокололъ его штыкомъ.

2. При обстрѣливаниі 1 іюня дома Торнацкаго раненъ былъ въ своей квартирѣ Брянскій; за нимъ ухаживалъ Вейнцитеръ. Послѣдній нанялъ городского № 162 Марковского принести льда. Марковский вмѣсто льда принесъ награбленныя вещи; при вторичной просьбѣ Марковский снова пошелъ за льдомъ съ корзиной, но возвратился также съ награбленными вещами. Тогда Вайнцитеръ самъ пошелъ добыть ледъ, но лишь только онъ вышелъ за калитку, какъ съ угла Липовой улицы и Липоваго переулка раздались выстрѣлы и Вайнцитеръ былъ убитъ.

3. Послѣ сдѣланныхъ въ православную процессію выстрѣловъ, войска начали обстрѣливать на Александровской улицѣ домъ Рахитеса; прибывшій сюда полковой командиръ Казанскаго полка, узнавъ, что будто брошена бомба, приказалъ солдатамъ войти въ домъ и вытащить оттуда евреевъ (20). Солдаты ворвались въ квартиру Лапидуса и начали выгонять оттуда семью его. Въ квартиру явились и хулиганы. На лѣвой сторонѣ дома стояли хулиганы, на нихъ-то и направились евреи. Здѣсь убиты были сыновья Лапидуса: Морпусъ и Аронъ, дочь Блюма; ранены: Хона, Зина Хансира Лапидусъ и Фрейде Леде. Домъ Лапидуса былъ разграбленъ. Одинъ пожилой уже старикъ побѣжалъ вмѣстѣ съ женщиной, чтобы гдѣ-нибудь скрыться, но былъ пойманъ хулиганами и убитъ (Фрейткинъ). Ученикъ реального училища, христіанинъ Дикій хотѣлъ

было защитить Лапидусовъ, но самъ былъ тамъ же убитъ.

4. Въ субботу, 3 іюня, пекаръ Тершель и портной Маркель разносили хлѣбъ евреямъ, которые скрывались по погребамъ и голодали. Когда они появились на Песочной улицѣ, то встрѣтили тамъ нѣсколькихъ городскихъ; старшій городской Рамонтовичъ началъ стрѣлять въ нихъ, при чемъ Гершель раненъ, а Маркель убитъ наповаль. Еврей Ницбергъ высунулъ было голову; Рамонтовичъ въ него выстрѣлилъ два раза, но промахнулся.

5. Въ пятницу 2-го іюня на Кузнечной улицѣ въ квартиру Юделя Тайцмана хулиганы начали бросать въ окна камни. Желая спастись, вся семья отправилась къ родственнику Гиндлеру, уговорившись предварительно съ городovýmъ № 40, что послѣдній ихъ «проводить». Когда Тайцманы подошли къ Почтовой улицѣ, навстрѣчу имъ появилась толпа хулигановъ, которая и набросилась на нихъ. Убѣгая отъ хулигановъ, Юдель Тайцманъ упалъ и былъ убитъ хулиганами, а городской № 40 стоялъ и смотрѣлъ на все это.

6. Когда въ четвергъ, 1-го іюня, солдаты обстрѣливали улицы, то на тротуарѣ остановился ученикъ коммерческаго училища Гильдбергъ; офицеръ крикнулъ ему, чтобы онъ уходилъ. Но лишь только онъ тронулся, офицеръ приказалъ солдату «покончить» съ нимъ; тотъ ударилъ мальчика прикладомъ и уже лежакаго «прикончилъ» штыкомъ.

7. Въ субботу, 3-го, спасаясь съ родными отъ погрома, Либа Шляхтеръ помѣстился на чердакѣ дома Рама, съ ними были еще постороннія лица. Рано утромъ къ нимъ пробирались солдаты подъ командой городского и убили Хаима Шляхтера, дѣвочку малолѣтнюю, ранили Берка Шляхтера-отца и мальчика, остальныхъ выгнали на улицу.

8. Въ четвергъ, вскорѣ послѣ начала погрома, Земель Цукерманъ работалъ гармоніи въ домѣ сестры своей Ривки Боруховичъ. Въ передней части дома помещалась мелочная лавка Боруховичъ. Громилы напа-

ли на лавку и начали громить ее. Цукерманъ и Боруховичъ успѣли черезъ окно выскочить на дворъ и побѣжали въ квартиру жившаго въ томъ дворѣ дворника Карпова, но дверь оказалась запертой. Во дворѣ явился какой-то городской съ солдатами и указалъ на нихъ, солдаты выстрѣлили въ нихъ, при чемъ Цукерманъ былъ убитъ, а Боруховичъ тяжело ранена.

Событія на Боярахъ.

Боярами называется часть г. Бѣлостока. На Суворовской улицѣ находится кожевенный заводъ Полѣщука. По словамъ очевидцевъ, въ пятницу, 2-го іюня, въ 6—7 часовъ дня рабочій Вербицкій привелъ къ заводу солдатъ и сказалъ имъ, что тамъ находятся евреи. Солдаты пытались войти въ заводъ съ параднаго хода, но не удалось. Тутъ же собрались и хулиганы. 3 солдата и хулиганы ворвались въ заводъ съ чернаго хода, а на улицѣ расположились остальные солдаты и за ними три жандарма, фамилія одного изъ нихъ Шульцъ. Бывшіе на заводѣ евреи выбѣжали на балконъ и начали звать на помощь, тогда стоявшіе на улицѣ солдаты и жандармы начали въ нихъ стрѣлять и убили Гвирцмана. Въ самомъ зданіи были убиты: Пюнхусъ Аша, Шлема Фурманъ, и Лейба Мозура. Сына Полѣщука солдаты арестовали и когда вели его, хулиганы наносили ему побои. На другой день, часовъ въ 9 утра, на заводъ пришелъ рабочій Михалка и, увидавъ, что на чердакѣ спрятались Айзикъ Бохрохъ, Ицко Цемникъ и Зорохъ Рѣзникъ, привелъ солдатъ, которые застрѣлили Бохроха и Цемника. Рѣзникъ побѣжалъ, но былъ пойманъ и арестованъ по обвиненію въ убійствѣ ребенка.

Въ пятницу же многіе евреи изъ прилегающихъ къ лѣсопильному заводу Заблудовскаго домовъ по Николаевской улицѣ собрались на заводъ и скрылись часть въ котельномъ помѣщеніи, а часть въ помѣщеніи христіанина сторожа Казимира Петкевича и мастера

христіанина Оомы Немиро. Но такъ какъ и сторожъ и мастеръ заявили скрывавшимся, что полиція строго на строго приказываетъ не давать убѣжища евреямъ, то евреи вынуждены были всѣ прятаться въ котельномъ помѣщеніи. Жара была ужасная и дѣти начали задыхаться. Когда на Николаевской улицѣ погромъ, казалось, кончился, то скрывшіеся евреи рѣшили разойтись. Часть ихъ перешла въ деревянный флигель Абрама Каза, часть осталась въ лѣсопильномъ заводѣ, а остальные скрылись въ конторѣ завода. Деревянный флигель Абрама Каза прилегаетъ къ огороду, выходящему на Бояры. Когда солдаты, обстрѣливавшіе домъ Полѣщука, окончили свою работу, то они, сломавши заборъ, зашли во дворъ Заблудовскаго и стали обстрѣливать домъ Абрама Каза. Эту стрѣльбу слышали солдаты, находившіеся въ сосѣднемъ съ домомъ Заблудовскаго каменномъ двухэтажномъ домѣ, прибѣжали туда и съ двухъ сторонъ начали обстрѣливаніе этого дома, пока онъ не загорѣлся. Городовой съ 2 солдатами подошелъ къ дому и предложилъ женщинамъ и дѣтямъ выйти изъ него. Часть начала выходить сейчасъ же, а часть продолжала прятаться, но скоро вынуждены были и они выходить. Первымъ выбѣжалъ Абрамъ Казъ, но онъ тутъ же былъ пристрѣленъ солдатами, выстроившимися вокругъ горѣвшаго зданія. Слѣдующимъ былъ убитъ Нахимъ Грабовскій. Онъ имѣлъ на рукахъ маленькаго ребенка 2 лѣтъ; пуля пробила руку ребенка. Затѣмъ выбѣжалъ Шоломъ Новикъ съ ребенкомъ на рукахъ въ сопровожденіи жены своей Тайбы Новикъ. Офицеръ приказалъ ему отдать женѣ своего ребенка. Когда онъ этого не исполнилъ, то былъ звѣрски заколотъ штыками. Такимъ образомъ, были застрѣлены: Симха Вайнштейнъ, Гиршъ Гепнеръ, Зорахъ Пандэ и Мордухъ Шмукляръ. Старуха Таубе, Казъ и еще два неизвѣстныхъ человека, не успѣвшихъ выскочить изъ горѣвшаго дома, сгорѣли живьемъ. Два еврея спрятались въ погребѣ, наполненномъ водою.

Всю ночь съ 2 на 3 іюня они простояли въ водѣ. Утромъ ихъ накрыли солдаты. Одному удалось отку-

питься (за 50 к.) другой же, Евель Творковский, не имѣвший денегъ, былъ убитъ солдатами. Прибывшіе пожарные не были допущены къ тушенію пожара. Никакихъ революціонеровъ въ этомъ домѣ не было и никакой стрѣльбы отсюда не производилось. О стрѣльбѣ изъ этого дома по полицейскому участку не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ сожженный солдатами домъ отстоятъ отъ полицейскаго участка шаговъ на 300—400 и отдѣленъ отъ него двухэтажнымъ каменнымъ флигелемъ. Солдатами, стрѣлявшими въ евреевъ, распоряжался поручикъ Бакѣвъ. При этомъ былъ и приставъ 2 участка.

Въ ту же пятницу, днемъ, евреи Мойша и Берко Невязкіе проходили по Слонимскому переулку; навстрѣчу имъ появилась толпа хулигановъ съ городовыми; тамъ же былъ и приставъ 2 участка г. Бѣлостока. Невязкіе, предвидя опасность, обратились къ приставу и умоляли его пропустить ихъ и не убивать. Приставъ отвернулся отъ нихъ, тогда хулиганы набросились на нихъ и начали избивать ихъ палками. Берко былъ убитъ на мѣстѣ, а Мойша тяжело раненъ. Оба они ограблены хулиганами. Если кто-либо пытался защитить избиваемыхъ, солдаты грозили застрѣлить. Въ субботу утромъ, часовъ въ 6, по Слонимской улицѣ проходилъ военный патруль подъ командой городского. Какой-то хулиганъ сказалъ имъ, что на кафельномъ заводѣ Миньковского скрывается еврей Янкель Суровичъ. Солдаты побѣжали туда, отыскивали въ погребѣ Янкеля Суровича и требовали, чтобы онъ вышелъ, но тотъ продолжалъ тамъ оставаться, тогда солдатъ вытащилъ его за волосы и приказалъ идти, а другой солдатъ взялъ ружье на прицѣлъ, Суровичъ понялъ что если онъ отойдетъ, то будетъ застрѣленъ; поэтому онъ схватился за солдата и умолялъ о пощадѣ, но солдатъ оттолкнулъ его прикладомъ и прикончилъ штыкомъ. Солдаты были Казанскаго полка.

Шествіе хулигановъ на Боярахъ, самой спокойной части города, сопровождалось вторженіемъ въ квартиры евреевъ, разгромомъ, убійствами и грабежами. Въ

одной изъ квартиръ хулиганы разгромили все, а потомъ отыскивали спрятавшагося еврея и хотѣли убить его, но онъ откупился 200 р.; этимъ хулиганы остались настолько довольны, что поставили даже стражу надъ этимъ евреемъ, дабы никто его не трогалъ. Во дворѣ этого еврея хулиганъ замѣтилъ какого-то еврея, немедленно же тотъ былъ избитъ и ограбленъ; тутъ же попался имъ на глаза 70-лѣтній старикъ еврей, когору они лопатой снесли кожу съ большой части головы. Вскорѣ появилась подвода пожарной команды и забрала израненныхъ и убитыхъ евреевъ. Затѣмъ солдаты и хулиганы раздѣляются на двѣ части, одна отправляется въ поле, а другая въ сады разыскивать евреевъ. Надо сказать, что евреи, опасаясь оставаться въ квартирахъ, скрывались въ садахъ христіанъ, съ согласія этихъ послѣднихъ. Въ одномъ изъ садовъ хулиганы увидѣли еврея и съ крикомъ «жидъ, жидъ» погнались за нимъ; одинъ изъ хулигановъ схватилъ его, но еврей, оказавшійся Левинымъ, вступилъ съ нимъ въ борьбу, тогда на помощь подбѣжалъ городской и 5 выстрѣлами ранилъ его; раненый все еще продолжалъ держать за ногу хулигана, тогда послѣдній ударилъ его камнемъ въ голову. Здѣсь же солдатъ, замѣтивъ спрятавшагося въ кустахъ еврея, застрѣлилъ его. Подъ предводительствомъ городскихъ толпа продолжаетъ розыски; находятъ молодого еврея, лѣтъ 19; раздаются крики: „анархистъ, убить его“. Мольбы напрасны; тогда онъ указываетъ другого, скрывшагося на чердакѣ въ селомѣ, откуда вытаскиваютъ Шлема Пружанскаго. Рѣшнѣе—убить ихъ; но одинъ изъ солдатъ протестуетъ и уходитъ жаловаться по начальству. Другіе солдаты требуютъ, чтобы задержанные отошли въ сторону; тѣ, зная, зачѣмъ это предлагается, сопротивляются, хулиганы избиваютъ ихъ кольями; но жертвы еще живы; хулиганы просятъ солдатъ прикончить ихъ, и тѣ выстрѣлами въ голову доканчиваютъ начатое хулиганами. Далѣе, хулиганы врываются съ солдатами въ квартиру еврея Айнштейна, громятъ ее, убиваютъ отца, сыновей—Шмуеля и Рахмеля 19 и

28 л., а мать Шейну и дочь Соню 18 л. выводятъ оттуда. Дочь пытается спастись бѣгствомъ, но, раненая выстрѣломъ солдата въ ногу, она падаетъ; городской, видя, что она только ранена, убиваетъ ее выстрѣломъ изъ револьвера. Матери солдаты приказываютъ отойти въ сторону, но лишь только она это сдѣлала, какъ была убита солдатскимъ выстрѣломъ. Итакъ, вся семья погибла. Нѣкоторое смущеніе въ среду хулигановъ внесла смерть христіанина Ходакевича. Надо сказать, что въ саду Ходакевича, какъ и его сосѣдей, скрывались спасавшіеся евреи. Ходакевичъ, по словамъ его дочери, взялъ топоръ, пошелъ задѣлать въ заборѣ сада отверстіе. Въ это время военные патрули съ двухъ сторонъ производили обстрѣлы, одинъ со стороны улицы, а другой въ садахъ, такъ что оказалось, что патрули стрѣляли другъ въ друга, и, какъ говорили нѣкоторые, въ этой перестрѣлкѣ раненъ былъ одинъ солдатъ. Подъ этотъ-то перекрестный огонь, повидимому, и попалъ Ходакевичъ. Между тѣмъ, при осмотрѣ трупа Ходакевича обнаружено было, что у него разрублена была рука. Этимъ воспользовались хулиганы и начали кричать: «это евреи убили хозяина сада». Невозможно допустить, чтобы евреи посягнули на жизнь Ходакевича, который предоставилъ имъ свой садъ для спасенія. Порубъ руки можно объяснить только провокаціонной цѣлью. Насколько удалось собрать свѣдѣнія, Ходакевичъ былъ погребенъ безъ судебного-медицинскаго вскрытія, лишь послѣ осмотра; поэтому и не опредѣлено, разрублена рука при жизни его или послѣ смерти. Огорченная смертью отца дочь Ходакевича обратилась къ и. д. полицеймейстера Мацевичу съ просьбой разслѣдовать дѣло. Между прочимъ, онъ, окруженный хулиганами, обратилъ вниманіе на трупы, хулиганы сказали ему, что таковые лежатъ и въ саду, и въ домѣ. На это Мацевичъ отвѣтилъ довольно благосклонно: «это вернулось на нашихъ».

Въ субботу утромъ снова появился военный патруль подъ командой городского и снова производились обыски домовъ. Удалось найти сидѣвшаго еще съ четвер-

га рабочаго еврея въ изразцовой печи; на вопросы «что ты тутъ дѣлаешь?», рабочій молчалъ; тогда городской закричалъ солдату: «бей его ружьемъ»; солдатъ ударилъ его прикладомъ и разбилъ голову, по распоряженію городского, сжалившись надъ еще не умирающимъ рабочимъ, солдатъ тремя выстрѣлами прикончилъ его.

III.

Заключение.

Необходимо остановиться на выводахъ, которые можно извлечь изъ предыдущаго изложенія обстоятельствъ дѣла. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе планомѣрность произведеннаго погрома и примѣненіе началъ карательной экспедиціи подобно Прибалтійской и Сибирской. О погромѣ знали, къ погрому готовились, погромомъ грозили и даже указывали день его, слѣдовательно, онъ былъ не случайнымъ явленіемъ, не вспышкой населенія на національной или религіозной почвѣ. Если принять во вниманіе, что низшіе органы полицейской власти распространяли выдумки о злодѣйствахъ евреевъ, то приходится признать, что эти выдумки входили въ планъ. Наконецъ, приурочиваніе погрома ко дню христіанскихъ религіозныхъ процессій, когда фанатичная толпа особенно бываетъ чутка и религіозно настроена, является наилучшимъ выборомъ момента. Можно понять, если бы толпа, оскорбленная выстрѣлами евреевъ, произвела погромъ, насилие на томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло это оскорбленіе, но невозможно допустить, чтобы безъ предварительной подготовки погромъ такъ быстро и въ столькихъ пунктахъ возникъ точно по сигналу. Соображая всѣ данныя, приходится придти къ заключенію, что погромъ былъ подготовленъ и организован. Но къмъ же? Посмотримъ, что дѣлаетъ гродненскій губернаторъ г. Кистеръ. Еще до погрома представители

еврейскаго общества сообщаютъ ему о тревожномъ состояніи города и предполагаемомъ погромѣ, указываютъ на Шереметьева, какъ на лицо, которое даже опредѣлило день начала погрома, на лицо облеченное властью и враждебное еврейскому населенію. Губернаторъ говоритъ представителямъ, настаивавшимъ на удаленіи Шереметьева, что это единственный у него сильный и энергичный чиновникъ. Но вотъ наступилъ день погрома, губернаторъ днемъ пріѣзжаетъ въ Бѣлостокъ и продолжительное время остается на вокзалѣ, затѣмъ ѣдетъ въ полицейское управленіе на свиданіе съ Богаевскимъ, а потомъ быстро исчезаетъ изъ Бѣлостока и направляется въ г. Вильну къ генералъ-губернатору. Проѣзжая по городу, губернаторъ видитъ раненыхъ; трупы на улицѣ, а на вокзалѣ производится избіеніе хулиганами евреевъ, но онъ не предпринимаетъ ровно никакихъ мѣръ къ прекращенію, онъ точно чуждъ всему этому, онъ точно безсиленъ и не облеченъ властью. Что же это значитъ? Почему губернаторъ только повидался съ представителемъ мѣстной военной власти и уѣхалъ въ Вильну? Зачѣмъ въ Вильну? Что случилось? Приходится сдѣлать два предположенія; или губернаторъ зналъ о готовящемся погромѣ и не прекратилъ уже возникшій погромъ въ силу того, что онъ долженъ произойти, такъ какъ это нужно, такъ какъ приказано, или губернаторъ былъ лишенъ власти кѣмъ-то другимъ, тайно, негласно и безъ вѣдома его самого. Если разсматривать дѣйствія губернатора съ точки зрѣнія послѣдняго предположенія, то быстрый его отъѣздъ изъ Бѣлостока, свиданіе съ Богаевскимъ, непринятіе никакихъ мѣръ и отъѣздъ къ генералъ-губернатору въ Вильну указываетъ, что губернаторъ, дѣйствительно, былъ лишенъ власти, и она была узурпирована кѣмъ-то другимъ, по чьему-то распоряженію. Иначе поведение губернатора понять нельзя, если не вмѣнить ему первое предложеніе. Но вѣдь власть губернатора могла быть экспроприрована лишь съ момента введенія въ Бѣлостокъ военнаго положенія, а послѣднее фактически введено рано утромъ, 3 іюня, погромъ же начался 1 іюня, во все

же это время военныя власти распоряжались самостоятельно. Еще болѣе, 2 іюня и. д. полицеймейстера Радецкій внезапно заболѣваетъ и прекращаетъ исполненіе своихъ обязанностей; конечно, онъ заболѣваетъ неофициально; но что же это значитъ неофициально? Это значитъ, что онъ устраненъ былъ отъ должности кѣмъ-то другимъ, помимо губернатора, который въ то время еще пользовался на бумагѣ всей полнотой своей власти.

Когда члены Государственной Думы Якобсонъ и Шефтель 2-го іюня утромъ обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о прекращеніи погрома, то министръ имъ отвѣтилъ, что онъ немедленно пошлетъ телеграмму о принятіи дѣйствительныхъ мѣръ. Между тѣмъ, 2-го іюня съ 5 час. дня до утра 3-го іюня, какъ уже выше упомянуто, было особенно многочисленное разстрѣливаніе евреевъ. Гдѣ эти дѣйствительныя мѣры? Неужели о принятіи ихъ не было сообщено? Но этого допустить нельзя. Очевидно, на мѣстѣ не находили нужнымъ считаться съ этими предписаніями, а не находили нужнымъ, потому что была особая какая-то власть, которая для нихъ была больше, чѣмъ власть министра, болѣе гарантировала ихъ безнаказанность и санкціонировала ихъ дѣятельность. Сводя къ одному итогу дѣятельность губернатора и недѣятельность дѣйствительныхъ мѣръ министра, нужно признать, что въ организации погрома участвовала тайная власть, можетъ быть не извѣстная явной власти.

Теперь обращаемся къ мѣстнымъ властямъ г. Бѣлостока. Уже говорено было о томъ, что мѣстная полицейская власть крайне враждебно относилась къ еврейскому населенію, не скрывала своихъ чувствъ и высказывалась довольно рѣшительно по адресу евреевъ. Сообразно съ этимъ были и ея дѣйствія. Съ перваго момента погрома полиція не только не принимала никакихъ мѣръ къ прекращенію его, но въ лицѣ низшихъ агентовъ своихъ разжигала темныя силы, распуская слухи о злодѣянιάхъ евреевъ въ отношеніи участвовавшихъ въ религіозной процессіи, сама принимала

дѣятельное участіе въ учиненіи погрома и разграбленіи имущества; приняла на себя роль опредѣлителя качествъ революціонера и распоряжалась разстрѣлами этихъ лицъ; предводительствовала шайками хулигановъ при разгромѣ магазиновъ и допускала хулигановъ совершать убійства и звѣрства надъ евреями.

Далѣе, военныя власти до введенія военного положенія приняли полную власть надъ городомъ, предоставили въ распоряженіе городскихъ, вооруженныхъ солдатъ, которые частью по указанію городскихъ, частью хулигановъ, а частью по собственному побужденію разстрѣливали безоружныхъ евреевъ, которые не только не оказывали никакого сопротивленія, но въ страхѣ скрывались на чердакахъ, въ сараяхъ, сараяхъ и т. д. На основаніи чьего распоряженія губернаторъ былъ лишенъ 1-го и 2-го іюня принадлежащей ему власти и таковую приняли на себя военныя власти? Этотъ вопросъ военное начальство должно разъяснить.

Таковы результаты добросовѣстнаго изслѣдованія Бѣлостокскаго погрома людьми, съ высоты Престола названными *лучшими людьми*.

Въ заключеніе комиссія, выработавшая докладъ, предложила сдѣлать министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному запросы:

«1) Министру внутреннихъ дѣлъ: привлекаются ли къ судебной отвѣтственности гродненскій губернаторъ и чины полиціи г. Бѣлостока, одни за обнаруженное ими во время происшедшаго съ 1-го по 3-е іюня 1906 года въ г. Бѣлостокѣ погрома—бездѣйствіе власти, а другіе за содѣйствіе къ погрому и непосредственное въ немъ участіе?

2) Министру военному: а) извѣстно ли ему, что еще до введенія военного положенія въ г. Бѣлостокѣ высшія мѣстныя военныя власти фактически отстранили гродненскаго губернатора и и. д. полицеймейстера отъ исполненія ихъ обязанностей и приняли таковыя на себя, вопреки существующимъ узаконеніямъ.

б) Извѣстно-ли также ему, что во время погрома въ Бѣлостокѣ съ 1-го по 3-е іюня 1906 г. вызванныя въ городъ войска предоставляемы были въ распоряженіе низшихъ полицейскихъ служителей и, какъ по указанію этихъ послѣднихъ, такъ даже и частныхъ лицъ, разстрѣливали мирныхъ жителей?

в) Будутъ ли виновные привлечены къ судебной отвѣтственности?

Вмѣстѣ съ симъ комиссія не можетъ не указать, что и безъ того терроризованное мѣстное населеніе окончательно запугано введеннымъ военнымъ положеніемъ, и что правильное разслѣдованіе всего происшедшаго въ Бѣлостокѣ мыслимо лишь при двухъ непремѣнныхъ условіяхъ: а) смѣщенія или перевода мѣстныхъ властей (какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ) и б) снятія военного положенія».

Со стороны Государственной Думы, такимъ образомъ, сдѣлано все, что отъ нея зависѣло, и не она виновата въ томъ, что «правительство», т. е. министерство Столыпина и прочихъ вахмистровъ и погромщиковъ, не хочетъ внять голосу всей страны и своими грязными, кровавыми руками продолжаетъ цѣпляться за призракъ власти. Я говорю *призракъ*, потому что фактически у правительства власти нѣтъ, и единственное, чѣмъ пока еще держится эта милая компанія погромщиковъ,—такъ это—штыками и пулеметами темнаго, обманутаго войска, которое держать въ повиновеніи именемъ *Государя*, не причастнаго къ преступленіямъ камарильи и другихъ сановныхъ убійцъ и казнокрадовъ. Но уже давно извѣстно, что

«на штыки можно временно опираться, но сидѣть на нихъ нельзя»,

и штыки понемногу начинаютъ сильно колоть носителей бѣлыхъ штановъ и густыхъ эполетъ. На югѣ и сѣверѣ, въ пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи, на сушѣ и на морѣ слышатся раскаты грома приближающейся грозы, и недалеко время, когда погромы станутъ невозможными потому, что и армія будетъ *противъ* нихъ...

Съ 21-го іюня въ Государственной Думѣ началось обсужденіе доклада о бѣлостокскомъ погромѣ. Длинной вереницей проходили ораторы, сравнивавшіе бѣлостокскій погромъ съ состоявшимися погромами въ другихъ городахъ. И всѣ ораторы въ концѣ концовъ устанавливали тотъ фактъ, что исторія въ Бѣлостокѣ въ точности повторяетъ такія же исторіи въ десяткахъ другихъ городовъ.

Съ ораторской трибуны лились горячія, гнѣвные рѣчи, уличавшія правительство и его приспѣшниковъ въ чудовищныхъ преступленіяхъ, а въ министерской ложѣ спокойно возсѣдали господа министры и, презрительно улыбаясь, перешептывались.

Весь парламентъ, охваченный справедливымъ негодованіемъ, кричалъ министрамъ

«въ отставку, погромщики, убійцы!»

а министры продолжали улыбаться и перешептываться.

Они, эти сановные погромщики, смотрятъ на Думу, съ легкой руки Дурново, какъ на собраніе революціонеровъ, и не теряютъ надежды по своему раздѣлаться съ этимъ собраніемъ.

Изъ Саратовской губерніи «Крестьянскимъ Депутатомъ» получено изъ достовѣрныхъ источниковъ слѣдующее сообщеніе: Когда шли разговоры о роспускѣ Государственной Думы, и предполагалось, что трудовики поѣдутъ агитировать въ деревню, — то изъ Петербурга дали знать не бумагою, а шифрованной депешей исправникамъ, которые ѣздили лично къ приставамъ и передавали устно (это дѣлаютъ тогда, когда не желаютъ оставлять бумажныхъ слѣдовъ) слѣдующій приказъ, что *какъ только пріѣдутъ депутаты на мѣста, и хотя бы собралось пять-шесть депутатовъ, стрѣлять въ нихъ и убить*, яко бы нечаянно въ толпѣ. Вообще, не допускать митинговъ и прямо стрѣлять.

Понимая такъ неприкосновенность народныхъ представителей, можно, разумѣется, совсѣмъ не церемониться съ Государственной Думой и не обращать вниманія на произносимыя въ ней рѣчи и постановленія,

что господа самозванные правители-погромщики и дѣлаютъ.

Рѣчи въ Думѣ по поводу Бѣлостока продолжатся, вѣроятно, далѣе момента напечатанія этихъ строкъ, почему мы лишены возможности дать *полную* картину этихъ преній, но, во всякомъ случаѣ, уже самый докладъ Думской комиссіи, дополненный рѣчью кн. Урусова, даетъ настолько исчерпывающій матеріалъ по данному вопросу, настолько ярко рисуетъ факты и ту роль, которую правительство играло и играетъ въ погромахъ, что другіе ораторы не могутъ не повторяться, не могутъ сказать чего-либо, что явилось бы крупной новостью. Поэтому вполне понятно, если большинство членовъ Государственной Думы признаетъ дальнѣйшія пренія по данному вопросу излишними. Въ самомъ дѣлѣ, что Дума можетъ сдѣлать еще кромѣ того, что ею уже сдѣлано?

Она безпристрастно собрала на мѣстѣ матеріалы, составила докладъ, являющійся обвинительнымъ актомъ противъ «правительства», и, наконецъ, она сдѣлала этому «правительству» соотвѣтственный запросъ.

Страна теперь знаетъ, что въ дѣйствительности происходило въ Бѣлостокѣ, а благодаря кн. Урусову и послѣднимъ фактамъ она знаетъ и настоящихъ виновниковъ этихъ событій, и этимъ Дума сослужила Россіи новую, чрезвычайно важную службу.

Ни Дума, ни народъ ничего не выиграютъ отъ того, что Столыпинъ или какой-нибудь другой погромщикъ взойдетъ на парламентскую трибуну и объяснитъ что-нибудь о «полнотѣ власти», о «принятыхъ мѣрахъ» и «дерзости революціонеровъ».

«Принять мѣры» на языкѣ гг. Столыпиныхъ значитъ наградить убійцъ-погромщиковъ и обезпечить имъ безнаказанность, а потому страна ждетъ и требуетъ отъ нихъ только одной, вполне определенной «мѣры»: *немедленного выхода въ отставку*.

Это требованіе выражено и въ предложенной *Ө. Ө. Коккошкинымъ* формулѣ перехода Государственной Думы къ очереднымъ дѣламъ:

«Выслушавъ докладъ комиссіи по изслѣдованію

незаконѣрныхъ дѣйствій властей въ событіяхъ въ городѣ Бѣлостокѣ и признавая, что разгромъ мирнаго еврейскаго населенія въ Бѣлостокѣ былъ вызванъ и поддерживался не враждой христіанскаго населенія съ еврействомъ, а исключительно планомѣрными дѣйствіями властей;

«что дѣйствія эти должны лечь на отвѣтственность не однихъ мѣстныхъ органовъ власти, а главнымъ образомъ центрального правительства, которое путемъ подпольной литературной пропаганды, руководимой чинами, организовало повсемѣстно въ Россіи военные и полицейскіе кадры, готовые во всякое время кинуться на безоружное еврейское населеніе; что эта пропаганда поддерживалась совершенной безнаказанностью и даже поощреніемъ должностныхъ лицъ, организующихъ погромы и участвующихъ въ нихъ; что правительственные сообщения, замалчивающія истину и стремящіяся оправдать убійства мирныхъ жителей правительственными агентами, являются полнымъ доказательствомъ того, что само правительство, сознающее свое безсиліе въ борьбѣ съ революціей, стремится къ подавленію ея посредствомъ устрашающихъ экспедицій, направленныхъ противъ мирныхъ гражданъ;

«что правительство, систематически угнетавшее и принижавшее евреевъ, поселившее въ населеніи убѣжденіе въ томъ, что по отношенію къ евреямъ все дозволено, рѣшилось отправить свои карательныя, устрашающія экспедиціи именно противъ этой наиболѣе угнетенной и слабой части населенія страны;

«что единственнымъ исходомъ изъ этого безпримѣрнаго въ исторіи культурныхъ странъ положенія и единственнымъ средствомъ предупредить дальнѣйшее распространеніе погромовъ, является немедленное *преданіе суду всѣхъ отвѣтственныхъ за нихъ высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ, безъ различія ихъ ранга и положенія, и немедленный выходъ нынѣшняго министерства въ отставку, —*

Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Большаго Государственная Дума сдѣлать не могла.

IV.

Ужасы Бѣлостока.

Докладъ слѣдственной комиссіи Государственной Думы достаточно ясно и обстоятельно рисуетъ все теченіе погрома въ Бѣлостокѣ, а сопоставляя этотъ докладъ съ разными «правительственными» и «официальными» сообщеніями, мы совершенно ясно представляемъ себѣ и провокаторское начало хорошо подготовленнаго погрома. Никакихъ бомбъ не было, первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ не въ процессію, а наоборотъ, со стороны процессіи въ публику, и выстрѣлъ этотъ, послужившій сигналомъ къ началу погрома, сдѣлалъ провокаторъ—городовой, который черезъ нѣсколько дней самъ же въ этомъ сознался.

Все дальнѣйшее развитіе событій неоспоримо доказываетъ, что погромъ былъ направленъ далеко не на революціонеровъ, «приведшихъ населеніе въ состояніе паники» и «навлекшихъ на себя справедливое негодование». Официально донесено, что центромъ, въ которомъ сосредоточились всѣ революціонныя организаціи, являлась *Суражская* улица, а между тѣмъ разгромлены улицы: Липовая, Тыкоцкая, Базарная, Нѣмецкая, Институтская, и части Александровской и Николаевской; Суражская же не тронута...

Чтобы дорисовать ужасную картину погрома, намъ остается только привести отдѣльные факты и показанія нѣкоторыхъ очевидцевъ.

Беремъ наиболѣе яркія показанія, сдѣланныя очевидцами и пострадавшими, и уже появившіяся въ различныхъ газетахъ, которыя, конечно, немедленно были конфискованы.

Показаніе К. Ф. Лунскаго.

Калманъ Фраимовичъ Лунскій, фабрикантъ суконныхъ товаровъ, живетъ въ м. Городокъ, Бѣлосток-

Группы сложенные во дворѣ больницы.

скаго уѣзда. Молодой человекъ очень крѣпкаго тѣлосложенія съ красивымъ, энергичнымъ лицомъ, напоминающимъ портретъ Петра I въ молодости.

Голова вся забинтована, сквозь марлю выступаетъ кровь.

Лунскій выѣхалъ въ пятницу изъ Городка въ Бѣлостокъ съ поѣздомъ полѣсскихъ желѣз. дор., который приходитъ въ Бѣлостокъ въ 12 ч. 20 м. дня. Зная о погромѣ въ Бѣлостокѣ, онъ переодѣлся въ крестьянское платье.

Вотъ его рассказъ:

«Когда я вышелъ въ Бѣлостокѣ на вокзалъ, я замѣтилъ на платформѣ и на вокзалѣ много хулигановъ. Нѣкоторые кричали:

— Давай сюда жидовъ!

Увидя меня, нѣкоторые кричали: Вотъ жидъ! А другіе говорили: Нѣтъ, это русскій. Вдругъ на меня набросились и стали бить чѣмъ попало. У меня десять ранъ на головѣ и нѣсколько на животѣ.. Били снаружи вокзала, гдѣ стоятъ извозчики. Увидѣвъ священника съ сѣдовой бородой, сталъ его умолять, чтобы заступился, но тотъ ничего не сказалъ и отъвернулся. Будучи очень здоровымъ и сильнымъ, я сталъ защищаться, подбѣжалъ къ столбу и ухватился за него, такъ что меня не могли оторвать, но жандармъ такъ сильно ударилъ меня прикладомъ, что я упалъ. Когда я лежалъ весь въ крови, меня жандармы съ двумя солдатами потащили тутъ-же въ желѣзнодорожную лечебницу. Тамъ мнѣ ничѣмъ не помогли, только грубо обращались. Пробылъ я тамъ часа два еще съ нѣкоторыми избитыми пассажирами. Въ это время мы изъ окна замѣтили приходъ бресто.-граевского поѣзда. Скоро послышались ужасные крики. Пробѣжала какая-то женщина, крича:

— Еще жидовъ забили!

(Это и былъ тотъ поѣздъ, о которомъ рассказывалъ Бахрахъ).

Мы видѣли, какъ падали люди. Нѣкоторые подымались, ихъ добивали прикладами солдаты.

Скоро пришли жандармы и стали выгонять насъ изъ лечебницы. Еще у одного, кромѣ меня, изъ разбитой головы лилась кровь. На дворѣ увидѣли мы мужицкой дробинѣ наваленную кучу людей. Снизу на

изъ-подъ труповъ кричали живые, что задыхаются. Мы хотя еле держались на ногахъ, просили не валить насъ на эту кучу живыхъ и мертвыхъ, а позволить намъ идти рядомъ. Но намъ не позволили.

Одного, который не въ состояніи былъ взобраться наверхъ, подняли на ружья и бросили какъ бревно.

Среди живыхъ былъ человекъ съ вырѣзаннымъ языкомъ и изрѣзанными щеками.

Отъѣхавъ немного, увидѣли трупъ на землѣ. Этотъ трупъ подняли и силой швырнули наверхъ, на живыхъ и мертвыхъ.

На Липовой улицѣ встрѣтили 2 пристава на пролеткѣ. Они подозвали солдатъ изъ нашего конвоя и что-то спросили. Я сталъ просить, чтобы меня сняли съ этихъ труповъ, но пристава ничего не сказали и уѣхали, а солдатъ прицѣлился въ меня штыкомъ.

У одного живого свѣсилась голова и билась о повозку. Встрѣтился вольноопредѣляющійся и приказалъ поправить. Солдатъ сталъ тыкать прикладомъ. Вольноопредѣляющійся остановилъ и поправилъ самъ. Одинъ изъ насъ, Берковичъ, свалился съ повозки. Его подняли и швырнули обратно, какъ вещь.

Недалеко отъ полиціи стояла толпа хулигановъ съ кольями и, когда мы проѣзжали, кричала:

— Надо добивать!

Показаніе М. А. Рубинштейна.

Моисей Ароновъ Рубинштейнъ, рабочій на прядильной фабрикѣ, живетъ по Старо-Шоссейной улицѣ въ домѣ Енса. Это — рыжій крупный здоровякъ. Теперь онъ весь забинтованъ, и все лицо въ страшныхъ синякахъ и кровоподтекахъ. Говорить съ трудомъ.

Въ пятницу утромъ пошелъ на вокзалъ отправить телеграмму. Было много подавателей телеграммъ, и онъ въ ожиданіи прошелъ по вокзалу. Было около половины восьмого утра. На вокзалѣ были жандармы,

стоялъ товарный поѣздъ, и какіе-то хулиганы стали кричать:

— Вотъ жидъ!

Хотѣлъ убѣжать, но получилъ ударъ желѣзомъ по головѣ и упалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ очнулся въ желѣзнодорожной лечебницѣ (той самой, о которой рассказывалъ Лунскій) весь избитый, съ разбитой головой, грудью, плечомъ, сталъ проситься домой. Меня вывели изъ лечебницы. Около вокзала были жандармы, солдаты и много хулигановъ — кучками. Жандармы и комендантъ съ ними вступили въ разговоры, смѣялись. Меня потащили къ повозкѣ, на которой была навалена куча людей окровавленныхъ. Были мертвые, были и живые. Меня навалили сверху. Подо мной кто-то стоналъ и сталъ меня умолять, чтобы я всталъ, потому что онъ задыхается. Но я совершенно ослабѣлъ и не могъ приподняться. Его привезли въ больницу уже мертвымъ.

Показаніе М. Ф. Бахраха.

Мотель Фишеровичъ Бахрахъ, молодой еврей съ блѣднымъ измученнымъ лицомъ, жившій въ м. Заблудовѣ, Бѣлостокскаго уѣзда.

Бѣхалъ онъ въ пятницу, 2-го, въ брестско-граевскомъ поѣздѣ, который приходитъ въ Брестъ въ 2 ч. 12 м. дня. На ближайшей къ Бресту станціи — «Старосельцы», къ поѣзду подбѣжали какіе-то люди съ криками:

— Есть-ли тутъ жида?

Съ нами въ вагонѣ бѣжали 8 драгунъ, которые везли съ границы двухъ арестованныхъ дезертировъ. Мы дали имъ 10 р., и они стали у дверей и не пускали громилъ въ вагонъ.

Тѣ кричали:

— Все-равно, ихъ въ Бѣлостокѣ убьютъ! Намъ губернаторъ разрѣшилъ 3 дня погулять!

Въ Бѣлостокѣ мы вышли изъ вагона, опасливо

озираясь и держась вмѣстѣ. Изъ брестскаго вагона вышелъ какой-то еврей и тоже присоединился къ намъ.

Начальникъ станціи и жандармы стали гнать насъ съ перрона.

— Идите, васъ тамъ ждутъ!

Стоявшіе тутъ солдаты стали оттѣснять насъ къ выходу изъ вокзала.

Тамъ стояло нѣсколько кучекъ людей, въ первой было человекъ 15—16, насъ же всѣхъ набралось 16 мужчинъ и 1 женщина. Мы съ этой женщиной шли

Прощаніе съ трупомъ отца.

позади. Первымъ шелъ Ицко Гебель, подрядчикъ по каменнымъ работамъ, лѣтъ 50. Онъ работалъ въ м. Голendraхъ, но, услышавъ о погромѣ въ Бѣлостокѣ, поѣхалъ домой. Его стали бить кусками желѣза по головѣ и тутъ же убили. За нимъ такъ-же убили его сына, лѣтъ 30. Били желѣзомъ, молотками, камнями. Я и стоявшая рядомъ со мной женщина бросились бѣжать назадъ, на вокзалъ, но туда насъ не пустили жандармы. Мы убѣжали къ дому, гдѣ живетъ начальникъ станціи юго-западныхъ дорогъ.

Бросились въ сѣни, гдѣ наткнулись на дѣвушку, которая посовѣтовала намъ спрятаться въ клозетѣ. Въ это время за нами прибѣжало двое громилъ, одинъ съ бутылкой въ рукѣ, другой съ желѣзнымъ ломомъ. Этотъ вырвалъ у женщины корзинку и пальто и, увидѣвъ проходившаго еврея, погнался за нимъ.

Другой набросился на меня и втолкнулъ меня въ сѣни. Я высыпалъ ему всѣ бывшія при мнѣ деньги — 263 р. съ копейками. Онъ, вѣроятно, никогда такихъ денегъ не видалъ, потому что совершенно растерялся и убѣжалъ. Я побѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ. Тамъ я увидѣлъ открытымъ ходъ на чердакъ. Я забрался туда, и женщина (ее звали Гитля, фамиліи не помню) за мной. Мы заперли дверь и упали обезсиленные. Часа черезъ 2 я пришелъ въ себя и выглянулъ въ слуховое окно. На дворѣ я увидѣлъ кучу труповъ, ничѣмъ не прикрытыхъ. Нѣкоторые въ кучѣ шевелились. Женщина все плакала. Осмотрѣвшись, я нашелъ какую-то темную дыру, куда мы и залѣзли. Такъ пролежали мы до темной ночи. Меня стала мучить страшная жажда, и мнѣ казалось, что я умираю. Я спустился внизъ, женщина за мною. На лѣстницѣ столкнулись съ начальникомъ станціи. Тотъ очень испугался отъ неожиданности. Стали его умолять. Вышла служанка и сказала:

— Ихъ тутъ искали. Я сказала: они убѣжали.

Я сталъ умолять:

— Дайте глотокъ воды. Но начальникъ станціи сталъ насъ торопить:

— Уходите сейчасъ. Я ничего не знаю, не хочу знать! Уходите сейчасъ!

Вышла его жена и показала намъ дорогу на шоссе. Воды такъ и не успѣли получить. Потомъ уже напился изъ какой-то лужи. Часы при мнѣ остались. Былъ двѣнадцатый часъ ночи.

Шли мы наугадъ куда то въ поле, стараясь скрываться.

Черезъ нѣкоторое время увидѣли свѣтъ и какую то фабрику (потомъ узналъ, что Флакерта). Тамъ были солдаты. Мы спрятались во рву и ползкомъ про-

брались дальше—все по направлѣнію отъ города. Затѣмъ шоссе повернуло направо. Мы присѣли отдохнуть. Скоро слышали пѣніе. Оказалось, ѣдутъ на повозкѣ. Мы спрятались подъ мостикомъ. Когда эти двѣ повозки отѣхали дальше, слышались оттуда выстрѣлы. Пошли дальше. Наткнулись на ворота какого то помѣстья. Силъ больше не было. Рѣшили, что въ помѣстьѣ насъ не убьютъ. Стали стучаться. Вышелъ сторожъ. Просили воды. Сторожъ говоритъ:

— Даль бы, да боюсь. Проходите лучше.

Пошли дальше. Увидѣли огни, слышали лай собакъ. Оказалось—мѣстечко Хороши. Подошли къ фабрикѣ Можы, передъ которой горѣлъ электрическій фонарь. Мы просили сторожа указать намъ ночлегъ. Онъ далъ намъ провожатаго, и онъ насъ повелъ къ какому то еврею, гдѣ мы и переночевали.

Въ воскресенье днемъ мы на бѣлостокскомъ обратномъ извозчикѣ вернулись въ Бѣлостокъ. Потомъ мы узнали, что тѣ конные солдаты, на которыхъ мы наткнулись и отъ которыхъ спрятались въ ровъ, въ ту ночь застрѣлили какого то еврея, съ котораго были сняты сапоги и пиджакъ, трупъ заставили проѣзжавшаго извозчика-еврея взять съ собою.

Когда я узналъ, что на вокзалѣ производится допросъ по поводу убійствъ, я отправился туда. Допрашивалъ какой то жандармскій капитанъ и желѣзнодорожные съ зелеными отворотами, но когда я тутъ же увидѣлъ жандарма, который меня толкалъ къ громиламъ, и я объ этомъ сказалъ, меня не стали слушать, и я незамѣтно поспѣшилъ уйти.

Показаніе переплетчика Шлахтера.

Беръ Шепселевичъ Шлахтеръ, жившій по Ново-Шоссейной ул., въ домѣ Презбицкой, допрошенъ 5-го іюня, въ еврейской больницѣ, въ присутствіи медицинскаго персонала и другихъ свидѣтелей. Шлахтеръ старикъ, лѣтъ 55-ти.

Въ четвергъ 1-го іюня, когда начался погромъ, Шлахтеръ съ женой и дѣтьми, больнымъ сыномъ 15 лѣтъ, дочерью 20 лѣтъ, работавшей у него въ переплетной, и дѣвочкой 10 лѣтъ спрятались на чердакѣ

каменнаго 3-хъ этажнаго дома Рамма, находящагося напротивъ его квартиры. Тамъ же спрятались вдова съ двумя дѣтьми и 2 дѣвочки 15 и 11 лѣтъ, помогавшія ему въ работѣ. Оттуда они видѣли, какъ разграбили ихъ квартиру и уничтожили все, что не могли забрать. Такъ просидѣли они двое сутокъ до утра субботы, когда сторожиха сказала, что уже тихо. Жена рѣшила спуститься внизъ. Скоро слышались выстрѣлы. Спустя нѣкоторое время кто то прибѣжалъ наверхъ и сказалъ, что жена Шлахтера застрѣлена и безпомощно бьется на улицѣ въ крови. Хотѣли спуститься къ ней, но выстрѣлы продолжались. Это было около 5 часовъ утра. Въ это время на чердакѣ узнали, что всѣ жильцы изъ дома разбѣжались и, несмотря на субботній день, выѣхали изъ города. На чердакѣ всѣхъ охватилъ ужасъ. Больной сынъ съ плачемъ прижался къ старику-отцу и трепеталъ отъ страха. Въ это время слышали, что кто то взбирается на чердакъ и карабкается наверхъ, хотя лѣстница была убрана. Скоро въ отверстіи люка показался солдатъ съ бѣлымъ околышемъ (форма углицкаго полка) и со словами:

— Вотъ гдѣ жида попрятались,—выстрѣлили.

Этимъ выстрѣломъ мальчикъ трепетно прижавшійся къ отцу, былъ убитъ наповалъ, а у старика была налетѣть прострѣлена правая рука. Другими выстрѣлами была убита его дѣвочка и раненъ другой мальчикъ. Солдаты были уже на чердакѣ. Старикъ сталъ умолять о пощадѣ. Съ него сорвали часы и забрали бывшіе при немъ 6 руб., послѣ чего солдаты ушли. Истекая кровью, старикъ спустился внизъ, добрался до какого то городского, который и доставилъ его пѣшкомъ въ больницу, такъ какъ на извозчика у него не было денегъ.

Этотъ глубоко религіозный старикъ-ремесленникъ; повидимому, никакъ не можетъ понять, какъ это могло случиться, что именно въ субботній день онъ такимъ жестокимъ образомъ лишился жены, дѣтей и своей правой руки.

— За что?—свѣтится въ глубинѣ его страдальческихъ глазъ...

Трудно себя представить что-либо ужаснее фактов, о которых рассказывают эти несчастные, но, как всегда, действительность превосходит всякое воображение.

Безмерно гнусно избивание беззащитных взрослых людей вооруженными людьми, но как найти подходящее выражение, чтобы выразить негодование по поводу избивания женщин и детей? А в Бѣлостокѣ войска избивали и тех и других.

Вот факты, сообщаемые одним из видных русских журналистов, на слова которого можно безусловно положиться:

«В еврейской больницѣ находится на излеченіи дѣвочка 14 лѣтъ. Я ее видѣлъ и разговаривалъ съ ней. Личико у нея очень миловидное, чрезвычайно блѣдное, голова вся въ повязкахъ. Когда она заговорила со мной, ее трудно было понимать, какъ будто языкъ у нея неправильно двигается во рту или чего-то не хватаетъ.

Потомъ оказалось, что у нея действительно не хватаетъ 4-хъ зубовъ; когда она открыла ротъ, у нея спереди между деснами была дыра, и недостатокъ этотъ въ разговорѣ сразу почувствовался.

Въ самомъ началѣ погрома эта дѣвочка сидѣла на дворѣ дома по Институтской улицѣ и, ничего не зная о надвигавшемся бѣдствіи, безпечно играла.

Вдругъ вбѣжали во дворъ солдаты и бросились по лѣстницѣ въ квартиру, а одинъ изъ нихъ, замѣтивъ еврейскую дѣвочку, подбѣжалъ къ ней и сильнымъ ударомъ приклада по головѣ опрокинулъ ее на землю. Отъ удара у нея треснулъ черепъ и она начала кричать и просить пощады. Солдатъ продолжалъ ее бить прикладомъ по всему тѣлу. Она лежала навзничь. Подошелъ къ ней какой-то штатскій и, чтобы замолчала, ударилъ ее нѣсколько разъ палкой по зубамъ; зубы расшатались отъ этихъ ударовъ, но все же еще держались на мѣстахъ.

Не знаю почему, но солдатъ наклонился къ ней, и изъ окровавленнаго рта руками вытащилъ ей четыре зуба, и бросилъ ихъ около нея на землю.

Затѣмъ вниманіе солдата было куда-то отвлечено; и онъ ушелъ съ штатскимъ господиномъ, а несчастную дѣвочку оставилъ лежать на землѣ. Какимъ образомъ очутилась она въ больницѣ, не помнитъ».

«Въ другомъ мѣстѣ три солдата проникли на чердакъ, гдѣ укрылись трое дѣтей, братъ съ сестрой, мальчуганъ и старикъ; до второго іюня они укрывались въ пустой квартирѣ, а затѣмъ, видя, что военныя дѣйствія продолжаютъ развиваться съ неуменшаемой силой, и опасность ихъ пребыванія въ этой квартирѣ все увеличивается, они перебрались на чердакъ».

«Въ то мѣсто, гдѣ укрылись на чердакѣ четверо несчастныхъ: трое ребятъ и одинъ старикъ, въ субботу утромъ проникли трое солдатъ, и открыли по укрывавшимся тамъ стрѣльбу. Я лично бесѣдовалъ съ тѣмъ мальчикомъ, котораго солдаты тяжело ранили пулей на томъ чердакѣ, прострѣливъ ему насквозь поясницу; его сестра, дѣвчурка, оказалась убитой; затѣмъ они убили еще одного, а четвертаго тяжело ранили; итакъ, изъ четырехъ тамъ находившихся, двое были убиты и двое тяжело ранены пулями».

Членъ Государственной Думы Брамсонъ напечаталъ письмо, въ которомъ очевидецъ сообщаетъ, что: Трупы изуродованы. **Одна семья, отецъ, мать и двое дѣтей связаны вмѣстѣ и перебиты гвоздями.** Въ такомъ видѣ трупы лежатъ въ больницѣ. **Одному вбили гвоздь въ голову, другому отрубили конечности, одному мальчику расправили животъ, одного каменщика распяли на стѣнѣ вокзала, а войска... войска стрѣляли въ дома.**

О звѣрскомъ глумленіи надъ живыми и мертвыми, дѣтьми и взрослыми рассказываетъ и г. Штурманъ, бывший свидѣтелемъ убійства несчастной семьи учителя чистописанія Айнштейна:

«Въ моей квартирѣ, — передавалъ Штурманъ, — скрывалась въ пятницу утромъ семья Айнштейна — мужъ, жена, 10 человѣкъ дѣтей. Они пришли ко мнѣ, потому что около дома Айнштейна стали собираться хулиганы. Мы всѣ забрались на чердакъ, гдѣ считали себя въ безопасности. Сидя тамъ, мы видѣли, какъ къ

дому Айнштейна подошли хулиганы и разгромили его. Недалеко от хулигановъ стоялъ патруль углицкаго полка подъ командой офицера. Солдаты перекидывались фразами съ хулиганами и поощряли ихъ. Послѣ разгрома дома Айнштейна наступило нѣкоторое затишье. Сосѣди стали выходить изъ домовъ и, такъ какъ знали, что Айнштейны скрываются у Штурмана, стали его вызывать, говоря, что солдаты съ хулиганами удалились, и предложили ему посмотреть свое имущество и спасти что-нибудь. Я хотя и удерживалъ ихъ, но Айнштейнъ меня не послушался, взялъ своихъ двухъ сыновей, дочь пятнадцати лѣтъ, жену и отправился къ себѣ. Черезъ нѣсколько минутъ я и оставшіяся у насъ дѣти Айнштейна услышали раздирающіе душу крики и залпъ. Мы тотчасъ же поняли, что съ Айнштейнами случилось несчастье. Оставшіяся дѣти стали рваться къ родителямъ, говоря, что желаютъ погибнуть вмѣстѣ съ ними, но я ихъ не пустилъ. Черезъ нѣсколько минутъ я самъ услышалъ, какъ ко мнѣ во дворъ ломятся хулиганы со стороны поля. Предвидя несчастье, я спустился съ чердака и перелѣзъ черезъ заборъ на улицу, гдѣ стоялъ офицеръ съ патрулемъ. Я бросился въ ноги офицеру и сталъ его умолять спасти меня и семью.

Мои слезы тронули офицера, который предупредилъ звѣрскую расправу, такъ какъ едва я перелѣзъ черезъ заборъ, солдаты хотѣли взять меня на штыки. Меня обыскали, но такъ какъ при мнѣ ничего не было, кромѣ денегъ и часовъ, то офицеръ передалъ меня четверемъ солдатамъ и приказалъ вести въ полицію.

Проходя съ конвоемъ мимо дома Айнштейна, я видѣлъ, какъ во дворѣ лежатъ трупы двухъ сыновей его, обезображенные до неузнаваемости. Не будучи въ состояніи удержаться, я заплакалъ. Солдатъ замѣтилъ это, ударилъ меня прикладомъ по лицу такъ сильно, что все лицо опухло, и глазъ оказался сильно поврежденнымъ. «Чего орешь, жидъ, — замѣтилъ онъ мнѣ, — воть, постой, когда вернемся и твою семью убьемъ, тогда будешь орать».

Выйдя на Боярскую улицу, я увидѣлъ громадную

толпу хулигановъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые, замѣтивъ насъ, стали приближаться съ крикомъ и шумомъ, привѣтствуя солдатъ и прося ихъ выдать имъ жидка для расправы, предлагая за это бутылку водки. Солдаты уже было согласились, но я бросился имъ въ ноги и предложилъ имъ имѣвшіеся у меня золотые часы и двадцать рублей денегъ. Эту сдѣлку солдаты нашли для себя болѣе выгодной и увели меня отъ хулигановъ на пожарный дворъ въ полицейское управленіе.

Тамъ на меня напали городовые и пожарные и стали топтать ногами, пока какой то городской не замѣтилъ: «Жидъ уже слоухъ», потомъ меня бросили въ погребъ. Въ субботу меня осмотрѣлъ приставъ и, найдя тяжело раненымъ, отправилъ въ еврейскую больницу, гдѣ мнѣ оказали медицинскую помощь».

Семья г. Айнштейна была найдена со вбитыми въ глаза трехдюймовыми гвоздями, а у самого Айнштейна, кромѣ того, скрещенныя руки были гвоздями прибиты къ груди.

Вотъ подробное описаніе этого звѣрства: Въ пятницу утромъ, когда начался разгромъ Бояръ, вся семья Айнштейна скрывалась на чердакѣ ихъ сосѣда Штурмана. Вдругъ неподалеку появились солдаты Углицкаго полка подъ командою офицера и нѣсколькихъ человѣкъ полицейскихъ и остановились на углу. Минуты черезъ 2 мимо домика Штурмана быстро прошелъ какой-то солдатъ, одѣтый въ темно-желтую «манджурскую», какъ выражаются свидѣтели, рубашку. Солдатъ влѣзъ черезъ окно въ домъ Айнштейна, и вслѣдъ затѣмъ изъ этого дома раздался выстрѣлъ. Какъ только раздался звукъ этого выстрѣла, солдаты принялись обстрѣливать домикъ Айнштейна. Затѣмъ нахлынула толпа громилъ и начала беспощадно громить квартиру, на глазахъ у солдатъ и офицера. Когда было все разгромлено до тла, на время наступила тишина. Громилы какъ будто исчезли. Люди на чердакахъ и въ погребахъ начали успокаиваться, полагая, что «кончилось». Въ это время къ дому Штурмана подошелъ приставъ 2-го

участка *Костецкій* и крикнулъ: «Здѣсь ли Айнштейнъ? Если здѣсь—пусть идетъ подбирать свои вещи; можетъ, что-нибудь уцѣлѣло!» Айнштейнъ началъ колебаться: идти ему или не идти? Видя, что никто не выходитъ, приставъ снова повторилъ ту же фразу. А кругомъ все было такъ же тихо. Убѣжденный тономъ пристава и этимъ спокойствіемъ на улицѣ, Айнштейнъ не вытерпѣлъ и, несмотря на мольбы и предостереженія сосѣдей, рѣшилъ сойти съ чердака

На рисунокѣ семейство Айнштейнъ. Убиты отецъ Лейзеръ, мать Шейна, два сына Рахміель и Шмуэль и дочь Соня. Осталось 7 человекъ дѣтей.

и пойти къ себѣ на квартиру «спасти хоть тѣ крохи, что еще уцѣлѣли». За нимъ послѣдовала его жена, двое сыновей и дочь. Остальныя дѣти остались. Прошло нѣсколько минутъ. И вдругъ изъ дома Айнштейновъ начали раздаваться душу раздирающіе крики. Черезъ нѣсколько мгновений Айнштейнъ, весь въ крови, выбѣжалъ изъ дома на находящійся рядомъ лугъ. Но его настигли, повалили на-земь и принялись мучить. Изъ дома сосѣда Айнштейновъ Левина, потомъ убитаго, принесли большіе гвозди, связали у старика Айнштейна руки и начали вбивать эти гвозди

въ его тѣло. Сначала вбили гвозди въ руки, потомъ въ животъ, а потомъ всадили по гвоздю въ ноздрю, въ щеки и въ оба глаза. Айнштейнъ все еще былъ живъ и кричалъ, а потомъ уже только хрипѣлъ подъ руками своихъ мучителей, которые, какъ-бы чередуясь, то ударяли его сапогами, то *дѣлали надрѣзы ножомъ на его тѣлѣ*, то принимались бить дубинами. Когда Айнштейнъ началъ уже биться въ предсмертной агоніи, ему выстрѣлили въ грудь. Тутъ же были замучены и жена Айнштейна, 18-лѣтняя дочь его Соня, и два сына—*Рахміель и Шмуэль*. Особенно изувѣченъ былъ Рахміель. У него были *выколоты глаза*, на тѣлѣ—*многочисленные надрѣзы*, на лицѣ и въ животѣ—*вбитые гвозди*, все тѣло обезображено ударами дубинъ и слѣдами сапогъ.

Журналистъ, посѣтившій еврейскую больницу, пишетъ:

«Я видѣлъ дѣтей, прострѣленныхъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ—не только съ огнестрѣльными, но и со штыковыми ранами. Все это записано въ больничныхъ книгахъ и удостовѣрено врачами и слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ...

Я видѣлъ тутъ-же существо стонущее, все завернутое въ бинты.

Это молодая дѣвушка, которой разсѣкли голову, а потомъ ей молоткомъ разбили челюсть, а плачущая мать мнѣ тутъ-же показывала высыпавшіеся изъ этой разбитой челюсти здоровые, крѣпкіе молодые зубы.»

Затѣмъ, въ описаніи похоронъ жертвъ погрома мы встрѣчаемъ слѣдующія строки:

«Но самыя потрясающія сцены происходятъ возлѣ однихъ носилокъ, стоящихъ нѣсколько въ сторонѣ. На нихъ лежатъ двое убитыхъ дѣтей (братъ и сестра;) они покрыты, но головки видны. Двухлѣтній (съ перерубленной топоромъ головой) какъ бы спитъ, десятирѣчная дѣвочка (задушенная) сладко спитъ, собравшись въ комочекъ, точно довѣрчиво притулилась къ братцу,—самая обычная картина мирнаго дѣтскаго сна. Мать дѣтей тоже убита. Родныхъ никого нѣтъ, а между тѣмъ у этихъ носилокъ происходитъ

нѣчто неописуемое. Мужчины, женщины, дѣти окружаютъ эти носилки, и воздухъ оглашается мучительными, жалобными рыданіями, въ которыхъ слышится упрекъ самому небу, недоумѣвающий вопросъ: «За что?»—и безконечная, раздирающая душу жалость»...

Борьба съ «революціонерами» велась всюду очень успѣшно. Вотъ реляція генерала Бадера о штурмѣ и взятіи кожевеннаго завода:

«Революціонеры засѣли въ пустомъ зданіи фабрики и стрѣляли въ войска, затѣмъ подожгли домъ и бѣжали, оставивъ девять труповъ. Вслѣдствіе усиленной стрѣльбы революціонеровъ, пожарные не могли

Вотъ эти дѣти.

приступить къ тушенію пожара». А вотъ описаніе этой-же побѣды со словъ очевидцевъ:

«Солдаты подошли къ деревянному флигелю кожевеннаго завода и стали его обстрѣливать. Подошли черезъ разобранный заборъ еще солдаты и также открыли пальбу. Бывшіе въ деревянномъ флигелѣ стали перебѣгать въ каменный домъ, часть попряталась въ погреба. Деревянный флигель скоро загорѣлся. Тогда туда подошли городской съ двумя солдатами и потребовали, чтобы женщины и дѣти уходили.

Нѣсколько женщинъ и дѣтей выбѣжали и перебѣжали въ каменный домъ. Когда огонь и дымъ усилились, стали выбѣгать и мужчины.

Первымъ выбѣжалъ семнадцатилѣтній Мордко Шмуклеръ и былъ сейчасъ же раненъ въ руку. Онъ вернулся и опять выбѣжалъ изъ горѣвшаго зданія вмѣстѣ съ старухой матерью. Офицеръ небольшого роста приказалъ стрѣлять, и юноша былъ раненъ вторично. Упалъ. Мать прикрыла его своимъ тѣломъ. Офицеръ приказалъ взять его въ штыки, и солдатъ тутъ же его прикололъ штыкомъ, и онъ умеръ на рукахъ у матери.

Изъ горѣвшаго дома выбѣжалъ затѣмъ Нахманъ Грабовскій, съ двумя дѣтьми на рукахъ. Ружейный выстрѣлъ прострѣлилъ руку ребенку и навзлетъ убилъ отца.

Тутъ же были убиты спасавшіеся изъ огня Абрамъ Кацъ 52 лѣтъ, Шаломъ Новикъ 34 лѣтъ, Гиршъ Геппнеръ 56 лѣтъ, Зурихъ Панде 18 лѣтъ, Амха Вайнштейнъ 25 лѣтъ.

Кромѣ того, въ сгорѣвшемъ домѣ, къ которому солдаты не допустили пожарную команду, сгорѣла живо больная старуха Тауба Кацъ 72 лѣтъ, которая была прикована къ постели и не могла двигаться. Сгорѣли тамъ еще какіе то люди, судя по найденнымъ обгорѣлымъ костямъ».

Такъ вотъ то «самоотверженное и честное» поведение, за которое высшее военное начальство. Впрочемъ, что же говорить про это «начальство». Его роль въ Бѣлостокскихъ ужасахъ ясна для всѣхъ, но тѣмъ не менѣе мы дополнимъ его портретъ двумя-тремя фактами, которые, быть можетъ, ускользнули отъ вниманія читателя за подавляющей массой матеріала:

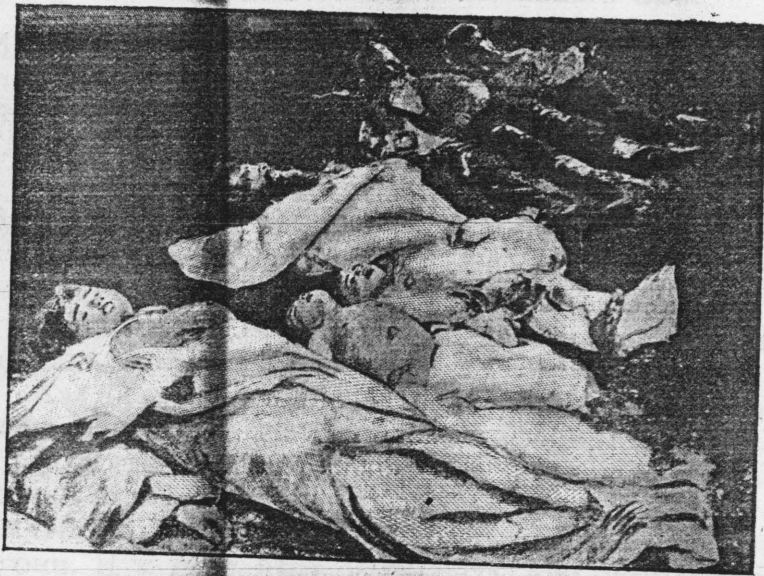
Когда въ квартиру еврея М. ворвались полиція и громилы и начали бить его, а также и жену его, а имущество грабить и ломать, этому еврею удалось съ большимъ трудомъ выскочить на улицу; избитый, израненный, весь въ крови, онъ бросился къ ногамъ дежурившего офицера и просилъ защитить его. Офицеръ сурово взглянулъ на него и сказалъ: «Благовари Бога, что тебя, жида, совсѣмъ не убили,—что еще живъ-пока!»

А еврей продолжалъ стоять на колѣняхъ и низко кланяться въ ноги, увѣряя офицера въ своей невин-

ности. Изъ лавки его, между тѣмъ, тащили имущество и оттуда раздавались крики избиваемой жены.

Въ эту минуту подъѣхалъ начальникъ охраны Богаевскій и подозвалъ къ себѣ офицера.

Еврей съ тѣми же мольбами о защитѣ обратился къ Богаевскому, но генералъ, посмотрѣвъ на эту преклоненную фигуру окровавленнаго еврея и на всю картину грабежа, ни слова не сказалъ, продолжая бесѣду съ офицеромъ; между тѣмъ картина грабежа его ла-

Снимокъ съ убитой семьи Кацъ.

вочки нисколько не измѣнялась: такъ же продолжали бить его жену, такъ же выносили его добро изъ лавочки, какъ будто старшаго лица военной охраны, генерала Богаевского, здѣсь не присутствовало.

«Каковъ попъ, таковъ и приходъ», говоритъ русская пословица, а «попъ», въ лицѣ г-на Богаевского, очень хорошій...

«Приходъ» г-на Богаевского, т. е. г-да офицера, былъ много прямолинейнѣе своего попа. Офицеры не молчали и не отворачивались отъ отдѣльных эпизодовъ погрома, а совершенно открыто, съ поразитель-

нымъ цинизмомъ играли роль руководителей. Они направляли громилъ на опредѣленные улицы и даже поздравляли ихъ:

«Съ праздникомъ, братцы!»

Надо отдать дань справедливости и удостовѣрить, что солдаты во многихъ случаяхъ оказались чловѣчнѣе своего начальства и по собственному почину спасали несчастныхъ жертвъ отъ смерти. Напримѣръ, цитированный выше случай съ генераломъ Богаевскимъ, который «отвернулся» отъ молившаго о помощи чловѣка, закончился слѣдующимъ образомъ:

Когда уѣхалъ генералъ, а офицеръ куда-то отлучился, стоявшій тутъ же солдатикъ N сдѣлалъ знакъ еврею рукой, отвелъ его въ сторону и сказалъ, что сейчасъ спасетъ и его, и жену его. Затѣмъ пошелъ за женой, освободилъ ее изъ рукъ убійцъ и незамѣтно для другихъ отвелъ обоихъ на чердакъ и тамъ ихъ схоронилъ; при этомъ онъ сказалъ имъ: «Сидите до воскресенья и носу никуда не показывайте, а то васъ сейчасъ же убьютъ, а въ воскресенье, сказываютъ, все будетъ кончено и евреевъ убивать больше не будутъ. Объ ѣдѣ и питьѣ я позабочусь. Сидите тихо и меня не выдавайте!»

Зарегистрировано еще нѣсколько случаевъ, когда отдѣльные солдаты проявляли чувство чловѣколюбія и спасали людей изъ лапъ убійцъ и полиціи.

Вотъ очень характерный фактъ:

Околодочный Байбакъ (кстати, послѣ погрома въ Бѣлостокѣ, его перевели въ Вильну, но, по единодушнй мольбѣ населенія, убираютъ и оттуда) съ солдатами врывается въ одну изъ квартиръ дома Брискера, на Загородной улицѣ.

Начинается грабежъ подъ предлогомъ обыска.

Все перерыто въ убогой квартиркѣ ютящейся здѣсь бѣдности. Ящики взломаны, перины перепороты, все бросается на полъ, а болѣе цѣнное исчезаетъ въ карманѣ Байбака и поощряемыхъ имъ солдатъ.

Полуживая отъ страха, съ трепетомъ ждетъ рѣше-

нія своей участи хозяйка угла Хая Колесникъ (пишу съ ея словъ).

Но вотъ свирѣные грабители насытились... Карманы наполнены!..

Но не насытился еще лютый Байбакъ!

Крови, ему нужно крови!

Подлая трусливая натура хищника проснулась, забурлилъ инстинктъ, и, словно коршунъ, намѣчающій себѣ вѣрную жертву, Байбакъ обвелъ комнату жаднымъ, ужаснымъ взглядомъ.

Хая упала на колѣни и въ инстинктивномъ ужасѣ ловила ноги тирана, чтобы поцѣловать ихъ.

Онъ грубо толкнулъ ее каблукомъ, окровавивъ блѣдное и испуганное лицо женщины!

— Стрѣляй!—громовымъ голосомъ крикнулъ Байбакъ солдатамъ, указывая на Хаю.

Солдаты покорно взяли ружья на прицѣлъ.

— Пощадите! Ратуйте! Я—солдатка! Мой мужъ на Востокъ теперь! Пощадите! Не убивайте!

Слово «солдатка» произвело магическое дѣйствіе на солдатъ. Винтовки опустились.

— Солдатка?—недовѣрчиво переспросилъ одинъ изъ солдатъ, — ой, врешь!

Хая бросилась къ разгромленнымъ ящикамъ и достала пачку писемъ отъ мужа съ войны.

Солдаты просмотрѣли письма, переглянулись и смущенно попятились назадъ.

Они хотѣли убить жену солдата такого же, какъ и они. И у нихъ вѣдь у многихъ есть жены, сестры... Что изъ того, что солдатъ тотъ — «жидъ», онъ такъ же и такую же несетъ службу, какъ и они. А главное солдатъ — не «крамольникъ» и *никому не опасенъ*...

Но вотъ опять закричалъ страшный Байбакъ:

— Стрѣляйте! А если вы будете жалѣть жидовъ,—стрѣляйте въ мою грудь!..

— Нѣтъ, мы не будемъ стрѣлять въ жену солдата,—глухимъ, рѣшительнымъ голосомъ отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ,—ейный мужъ не бунтарь,—а нашъ, свой братъ!..

И они не могли раздѣлить желанія полицейскаго

убивать всѣхъ безъ разбора. Ихъ увѣряли, что всѣ жиды «крамольники», что всѣ жиды страшны и опасны для русскихъ, а вотъ здѣсь они встрѣтили жену жида, но жида-солдата! Онъ тамъ дрался на войнѣ во имя защиты общей родины—Россіи...

И солдаты рѣшительными шагами вышли изъ квартиры.

Жизнь женщины была спасена.

И эти отдѣльные факты даютъ намъ право сказать, что, обвиняя *войска* въ бѣлостокскихъ ужасахъ, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, *офицеровъ* всѣхъ ранговъ, потому что звѣрствовавшие солдаты «не вѣдали, что творили», и являлись слѣпымъ оружіемъ въ рукахъ «убѣжденныхъ погромщиковъ».

Мы не будемъ терзать нервы читателя описаніемъ другихъ ужасовъ, хотя могли бы заполнить ими еще десятки страницъ. Мы еще ни слова не сказали объ *изнасилованныхъ женщинахъ и дѣвочкахъ, которыхъ, съ разрыванными половыми органами и распоротыми животами, съ чердаковъ и верхнихъ этажей выбрасывали на улицу...* мы не говорили о грудныхъ дѣтяхъ, разможенныхъ о камни мостовой на глазахъ у матерей... о раненыхъ, которые просили воды, и которымъ въ отвѣтъ на ихъ просьбу всовывали въ ухо горящую папирску или втыкали въ ротъ штыкъ...

Довольно! Всякому нервному напряженію есть границы, и читая эти строки, читатель, вѣроятно, очень близокъ къ этимъ границамъ.

Въ видѣ эпилога передадимъ рассказъ одного журналиста о его встрѣчѣ съ уцѣлѣвшими дѣтьми несчастнаго Айнштейна.

Описавъ ужасныя подробности этого убійства, по своей жестокости обратившаго на себя вниманіе даже среди ужасовъ Бѣлостока, журналистъ говоритъ:

«Обо всемъ этомъ съ поразительнымъ, ледянымъ спокойствіемъ рассказывала намъ уцѣлѣвшая восемнадцатилѣтняя дочь Айнштейна; младшая же дочь, тоже уцѣлѣвшая, все время дрожала непрерывной мелкой дрожью. Сосѣди плакали, а странная дѣвушка одна

только не теряла своего спокойствія, ровности голоса и неподвижности взгляда.

— Она помѣшалась, — шепнулъ мнѣ кто-то изъ присутствовавшихъ. Съ того самого дня.

Въ ожиданіи погребенія.

И я понялъ тайну этого спокойствія...
Оставшіяся въ живыхъ дѣти Айнштейна показы-

вали мнѣ въ огородѣ, въ разныхъ мѣстахъ, но близко одно отъ другого, темно-коричневые пятна.

— Вотъ здѣсь убили отца, — твердили эти малыши въ изодранныхъ курточкахъ (одежду раздираютъ евреи въ знакъ траура еще съ библейскихъ временъ).

— А здѣсь, вотъ, брата убили...

Опять невинное и почти невидное пятно между травой. Тамъ беззаботно бѣгаютъ разные букашки, и все такъ мирно вокругъ, а малыши такъ дѣловито-серьезны.

Эти пятна все, что осталось тутъ на мѣстѣ отъ отца и матери, отъ братьевъ и сестеръ...

И сколько еще жертвъ «краснаго смѣха» далъ этотъ новый актъ «политики» русскаго правительства! Трудно подсчитать всѣхъ убитыхъ и раненыхъ въ Бѣлостокѣ, но еще труднѣе установить число тѣхъ несчастныхъ, которые, на горе себѣ и своимъ близкимъ, остались жить

...какъ звѣри,
Въ вѣчномъ мракѣ ночи,
Съ безумія печатью на челѣ...

Нѣтъ такихъ словъ на человѣческомъ языкѣ, нѣтъ выраженій, которыми можно было бы высказать чувство ужаса и негодованія, переполняющее сердце всякаго, кто еще не совсѣмъ пересталъ быть человѣкомъ.

Проклятіе убійцамъ! Подъ судъ народа истинныхъ виновниковъ Бѣлостокскихъ ужасовъ, петербургскихъ сановныхъ палачей и погромщиковъ, и всѣхъ исполнителей ихъ безумныхъ распоряженій!!

Зимель Цукерманъ, Берель Патъ и Морухе Левинъ, убитые 1 іюня.
(Описаны въ думскомъ докладѣ).

V.

Бѣлостокскій погромъ, печать и Европа.

Давно уже, со времени армянской рѣзни въ Турціи, по всей Европѣ не проносился такой единоклубный, мощный шквалъ негодованія, какой поднялся послѣ Бѣлостокской бойни. Буржуазная Европа, уже давно съ тревогой поглядывающая на волнующаго великана, наконецъ не выдержала и заговорила языкомъ, не совсѣмъ привычнымъ для нея обычной буржуазной сдержанности. Мы намѣренно не будемъ цитировать статей радикальныхъ или даже социалистическихъ органовъ, чтобы не навлечь на себя упрека въ тенденціозности и пристрастности цитатъ. Мы возьмемъ изъ массы имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала всего лишь 5—6 выдержекъ, причемъ обязуемся совершенно не трогать газетъ, настроенныхъ оппозиціонно къ буржуазіи.

Прежде всего, конечно, бросимъ взглядъ во Францію. Казалось-бы, что союзница русской бюрократіи, до самаго послѣдняго времени щедрой рукой дававшая деньги на нагайки и висѣлицы, должна придерживаться точки зрѣнія русскаго «правительства», въ дырявыхъ карманахъ котораго потонуло такъ много французскаго золота...

Газета «Le Temps», своего рода французскій «Правительственный вѣстникъ» (или, если хотите, новоиспеченная «Россія»), по поводу историческаго засѣданія Государственной Думы отъ 8-го іюня помѣстила слѣдующія строки, особенно характерныя именно для органа, выражающаго мнѣніе французскаго правительства:

«Рѣчь Стишинскаго и особенно рѣчь Урусова являютъ двумя обвинительными актами — косвеннымъ и

прямымъ—противъ скандальной анархіи, царящей въ русской администраціи, агенты которой устраиваютъ въ своихъ бюро лабораторіи для подготовки рѣзни и пользуются казенными типографіями для призывовъ къ убійству. То, что сказалъ Урусовъ, есть сама истина. Нѣтъ въ Европѣ режима болѣе анархическаго, чѣмъ русское самодержавіе. То, что теперь публично заявляетъ Дума, извѣстно всему міру вотъ уже нѣсколько лѣтъ. И ни корона, ни министры ничего не сдѣлали, чтобы уничтожить зло. Какіе аргументы могутъ они теперь привести въ пользу устраненія отъ парламентскаго контроля власти, которую они сами выпустили изъ рукъ? Какъ они могутъ требовать къ себѣ уваженія, когда они не сумѣли внушить послушаніе своимъ подчиненнымъ?»

Въ томъ-же «Le Temps» появилось письмо извѣстнаго французскаго журналиста А. Леруа-Болье, который превосходно знаетъ Россію и былъ «близко вхожъ» ко многимъ русскимъ министрамъ, изъ которыхъ особенную нѣжность питаетъ къ С. Ю. Витте.

Леруа-Болье пишетъ:

«Эта анархія, которая въ теченіе двухъ лѣтъ покрыла кровью одну за другой всѣ провинціи обширной русской имперіи, не только терпѣлась, но, можно сказать, пользовалась покровительствомъ и поддержкой таинственныхъ вліяній, которыя дѣйствовали подѣ сънью императорскаго дворца. Этимъ думали предотвратить то, что русскіе называютъ уже революціей. Чтобы отстранить массы отъ революціонной пропаганды, ихъ возбуждаютъ противъ евреевъ и неправославныхъ, какъ враговъ царя и народа. Чтобы избѣжать на будущее время повторенія этихъ ужасныхъ звѣрствъ, необходимо немедленно провести въ жизнь равенство всѣхъ передъ закономъ и административную реформу, связанную съ переменой личнаго состава самой администраціи».

Письмо заканчивается словами, знаменательными для «министерскаго» журналиста:

«Смѣлая реформа въ этомъ направленіи будетъ лучшимъ средствомъ въ борьбѣ съ революціей. Пойметъ

ли это правительство? Я хочу этого для блага императора и имперіи; но, по правдѣ сказать, послѣ всѣхъ ошибокъ, сдѣланныхъ правительствомъ, я не смѣю рассчитывать на это».

Понять-то они это, пожалуй, и поймутъ, но принести свои грѣшные и безгрѣшные доходы въ жертву, хотя-бы даже благу Императора и Имперіи, это *attendez, monsieur Leroual*! У насъ въ Россіи говорятъ «своя рубашка ближе къ тѣлу», а затѣмъ очень любятъ французское изреченіе: «*après nous le deluge*» (послѣ насъ пусть хоть потопъ будетъ).

«*Siècle*», органъ, тоже очень дружественный русскому правительству, м. п. говоритъ:

«Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что избіенія евреевъ въ Россіи устраиваются жандармеріей по указаніямъ, исходящимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Князь Урусовъ имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ во время своего пребыванія въ министерствѣ и имѣлъ мужество открыто заявить объ этомъ въ Думѣ. Его рѣчь—одинъ изъ самыхъ важныхъ актовъ современной русской исторіи».

И вслѣдъ затѣмъ помѣщаетъ слѣдующія строки, написанныя гр. Толстымъ въ отвѣтъ на запросъ о его мнѣніи относительно погромовъ въ Россіи:

«Я стремился выяснитъ себѣ еврейскій вопросъ въ Россіи, исходя изъ историческихъ, социальныхъ и другихъ соображеній; при этомъ мнѣ никогда не приходило въ голову, что подобныя размышленія излишни, что всѣ эти жестокости являются просто слѣдствіемъ нравственной тупости и несправедливаго насилия. Теперь, послѣ погромовъ въ Кіевѣ, Кишиневѣ и Бѣлостокѣ, я вижу ясно, что во всемъ этомъ несчастіи виноваты лишь преступныя власти. Полиція гарантирована, что она можетъ безнаказанно совершать тяжкія преступленія, и съ этой гарантіей она убиваетъ евреевъ, поджигаетъ ихъ дома, подвергаетъ изнасилованію ихъ женъ. Такъ, извѣстны случаи, когда полицейскіе разрывали безпомощныхъ дѣтей на двѣ части душили ихъ въ кипяткѣ, съ бѣшеной безсердечностью отрывали грудныхъ дѣтей отъ матерей, чтобы швыр-

нута ихъ на мостовую. Все это есть дѣло лишь холодно обдумывавшихъ преступленіе подстрекателей, возбуждающихъ темную толпу до безсознательнаго состоянія. Эти гнусные правители могутъ во всякое время, если пожелаютъ, вновь вызвать погромы; въ ихъ же власти остановить ихъ. У нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ властей это дѣлается настолько открыто, что губернаторы нашли уже точную формулу, чтобы по желанію руководить погромами.

Одинъ губернаторъ пишетъ полицеймейстеру: «Ты отвѣтствененъ передо мной за спокойствіе въ своемъ городѣ». Начальникъ полиціи понимаетъ формулу, и не происходитъ рѣзни евреевъ. Съ другой стороны, призывъ къ погрому облачается въ слѣдующую фразу, съ которой другой губернаторъ обратился къ городскимъ головамъ и полицеймейстерамъ: «Вы не должны ни въ какомъ случаѣ допускать, чтобы кто-либо разстраивалъ населеніе». Въ Кишиневѣ одинъ нижній полицейскій чинъ хотѣлъ изъ состраданія защитить еврея. Полицейскому крикнули: «населеніе нельзя разстраивать». И полицейскій убилъ еврея.

Въ «Le Journal», всегда заигрывавшемъ съ русскими погромщиками, читаемъ:

«Бѣлостокскія убійства возвращаютъ насъ къ самымъ мрачнымъ временамъ русскаго кризиса. Впрочемъ, бѣлостокскій погромъ есть только одинъ изъ симптомовъ крайне запутаннаго положенія. Анархія вверху, среди правительства, пораженнаго параличемъ и неспособнаго управлять; анархія внизу, въ сотнѣ милліоновъ крестьянской массы, нетерпѣніе которой начинаетъ проявляться жакеріями; недовольство во флотѣ и арміи, агитація среди рабочихъ и угроза всеобщей стачки. Такова картина.

Самое худшее то, что не видно лѣкарства для этихъ бѣдствій. Надежды на Думу рухнули. Народное собраніе существуетъ всего мѣсяцъ, а его безсиліе уже ясно для всѣхъ. Между правительствомъ и палатой легла пропасть, уничтожившая всякую возможность соглашенія между ними.

Во всякой другой странѣ одинъ изъ двухъ факто-

ровъ, наиболѣе слабый, исчезъ бы. Въ Россіи продолжаютъ существовать оба противника. Они презираютъ другъ друга, но ни одинъ изъ нихъ не хочетъ взять на себя отвѣтственность за неизбежный конфликтъ. Каждый пытается выиграть время.

Мы не будемъ цитировать изъ англійскихъ либеральныхъ газетъ, вродѣ «Tribune», «Morning Post», «Daily Telegraph» и другихъ, требующихъ европейскаго вмѣшательства и отмѣны захода англійскаго флота въ русскіе порты, такъ какъ *«всякое общеніе съ правительствомъ убійцы покрываетъ англійскій народъ позоромъ»*.

А возьмемъ лишь строго-буржуазную, академически-серьезную газету «The Times» и найдемъ въ немъ статью, помѣченную 18 іюня, или 5 іюня по нашему стилю. Слѣдовательно, статья была напечатана до разоблаченія кн. Урусова и до выясненія всѣхъ ужасныхъ подробностей Бѣлостока.

Статья, кстати сказать, занимающая три огромныхъ столбца, начинается съ общихъ мѣстъ.

«Всѣ извѣстія изъ Россіи за послѣднія нѣсколько недѣль указываютъ, что внутреннее состояніе Россіи все болѣе и болѣе ухудшается. Буквально каждый день приходится читать о новыхъ взрывахъ и безпорядкахъ, возникающихъ одновременно во всей странѣ. А ко всему этому полиція занимается организаціей массовыхъ убійствъ евреевъ. Таковъ погромъ въ Бѣлостокѣ. Общество выражаетъ опасеніе, что избіеніе евреевъ въ Бѣлостокѣ есть только начало и провозвѣстникъ цѣлой серіи погромовъ. Это опасеніе подтверждается цѣлымъ рядомъ совершенно неопровержимыхъ доказательствъ».

Затѣмъ, перейдя специально къ Бѣлостоку, она говоритъ:

«Трудно отыскать достаточно рѣзкія выраженія для осужденія той дикой жестокости и подлой предумышленности, съ какой былъ подготовленъ и произведенъ бѣлостокскій погромъ. Войска были выведены на улицы специально для того, чтобы не дать евреямъ возмож-

ность бѣжать отъ убійцъ, войска эти спокойно присутствовали при грабежахъ и избіеніяхъ; а затѣмъ власти сфабриковали завѣдомо ложныя телеграммы, официально распространенныя, что будто бы евреи бросали бомбы въ христіанскую процессію. Такое поведеніе вполне оправдываетъ негодующія угрозы, раздающіяся въ Думѣ».

Кончается эта серьезная, сдержанная статья указаніемъ на переживаемыя русской бюрократіей финансовыя затрудненія:

«Но во всякомъ случаѣ, до конца года правительству понадобится сумма въ 200 милл. руб., а при отсутствіи всякой увѣренности въ будущемъ сумму эту будетъ почти невозможно достать. Послѣдній заемъ былъ реализованъ только потому, что въ Европѣ царило глубокое убѣжденіе, что занятые деньги не будутъ использованы для борьбы съ Думой и что созывъ ея означаетъ начало конституціоннаго или квази-конституціоннаго періода въ Россіи. Событія послѣднихъ пяти недѣль, конечно, не могутъ побудить иностранныхъ банкировъ повторить весенній экспериментъ, тѣмъ болѣе, что позиція, занятая министерствомъ Горемыкина, не даетъ никакихъ основаній предполагать и надѣяться на улучшеніе политическаго положенія и на большую устойчивость русской политики. Эффектъ бѣлостокскаго погрома уже сказался въ близкомъ къ паникѣ безпокойствѣ, охватившемъ всѣ биржи, и въ огромномъ паденіи русскихъ цѣнностей въ Берлинѣ и Парижѣ».

Нѣмецкая буржуазная печать гораздо прямолинейнѣе. Возьмемъ двѣ статьи изъ газетъ «Frankfurter Zeitung» и «Berliner Tageblatt», кстати же послѣдняя близко принимала къ сердцу интересы одного изъ русскихъ сановниковъ, В. И. Тимирязева, въ бытность его финансовымъ агентомъ въ Берлинѣ, и всегда спѣшила сообщить, что въ Россіи «все обстоитъ благополучно».

«Berliner Tageblatt» пишетъ въ передовой статьѣ: «Въ странахъ не находящихся въ сферѣ русскаго вліянія, начинаютъ уже ставить вопросъ, не связана ли съ существованіемъ варварскаго русскаго государства уже сама по себѣ опасность для европейскихъ, болѣе культурныхъ государствъ. Отголоски бѣлостокскихъ ужасовъ въ парламентахъ Англіи и Австріи показываютъ, что терпѣніе Европы приходитъ къ концу. Вопросъ идетъ не о насильственномъ вмѣшательствѣ въ русскія дѣла, а о нежеланіи молча стоять передъ возмутительными злодѣяніями, которыя происходятъ съ одобренія администраціи. Вѣдь теперь не времена Тамерлана или Карла IX во Франціи.

Общественное мнѣніе Европы, несомнѣнно, не останется безъ вліянія на варварское правительство Россіи... Хаосъ, который творится сейчасъ въ Россіи, недалеко отъ нашей границы, представляетъ собою для насъ, какъ сосѣдей, тѣмъ большую опасность, чѣмъ дольше онъ продолжится. И не только несчастные евреи, но и весь русскій народъ нуждается въ сочувствіи Европы... Передъ протестами цѣлой Европы не долго устоитъ и русская бюрократія!»

А въ «Frankfurter Zeitung» мы читаемъ: «Кровавыя событія въ Бѣлостокѣ очень характерны для излюбленныхъ до сихъ поръ въ Россіи методовъ управленія. Было бы совершенно напраснымъ трудомъ пытаться снять съ петербургскаго правительства отвѣтственность за поведеніе мѣстныхъ властей, такъ какъ, если бы министерство внутреннихъ дѣлъ и оказалось непричастнымъ къ избіенію евреевъ въ Бѣлостокѣ, то все-таки остается фактомъ то поистинѣ неслыханное обстоятельство, что ни одинъ изъ виновниковъ предыдущихъ погромовъ не былъ наказанъ, и, такимъ образомъ, была санкціонирована безнаказанность погромовъ».

Первое извѣстіе о томъ, что погромъ вызванъ самими евреями, бросившими бомбу въ христіанскую процессію, официально опровергнуто теперь самимъ

правительствомъ. Никакихъ покушеній на христіанъ со стороны евреевъ не было. Извѣстно только, что кто-то стрѣлялъ въ процессію, но кто, объ этомъ официальное сообщеніе умалчиваетъ. Если бы у правительства была малѣйшая возможность взвалить вину на евреевъ, оно не преминуло бы обвинить ихъ. Всѣ увѣряютъ, что никакой національной вражды между евреями и христіанскими національностями не было. Остается единственная версія, что выстрѣлы въ процессію были сдѣланы тѣми же людьми, которые въ октябрѣ вызвали еврейскіе погромы въ 70 городахъ. Всѣ факты говорятъ за то, что ужасающій погромъ въ Бѣлостокѣ, если и не былъ прямо устроенъ властями, то произошелъ и подготовленъ онъ былъ при самой дѣятельной поддержкѣ и поощреніи съ ихъ стороны. На это указываетъ и болѣе чѣмъ странное поведеніе полиціи и войскъ во время погрома. Европейцу трудно даже повѣрить въ такіе неоспоримо установленные факты, что полиція и войска спокойно и не вмѣшиваясь смотрѣли на то, какъ на ихъ глазахъ убивали и грабили.

Ссылаются на то, что Бѣлостокъ—центръ революціонной дѣятельности, но вѣдь то, что среди 70-ти тысячъ жителей Бѣлостока много евреевъ—революціонеровъ, не даетъ еще права убивать и грабить ни въ чемъ неповинныхъ жителей только потому, что они евреи. Правительство легко можетъ не допустить еврейскихъ погромовъ. На Пасхѣ, когда Россіи нуженъ былъ заемъ и когда надо было особенно сильно считаться съ настроеніемъ европейскаго общественнаго мнѣнія, погромы не были допущены, и впервые за нѣсколько лѣтъ Пасха прошла спокойно для евреевъ. Бѣлостокскій погромъ служитъ самымъ лучшимъ опроверженіемъ слуховъ о новомъ займѣ; о займахъ пока русское правительство не думаетъ.

Совершенно невозможно понять то обстоятельство, что русское правительство, которое въ финансовомъ отношеніи находится въ полной зависимости отъ об-

щественнаго мнѣнія цивилизованнаго міра, не пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы помѣшать избіенію ни въ чемъ неповинныхъ людей. Но если русское правительство не хочетъ или не можетъ этого сдѣлать, то иностраннымъ государствамъ, жизни и имуществу подданныхъ которыхъ грозитъ серьезная опасность, придется сдѣлать Россіи самыя рѣшительныя представленія; а если представленія останутся безрезультатными, то Европа вынуждена будетъ принять соотвѣтствующія мѣры».

Австрійская «Neue Freie Presse» говоритъ:

«Рѣдко бывали жестокости, которыя совершались бы такъ хладнокровно, съ такимъ сознательнымъ, организованнымъ наслажденіемъ отъ преступленія... Эта испорченность, которая дѣлаетъ изъ солдата и полицейскаго организатора и знаменосца грабежа, гдѣ сверху доставляются средства, оружіе и водка, создающая не-обходимое настроеніе, войдетъ въ исторію, не имѣя себѣ ничего равнаго... Пора Европѣ спросить себя, не время ли выступить по отношенію къ Россіи въ той же роли, какую она взяла на себя по отношенію къ Китаю и Турціи. Если здѣсь не можетъ быть воздѣйствія силой, то во всякомъ случаѣ Европа должна возвысить свой громкій голосъ протеста противъ такихъ ужасовъ».

Даже рептиліи и реакціонныя газеты не рѣшаются говорить въ тонѣ русскаго «правительственнаго сообщенія», а или помѣщаютъ извѣстія о русскихъ ужасахъ безъ комментариевъ, или же робко говорятъ, что «такъ нельзя, надо бы какъ-нибудь полегче»...

Напр. «Der Tag», не уступающій вообще русскому Берговскому «Дню», то негодованіе, которое онъ, очевидно, не смѣетъ излить на русское правительство, изливаетъ на... русскую и европейскую биржи, гдѣ русскія бумаги неизмѣнно продолжаютъ падать, и патетически спрашиваетъ:

«Долго ли Европа будетъ молча терпѣть русскіе

беспорядки, которые грозятъ отнять у германскихъ капиталистовъ 5—6 миллиардовъ марокъ»?

Бѣлостокскія событія расшевелили даже итальянскихъ клерикаловъ. Такъ, напр., папскій нунцій Пигнателли рѣшилъ помѣстить въ «L'Uomo di Pietra» статью, въ которой, несомнѣнно, не безъ вѣдома Ватикана, пишетъ:

«Бѣлостокское преслѣдованіе евреевъ по-истинѣ ужасно. Всякій мало-мальски чувствующій человѣкъ долженъ относиться къ нимъ съ величайшимъ содроганіемъ. Церковь не можетъ отнестись къ нимъ иначе, какъ съ глубокимъ осужденіемъ. Папы всегда подобныя преслѣдованія предавали проклятію. И въ Россіи этого проклятія заслуживаютъ не столько многочисленные исполнители, сколько немногіе руководители».

Но замѣчательнѣе всего отзывы о Россіи журналистовъ—турокъ, тѣхъ самыхъ турокъ, изъ кровавыхъ лапъ которыхъ Россія нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ освобождала «братушекъ», тѣхъ турокъ, которыхъ Европа заклеимила позоромъ за ихъ жестокое обращеніе съ армянами.

Одна изъ младотурецкихъ газетъ пишетъ:

«Какое высокое наслажденіе долженъ испытать честный гражданинъ, назвавъ публично министра подлецомъ! Это острое удовольствіе сейчасъ переживаютъ наши товарищи въ Таврическомъ дворцѣ. Мы поражены наглостью русской бюрократіи. Мы глубоко увѣрены, что наши тупоголовые министры были бы куда умнѣе. Если бы нашего Мамедъ-Пашу назвали публично «Каиномъ», онъ, возвратившись домой, навѣрное сдѣлалъ бы себѣ послѣднюю болѣзнь. Стыдно послѣ этого смотрѣть себѣ самому въ глаза. Увы, русскіе министры гораздо проще. Они смотрятъ на народныхъ представителей, какъ на собраніе революціонеровъ, и, получивъ пощечины, — успокаиваются. Послѣдняя рѣчь русскаго министра есть издѣвательство надъ цѣлою страню. Возмутительна та безцеремонность, съ какой г. Столыпинъ отвѣчаетъ на запросы.

Мы хорошо знаемъ его дѣятельность въ Саратовѣ, когда онъ распоряжался губерніею, какъ собственнымъ имѣніемъ. Наши единовѣрцы сообщали намъ, что онъ продѣлывалъ надъ крестьянами. И только благодаря г. Столыпину саратовцы обязаны временному генералъ-губернаторству. Насъ, конечно, не удивило его назначеніе на отвѣтственный постъ министра внутреннихъ дѣлъ, потому что послѣ блаженной памяти г. Дурново охотниковъ было мало. Но, съ другой стороны, мы не можемъ не восхищаться ими. Передъ нами мелькаетъ цѣлый рядъ знаменитыхъ именъ, которыхъ Россія никогда не забудетъ. Настоящими революціонерами земли русской, можетъ быть не совсѣмъ обыкновенными, но несомнѣнно самыми дѣятельными, являются гг. Витте, Дурново, Столыпинъ, Стишинскій, Побѣдоносцевъ, гр. Игнатьевъ, Треповъ, Дубасовъ, Чухнинъ, Алихановъ, два сибирскихъ героя, Бауеръ, Тимофѣевъ, Грязновъ, Ширинкинъ, Минъ, Римапъ и множество еще неизвѣстныхъ палачей, то-бишь патріотическихъ революціонеровъ. Народъ русскій проснулся отъ вѣковой спячки, и конечно, смететъ всю эту гниль, но пока гг. патріотическіе революціонеры дѣлаютъ свою гнусную работу. *Погромъ въ Бѣлостоку по своей свирѣпости, жестокости далеко превосходитъ всѣ ужасы армянской рѣзни въ Константинополѣ.* У насъ это злодѣяніе давно получило должную оцѣнку. Мы теперь понимаемъ, почему русская бюрократія не препятствовала проявленію патріотическихъ чувствъ турокъ надъ армянами. Она то же самое устроила у себя на родинѣ, и бойни на Кавказѣ ничуть не отличаются отъ турецкихъ. Все по одному образцу. Каждый гражданинъ, въ комъ еще не заснуло чувство человѣка, возмущенъ злодѣяніемъ въ Бѣлостоку, и мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что и здѣсь не обошлось безъ участія нѣкоторыхъ изъ вышепоименованныхъ лицъ. Да будетъ проклятіе убійцамъ и насильникамъ за невинно пролитую кровь. Позоромъ заклеимитъ ихъ весь цивилизованный міръ. Кровь

человѣческая да будетъ имъ теперь всякимъ напиткомъ».

Но это, такъ сказать, газета «крамольная». Газеты, близкія къ Ильдизъ-Кіоску, конечно не могутъ мечтать о прелести преподнесенія министру титула «подлеца» и «Каина», онѣ стараются какъ-будто даже дружески хлопать Россію по плечу. Вотъ, напримѣръ, турецкая умѣренно-либеральная газета «*Джериде-и-Ме-хакимъ*» пишетъ: «*Странныя вещи* творятся въ Россіи! Съ одной стороны, какъ будто бы свобода печати, съ другой—еще тяжелѣе, чѣмъ было до 17 октября. Прежде газеты въ Россіи издавались большей частью купцами или помѣщиками, теперь—депутатами Государственной Думы. Закроютъ одну газету, на другой день выходитъ она же, но подъ другимъ названіемъ. Странная исторія—намъ непонятна. Прежде былъ цензоръ, хотя и мало понимавшій въ литературѣ, но зато специальный человѣкъ; теперь этимъ дѣломъ занялись прокуроры, въ большинствѣ случаевъ еще невѣжественнѣе старыхъ цензоровъ. Съ одной стороны, членъ Государственной Думы лицо неприкосновенное, съ другой—его отдаютъ подъ судъ. Какъ же его будутъ судить? Статей въ новомъ русскомъ законѣ сотни, на самомъ же дѣлѣ это не статьи, а какія то не то правила, не то приказанія. Не лучше ли было бы совершенно уничтожить нежелательныя газеты и тѣмъ самымъ облегчить и безъ того пустую казну. Когда то русскіе люди смѣялись надъ нами. Говорили, что турецкая казна не въ силахъ платить даже чиновникамъ. Но мы хорошо знаемъ, что не далеко то время, когда правительству нечѣмъ будетъ заплатить арміи. Время это надвигается и оно не за горами. Мы лишь отъ души можемъ сказать, что чувствуемъ себя счастливыми подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ нашего обожаемаго султана. Ничего подобного съ нами не произойдетъ. Мы слышали, что султанъ *изъявилъ желаніе помочь дружественной державѣ* и выплатить старый долгъ изъ *собственныхъ суммъ*».

Не знаю, что лучше: откровенная брань или обѣщаніе *денежной помощи* со стороны потерявшего всякій кредитъ и престижъ султана!

Оффиціальныи органъ Порты, «Такимъ-и-Вакай», увѣряетъ своихъ читателей, что въ Турціи теперь значительно лучше и спокойнѣе, чѣмъ въ Россіи, и что правовѣрные должны всечасно благодарить великаго Аллаха, что онъ послалъ имъ такого хорошаго и просвѣщеннаго султана, какъ Абдуль-Хамидъ. «Хорошо ли теперь въ Россіи?» спрашиваетъ газета, и продолжаетъ: «Кругомъ полное разореніе, торговля упала, жизнь стала дешевле тухлыхъ яицъ. Убіиства происходятъ ежедневно и т. д., и т. п.»

И, вѣдь, турецкій оффиціозъ, пожалуй, и правъ! Говоря специально о еврейскихъ погромахъ въ Россіи, газета, забывая объ армянской рѣзнѣ и о многомъ иномъ, утверждаетъ, что

«въ Турціи ничего подобнаго никогда не могло-бы случиться, потому что передъ великимъ султаномъ всѣ подданные равны, и повелитель правовѣрныхъ никогда не допуститъ въ своей странѣ такого позора, который переживаетъ Россія».

До какой же степени бѣдная Россія, благодаря разнымъ Плеве, Треповымъ, Столыпинымъ, Рождественскимъ, Чухнинымъ, Дубасовымъ, Бадерамъ и прочимъ паразитамъ, должна была упасть во мнѣніи другихъ державъ, если даже *Турція*, всѣми презираемая, выполняющая приказы любого правительства, осмѣливается въ своемъ оффиціальномъ органѣ плевать Россіи въ лицо и говорить:

«вотъ, говорили, что я низко пала!
Есть и похуже меня. Я-то еще
могу помочь Россіи, а Россія и
сама себѣ помочь не можетъ!»

Позоръ, безграничный, невѣроятный позоръ!

Этотъ позоръ сознается безусловно всѣми держа-

вами. Мы уже видѣли, что печатные органы, которые прежде относились къ Россіи дружественно, теперь рѣзко осуждаютъ ее, и этотъ переворотъ произвелъ Бѣлостокъ. Всюду, въ Европѣ и за океаномъ, происходили и происходятъ грандіозные митинги протеста противъ русскихъ звѣрствъ. Въ Лондонѣ въ палату общинъ вносится запросъ относительно того, не намѣрено-ли англійское правительство, вмѣсто посѣщенія флотомъ Кронштадта, активно вмѣшаться и помѣшать дальнѣйшей бойнѣ въ Россіи. Нѣмцы на цѣломъ рядѣ митинговъ и собраній совершенно недвусмысленно говорятъ объ оккупации (т. е. занятіи войсками) русской Польши. Въ Германскій рейхстагъ вносится соотвѣтственный запросъ.

Въ Парижѣ воззваніе, подъ которымъ подписались видные дѣятели науки и литературы; въ числѣ подписей: Анатоль Франсъ, вдова Эмиля Золя, профессора Сеньобось, Поссе, Меллеръ и др., а также нѣсколько сенаторовъ и депутатовъ. «Эти рѣзни и погромы,—гласить воззваніе—предвѣщены еще два мѣсяца тому назадъ. Это только прелюдія грандіознаго плана, и мы полагаемъ, что мы явимся выразителями общественнаго мнѣнія, прося наше правительство не оставаться больше инертнымъ къ преступленіямъ русскаго режима и сдѣлать чрезъ посла въ Петербургѣ представленія, чтобы остановить кровавую эпопею на всемъ протяженіи Россіи.

Англійскій король Эдуардъ послалъ русскому императору депешу, въ которой онъ выражаетъ свое живѣйшее сожалѣніе по поводу ужасныхъ событій въ Бѣлостокѣ и въ то же время указываетъ на взрывъ негодованія, который вызванъ этими событіями во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ интересахъ династіи имперіи, говоритъ депеша, а равно и въ интересахъ сохраненія соотвѣтствующаго положенія среди великихъ державъ разъ навсегда долженъ быть положенъ конецъ такимъ человѣческимъ актамъ, какъ бѣлостокскій погромъ.

Германскій императоръ торжественно отрекается отъ приписаннаго ему газетами какого-то отношенія къ внутренней русской политикѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ сильно проявляется движеніе въ пользу полного лишенія русскаго правительства какого-бы то ни было кредита. Американскіе милліардеры намѣрены выбросить на рынокъ русскія бумаги, чтобы совершенно обезцѣнить ихъ. Въ Парижѣ, на многолюдномъ собраніи, Анатоль Франсъ говорилъ, что русскій народъ не станетъ платить долги, сдѣланные русской бюрократіей послѣ созыва Думы, для борьбы съ ней. Франсъ сказалъ: «Пусть же наши сограждане имѣютъ уши, чтобы слышать. Они предупреждены: если они еще разъ ссудятъ деньгами русское правительство, чтобы оно могло по своему произволу разстрѣливать, вѣшать, рѣзать, грабить, убивать всякую свободу, всякую цивилизацію на всемъ пространствѣ своей исполинской и несчастной имперіи, это будетъ ужъ, конечно, преступленіемъ, а можетъ быть, и невыгоднымъ дѣломъ. Французскіе граждане, не давайте денегъ на новыя жестокости и безумства, не давайте новыхъ милліардовъ на мученіе столькихъ народовъ. Своимъ отказомъ вы покажете, что вы—друзья Россіи».

Въ Іокогамѣ и Краковѣ, Нью-Йоркѣ и Сиднеѣ, Будапештѣ и Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ, словомъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ раздаются громкіе протесты противъ погромной политики русскаго правительства, но это правительство слишкомъ погрязло въ преступленіяхъ, оно слишкомъ много пролило крови, чтобы остановиться. Для палача, для грабителя—убійцы нѣтъ возврата къ честной жизни: наложенное на него позорное клеймо всю жизнь будетъ жечь его, всю жизнь онъ будетъ если не видѣть, то чувствовать презрительное, гадливое отчужденіе людей, не запятнанныхъ гнуснымъ преступленіемъ. И палачъ и грабитель продолжаютъ свое гнусное дѣло, даже находятъ въ немъ особое удовлетвореніе.

То-же самое и всѣ эти Павловы, Столыпины и Треповы. Кто подастъ имъ руку, когда въ Россіи установится законный, конституціонный строй? Имя убійцы всегда будетъ сопровождать ихъ, и они мстятъ проснувшемуся русскому народу за то, что онъ наконецъ увидѣлъ на ихъ рукахъ кровь своихъ невинныхъ братьевъ, за то, что онъ не во-время проснулся. Они будутъ проливать кровь до тѣхъ поръ, пока они у власти, потому что только кровью они могутъ еще держаться хоть нѣсколько мѣсяцевъ, только отдавая города на разграбленіе подонкамъ общества, подъ охраной пьяной, потерявшей образъ человѣческой, орды полицейскихъ и солдатъ, они еще могутъ воображать, что они властвуютъ, но только воображать...

Кровью нельзя держаться прочно. «Вынувшій мечъ — отъ меча погибнетъ!» Это одинаково примѣнимо какъ къ анархистамъ слѣва, такъ и къ палачамъ справа. Трудно себѣ представить тотъ кровавый ужасъ, который можетъ произойти, когда систематически спаиваемая и развращаемая безнаказанностью преступленій часть арміи встрѣтитъ должный отпоръ со стороны все растущей части арміи сознательной, сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ. Сановные виновники этихъ грядущихъ ужасовъ, конечно, сумѣютъ бѣжать, но ихъ преступленіе останется...

И въ то время, когда весь міръ протестуетъ противъ образа дѣйствій русскаго правительства, а это «правительство» толкаетъ стосорокамилліонный народъ на страшный путь анархіи и междоусобной войны, въ самой Россіи идетъ вакханалія борьбы съ печатнымъ словомъ. Какъ страусъ, спрятавъ голову, думаетъ, что онъ скрылся отъ непріятели, такъ русское правительство полагаетъ, что, на прим., Бѣлостокской бойни не было, потому что газеты съ сообщеніями о ней конфискуются, и что въ арміи все спокойно, такъ какъ писать о волненіяхъ запрещено...

Разные цензора всѣхъ видовъ и ранговъ давятъ всякое сколько нибудь свободное слово, въ то время, какъ погромная литература благополучно процвѣтаетъ, призываетъ къ грабёжамъ и убійствамъ, и въ ней дѣятельное участіе принимаютъ и сами цензора.

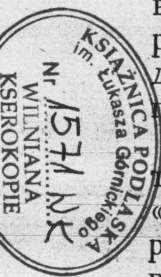
Вмѣсто эпилога.

Когда уже наша книга заканчивалась печатаніемъ, изъ С.-Петербурга въ Московскія изданія передана слѣдующая телеграмма:

«Въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ усердно собираетъ матеріалы, имѣющіе цѣлью доказать, что еврейскіе погромы возникали, главнымъ образомъ, вследствие провокаціи со стороны еврейскихъ революціонныхъ партій. Матеріалы эти лягутъ въ основаніе новаго правительственнаго сообщенія о погромахъ, въ которомъ будутъ опровергнуты всѣ газетные толки о роли администраціи въ погромахъ».

Какъ бы отвѣтомъ на это, одновременно:

«XX Вѣкъ» изъ вполне достовѣрнаго источника сообщаетъ, что членъ Государственной Думы князь Урусовъ собралъ въ настоящее время цѣлую коллекцію документовъ и подлинныхъ писемъ, относящихся къ организаціи погромовъ правительственными властями. Князь отпечаталъ всю эту литературу и представитъ на-дняхъ въ Государственную Думу оттискъ этихъ погромныхъ реликвій».

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	<i>стр.</i>
Гл. 1. Кровавая политика	6
« 2. Бѣлостокскій погромъ и правительство	47
« 3. Бѣлостокскій погромъ и Государственная Дума .	67
« 4. Ужасы Бѣлостока	101
« 5. Бѣлостокскій погромъ, печать и Европа . . .	125
« 6. Въмѣсто эпилога	141

